

Бахурина Александра Юрьевна (1966 г.р.)
Окончила Московский государственный историко-архивный институт (1989). Защитила кандидатскую диссертацию, посвященную государственному управлению в промышленности в годы нэпа (1992). Преподаватель кафедры истории государственных учреждений и общественных организаций Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета. Автор ряда статей по истории государственного управления в России начала XX в., ответственный составитель и автор комментариев в сборнике документов «Россия и США: экономические отношения. 1917–1933 гг.».

ISBN 5-88735-064-4

9 785887 135064 6

Ю Бактурина

**ПОЛИТИКА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В ВОСТОЧНОЙ ГАЛИЦИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Серия «АИРО — ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ»

АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА XX ВЕКА

СЕРИЯ "ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ"

под редакцией Г. А. Бордюгова

Международный совет издательских программ АИРО-XX

Г.А. Бордюгов	главный редактор
А.И. Ушаков	исполнительный директор
С.А. Александров	зам. исполнительного директора
К. Аймермахер	Рурский университет
Д. Байрау	Тюбингенский университет
В. Берелович	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Б. Бонвеч	Рурский университет
Х. Вада	Токийский университет
А.Ю. Ватлин	МГУ им. М.В. Ломоносова
Л.С. Гагагова	Институт российской истории РАН
П. Гобл	Фонд Потомак
Г. Горцка	Кассельский университет
А. Грациози	Университет Неаполя
Р.У. Дэвис	Бирмингемский университет
Е.Ю. Зубкова	Институт российской истории РАН
Ст. Коэн	Принстонский, Нью-йоркский университеты
Дж. Д. Морисон	Лидский университет
В.А. Нежекин	Институт российской истории РАН
Н. Неймарк	Стэнфордский университет
Д. Рейли	Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
Я. Хоулетт	Кембриджский университет
Ю. Шеррер	Высшая школа по социальным наукам, Париж

Представители АИРО-XX в Российской Федерации

В.М. Бухараев	Казань
В.А. Исаев	Новосибирск
В.В. Каищев	Тамбов
А.Г. Макаров	Москва
Н.А. Постников	Курск
В.П. Федюк	Ярославль
Т.А. Чумаченко	Челябинск

А. Ю. БАХТУРИНА

ПОЛИТИКА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В ВОСТОЧНОЙ ГАЛИЦИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЫ

Предисловие В. В. Шелохаера

МОСКВА
2000

СЕРИЯ “ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ”
ОСНОВАНА В 1993 ГОДУ

Бахтурина А.Ю. Политика Российской Империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны /Серия “Первая монография” под редакцией Г.А. Бордюгова. – М.: “АИРО-XX”, 2000. – 264 с.

В монографии впервые в отечественной и зарубежной историографии рассматривается история решения так называемого “польского” и “украинского” вопросов в контексте политики укрепления восточно-европейских границ Российской империи накануне и в годы Первой мировой войны.

Особенности политики самодержавия в Восточной Галиции исследуются на широком общенсторическом фоне с учетом факторов идеологии войны, внешнеполитической конъюнктуры, предстоящего передела мира и стремления “малых народов” к формированию национальной государственности. Впервые в научный оборот вводятся уникальные архивные документы из собраний РГВИА, РГИА, АВПРИ, и др. Предназначена для специалистов, преподавателей вузов, аспирантов и всех интересующихся историей России.

ISBN 5-88735-064-4

ISBN 5-88735-064-4

© Бахтурина А.Ю., 2000.

© “АИРО-XX”, 2000.

© Редактор серии Г.А. Бордюгов, 2000.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
Часть I	
ВОСТОЧНАЯ ГАЛИЦИЯ И РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	
Глава 1. Австрийская система управления и политическое размежевание в Галиции к началу войны.....	23
Глава 2. “Польско-украинский Пьемонт” и “русская партия” в начале XX в.	34
Глава 3. Восточная Европа в политических планах Российской Империи в начале войны	57
Глава 4. Галицкое временное военное генерал-губернаторство.....	70
Часть II	
УНИЯ И ПРАВОСЛАВИЕ В ВОСТОЧНОЙ ГАЛИЦИИ	
Глава 1. Униатская церковь накануне войны	113
Глава 2. Конфессиональная политика в Восточной Галиции в годы войны	142
Часть III	
ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГАЛИЦИИ. 1915–1917 гг.	
Глава 1. Отступление русских войск весной–летом 1915 г. Беженцы, “выселенцы”, заложники	187
Глава 2. Польша, Украина, Галиция в политических планах Российской Империи, Австро-Венгрии и Германии в 1916 г.	203
Глава 3. Галицкое военное генерал-губернаторство и командование Юго-Западного фронта.....	214
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	226
ПОСЛЕСЛОВИЕ.....	229
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	231
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.....	240
ИЛЛЮСТРАЦИИ	245

В В Е Д Е Н И Е

Конец XIX – начало XX столетия в истории России, целого ряда государств Европы и Америки стали временем стремительного роста промышленного и финансового капитализма и резко возросшей его экспансии. Свообразным рубежом этого бурного развития стал мировой политический кризис 1914 г. В течение многих лет в отечественной историографии начало Первой мировой войны рассматривалось как закономерный итог развития капитализма. В последние годы, с учетом теоретико-методологических разработок зарубежных авторов, российские исследователи уделяют большое внимание изучению национальных и политических причин глобального военного конфликта начала XX в. Накануне Первой мировой войны “национальный вопрос сплетался в запутанную канву внутренних противоречий, блоковую политику великих держав, в амбициозные расчёты лидеров национально-освободительных движений, захватнические устремления которых часто оттесняли на второй план демократическое содержание справедливой борьбы народов” (1). Национально-освободительная борьба народов Балканского полуострова, национальные движения в трёх империях – Османской, Австро-Венгерской и Российской осложняли и без того непростую ситуацию на европейском континенте. Влияние национального вопроса на российскую политику начала XX в. было также несомненно. Это сказывалось как во внешней, так и во внутривнутриполитической деятельности государства. Развитие и укрепление в российском обществе идей панславизма приводило, во-первых, к широкой пропаганде идей всеславянского единства, и, во-вторых, к формированию идеализированных представлений о едином русском народе от Карпат до Камчатки, державности русского народа. Эти идеи рождали политические планы и научные работы, правительственные документы и публицистические статьи.

В начале Первой мировой войны призывы к укреплению национальной империи и общеславянскому единению зазвучали с особой

силой. По этому поводу П.Б. Струве писал: “Вероятно, многим из русских интеллигентов до войны идеалом государственного устройства представлялась безнациональная Австрия... Многие, может быть только на факте войны 1914 г., поняли, что Россия сильна как национальное государство. Это ощущение России как национального государства есть правда национализма как чисто политического начала. Россия не просто национальное государство... а именно национальная Империя... Русская национальность в этой национальной империи есть не только первенствующий, но и скрепляющий элемент” (2).

Если к панславистским течениям общественной мысли правительственные верхи Российской Империи относились довольно осторожно, то идея общерусского единения встречала большее одобрение, вписываясь в концепцию “исправления границ” России на западе. Второй, немаловажный фактор, заставлявший бюрократию со вниманием прислушиваться к призывам националистов завершить историческое объединение русского народа и укрепить “Империю русских” – национальные движения внутри государства. Политика русификации внутри Российской Империи и противодействие проникновению “сепаратистских” течений из-за рубежа приобретали особое значение в условиях возросшего стремления к культурной автономии или политической независимости различных частей империи. В связи с названными проблемами российские государственные и общественные деятели весьма пристальное внимание уделяли Восточной Галиции. Но не только стремление к национальному единству было причиной пристального внимания России к этой сравнительно небольшой части Австро-Венгрии. Галиция вызывала огромный интерес еще и потому, что входила в состав государства, отношения с которым в начале века становились всё более сложными.

Галиция представляла собой историческую область на территории современной Западной Украины (Восточная Галиция) и Польши (Западная Галиция). В IX – начале XII вв. Восточная Галиция входила в состав древнерусского государства. В XII–XIII вв. Восточная Галиция неоднократно подвергалась вторжениям польских, венгерских, монголо-татарских и литовских войск. В 1340–1387 гг. польская знать захватила большую часть Восточной Галиции, разделив её на Галицкую, Львовскую, Перемышльскую, Саноцкую, Холмскую и Белзкую земли. В середине XV в. Галицкая, Львовская, Перемышльская и Саноцкая земли были объединены в русское воеводство с административным центром во Львове. Получив по первому разделу Польши (1772 г.) западно-украинские и частично польские земли, Австрия образовала на их основе “Королевство Галиции и Лодомерии с Великим герцогством Краковским” (3).

Пограничный характер этих земель, историческая связь территории Галиции с древнерусским государством и Украиной (Малороссией), находившейся в составе Российской Империи, и ряд других факторов сделали Галицию объектом пристального внимания со стороны австро-венгерского и российского правительств. В августе 1914 г. русские войска вступили на территорию Австро-Венгрии и заняли часть Галиции и северной Буковины. И сразу же была предпринята беспрецедентная в истории попытка реализовать в условиях войны задачу слияния Галиции с Российской Империей как органической её части. Планы российских политиков были во многом основаны на идее исторического единства этих территорий.

В связи с этим возникает вопрос: насколько оправданной была ставка российских политиков на симпатии населения Восточной Галиции к России? Ведь, несмотря на общие исторические корни восточнославянских народов, населявших территории Восточной Галиции и России, их пути давно разошлись. Налицо были различия в культуре, языке и конфессиональной принадлежности.

Как националистическая идеология влияла на противостояние держав накануне Первой мировой войны и действия русской администрации в Восточной Галиции в 1914–1917 гг.? Какое место занимал национальный вопрос во взаимоотношениях Австро-Венгрии и Российской Империи перед войной, и какое место в этих отношениях отводилось Галиции? И, наконец, в чём конкретно выразилась русская имперская политика в Галиции накануне и в годы Первой мировой войны?

Отношение Российской Империи к Восточной Галиции, исторические связи этих территорий, политика Габсбургов стали предметом изучения в России и за рубежом уже в начале XX в. Позиция отечественной историографии в это время, в первую очередь, зависела от взаимоотношений Австро-Венгрии с Россией и её союзниками – Англией и Францией. Поэтому империя Габсбургов рассматривалась как государство, которое всячески препятствует развитию славянских народов.

Это обстоятельство имело решающее значение и нашло свое отражение в исследованиях и публицистике начала XX в. по истории и современному состоянию Австро-Венгрии и народов, проживающих на её территории. В итоге, основным мотивом в историографии названного периода стало решение вопроса о том, к кому ближе Восточная Галиция в силу своих этнических, исторических, религиозных и территориальных особенностей, и связи с каким государством – Россией или Австро-Венгрией – могут дать максимальные возможности для её дальнейшего развития. Поэтому в литературе начала XX в. основное внимание было обращено на следующие моменты: развитие языка и национальной

культуры; на национально-политическую ситуацию и взаимоотношения с польским населением Галиции; политическую систему Австро-Венгрии и права населения Галиции на участие в местном и высшем государственном управлении. В отечественной историографии начала века не были затронуты вопросы, связанные с интересами и конкретной деятельностью правительственных чиновников Российской Империи на этой территории. Недоступность правительственных и дипломатических документов, политизированные оценки позиций России и Австро-Венгрии делали невозможной даже саму постановку подобной задачи.

Но даже и при таком ограничении круга вопросов, связанных с изучением истории и современного положения Галиции, в работах российских историков и публицистов начала века (4) не было единства. Одни придерживались мнения о том, что в Восточной Галиции проживает русское население, насильственно отторгнутое от России и стремящееся к воссоединению. Именно в таком тоне были написаны работы Д. Вергуна (5), А. Вознесенского, украинского писателя Ивана Франко (6). Другие считали, что в Галиции на почве борьбы против польского влияния сложилась и продолжает складываться особая культурно-историческая общность, призванная сыграть значительную роль в образовании украинской государственности. Лидером этого направления стал профессор М. Грушевский (7). В своей работе “Освобождение России и украинский вопрос” он писал, что в Галиции были созданы все условия для свободного развития украинской культуры. Назвав Галицию “Украинским Пьемонтом”, Грушевский писал о ней: “По мере того, как национальное украинское движение в Галичине крепло и из стадии наивного романтизма переходило к разрешению задач культурного, социального и политического развития народа... Галиция, несмотря на собственные весьма тяжёлые условия национального и экономического существования, делается центром украинского движения и по отношению к украинским землям России играет роль культурного арсенала, где создавались и совершенствовались средства национального, культурного и политико-общественного возрождения украинского народа” (8). Ему вторили его последователи: С. Томашевский, М. Левицкий и другие (9).

Ф. Корш, в свою очередь, утверждал, что “в Австрии, где нет иных русских, кроме малороссов, они... как только получили некоторое право на употребление своего языка помимо домашнего обихода, быстро стали на свои ноги и в какие-нибудь полвека создали свою самостоятельную культуру, отличную и от великорусской, и от польской” (10). Польская публицистика нередко включала Галицию в состав польских земель (11).

Единого мнения по вопросу о степени близости Галиции к России в русской публицистике начала XX в. не было. Как не было в большинстве случаев и достаточной аргументации в пользу той или иной точки зрения. Одной из немногих работ, где автору почти удалось избежать излишней политизации и подтвердить свою точку зрения достаточным количеством фактического материала, стало исследование харьковского профессора А.Л. Погодина “Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 года”, опубликованное в 1915 г.

В своём труде наряду с другими национальностями Погодин рассматривает положение “русского племени в Австро-Венгрии”. Говоря о Галиции, он придерживается того мнения, что процесс национальной дифференциации восточнославянского населения там еще не завершён, и можно говорить о развитии на этой территории русского и украинского населения. Профессор пишет, что “перед нами происходит один из интереснейших процессов народообразования, который совершался довольно бурно, и, естественно, не обходился без эксцессов. Удалось ли бы украинцам украинизировать всё русское население Восточной Галиции, или наоборот, притягательная сила русской государственности и русской культуры привлекла бы на свою сторону массы русского племени в Австро-Венгрии – этот вопрос остался не разрешённым...” (12). Погодин далёк в своем исследовании от крайних политических оценок. Его работа интересна значительным количеством фактического материала по истории Галиции накануне 1914 г. и попытками его научной систематизации.

Другая работа Погодина “Зарубежная Русь” посвящена непосредственно Галиции. Это подробный исторический очерк, где основное внимание автора сосредоточено на истории литературных и общественно-политических движений, связанных с борьбой за национальное самосознание. Как и в “Славянском мире”, Погодин воздерживается от определённых выводов относительно близости Галиции к России.

Следующий этап в развитии историографии начался со вступлением русских войск на территорию Австро-Венгрии, созданием в Восточной Галиции временного военного генерал-губернаторства. Интерес к проблеме возрос. Появилось огромное количество публицистических работ по истории Галиции и её положению в начале XX в. Общий тон российской публицистики в 1914–1915 гг., как и прежде, не был одинаков. Большинство авторов провозглашало лозунг долгожданного воссоединения русских Галиции с братьями в России. За редкими исключениями такого рода работы были крайне политизированы. Весьма часты были высказывания типа: “Язык галичан – исконно русский, а украинцы

с их жаргоном – продукт австрийской изобретательности, особой украинской фонетики, представляющей собою смесь польского, немецкого малорусского и даже латинского языков” (13). Но далеко не все придерживались этого мнения. Отдельные авторы считали, что Галиция – это часть Украины, в Восточной её части проживают украинцы, которые до прихода русских войск пользовались значительными национальными и политическими правами самостоятельной нации. Наиболее полно в этой области среди изданий тех лет является работа Н.В. Ястребова “Галиция накануне Великой войны 1914 г.” (14). В ней представлен краткий исторический очерк, рассмотрено экономическое и политическое положение Галиции.

Несмотря на обилие работ о Галиции, написанных и опубликованных в 1914–1917 гг., в большинстве из них ни слова не сказано о ситуации, сложившейся там в годы войны. О факте вступления русских войск в Галицию в августе–сентябре 1914 г., об их взаимоотношениях с мирным населением, первых попытках военных властей организовать управление Восточной Галицией, в лучшем случае, только упоминается.

После окончания Первой мировой войны в России история Австро-Венгрии и её населения не стала объектом пристального внимания исследователей. Но накануне Второй мировой войны в СССР активно возрождаются идеи державности. В этих условиях меняется трактовка национальной политики Российской Империи. На смену обличительной позиции школы Покровского приходит направление, провозглашающее величие русской нации и государства. Если раньше царизм провозглашался “тюрьмой народов”, то накануне Второй мировой войны политика царской России, направленная на расширение собственной территории трактуется как исключительно положительное явление (15).

Присоединение к СССР Западной Украины в 1939 г. сразу же нашло отражение в историографии и послужило началом нового этапа изучения взаимоотношений России и Восточной Галиции. Одной из первых была работа академика В. Пичеты “Историческая судьба Западной Украины и Западной Белоруссии” (16), изданная в 1939 г. В работе были показаны этнические связи населения Галиции с Украиной в составе России. В отечественных исторических работах после 1939 г. уже не делалось попыток рассматривать Галицию как исконно русскую область, поскольку Украина стала отдельной национально-территориальной единицей в составе СССР. Признание Украины повлекло за собой и признание Галиции как части Украины, а не России. В предвоенной и послевоенной историографии основное внимание уделялось тому, чтобы раскрыть корни единства украинского народа, исторической общно-

сти всех восточнославянских народов, показать закономерность вхождения Западной Украины в состав СССР.

Изучение истории Галиции в начале XX в. с привлечением архивных документов и материалов периодической печати началось в середине 50-х гг. Первыми обобщающими трудами по истории Галиции стали монография В.К. Осечинского “Галичина під гнітом Австро-Угорщини в епоху імперіалізму” (17), а также ряд его статей (18). В работе Осечинского один раздел посвящён именно взаимоотношениям России и восточной Галиции в 1914–1915 гг. Осечинский пришёл к выводу, что русские власти были поддержаны местным населением, но “шовинистическая политика царизма” привела к тому, что в Галиции был допущен ряд административных и политических просчётов.

В 50-х гг. весьма подробно изучалось влияние российского революционного движения на Восточную Галицию в 1905–1907 гг. (19). В эти же годы предпринимаются попытки изучения общественно-политических движений в Восточной Галиции. Появились исследования, посвящённые деятельности И. Франко, М. Павлика. С конца 50-х гг. возрастает интерес к проблемам социально-экономической истории. В связи с этим изучаются вопросы положения рабочего класса, развития социально-экономической мысли в Восточной Галиции. В 60-х гг. исследуются проблемы распространения социалистических идей на западно-украинских землях.

В последнее время внимание исследователей привлекает изучение этнических особенностей Восточной Галиции, вопросы, связанные с проблемами народонаселения (20). В целом, для советской историографии была характерна антиавстрийская традиция, сложившаяся ещё накануне Первой мировой войны. Трактовка Австро-Венгрии как “тюрьмы народов” и констатация тяготения восточных славян к единству вполне объясняла необходимость присоединения к России части Галиции.

Вопросы о месте Восточной Галиции в политике Российской Империи начала XX в. до последнего времени оставались вне внимания отечественной историографии. Одним из первых обратил внимание на эту проблему В.Н. Савченко в своей статье “Восточная Галиция в 1914–1915 гг. (этносоциальные особенности и проблема присоединения к России)” (21). Но эта работа в настоящий момент остаётся единственной по данной проблематике, а возможности статьи, естественно, не позволили автору всесторонне рассмотреть все аспекты темы.

Галиция также стала объектом самостоятельного изучения за рубежом. Говоря об общих тенденциях развития историографии вопроса в Европе и США, следует заметить, что антиавстрийская традиция была

характерна на протяжении многих лет не только для советской историографии, но и в значительной степени для французской и английской (22).

Посвящённые истории Галиции в XX в. работы стали публиковаться за рубежом уже в 30-х гг. нашего столетия. Одной из первых стала статья Д. Дорошенко “Униатская церковь в Галиции 1914–1917 гг.” (23). Активное целенаправленное изучение Галиции началось позднее и пришлось на 70-е – 80-е гг.

В конце 70-х – начале 80-х гг. были опубликованы фундаментальные работы историка П. Магоши (24), посвящённые целиком истории Галиции. В них автор рассматривает Галицию как территорию, которая сыграла огромную роль в становлении украинской нации и национальном самоопределении украинцев. Автор затронул вопросы, связанные с политикой Австро-Венгрии и Российской Империи в Восточной Галиции. Он пришёл к выводу, что оба государства стремились использовать процессы национального самоопределения украинцев в своих целях, но это им не удалось. Политика Австро-Венгрии рассмотрена им чрезвычайно подробно. Российская же политика, в основном, только упоминается. Аналогичным образом построено и большинство работ других авторов по этой проблематике: фундаментальный анализ австрийской политики в Галиции сочетается с отдельными упоминаниями о позиции России в отношении этой территории (25).

Можно констатировать, что в обширной зарубежной историографии по проблемам Восточной Галиции вопросы, связанные с конкретной деятельностью русских военных и гражданских властей по управлению Восточной Галицией в годы Первой мировой войны: проведение мероприятий по созданию там русской школы, конфессиональная политика, экономическое состояние края и организация широкой помощи со стороны российского правительства мирному населению, положение австрийских чиновников, причины массового оттока беженцев из Галиции в южнорусские губернии весной 1915 г. и их положение в России в сравнении с беженцами из других местностей, не стали объектом самостоятельного изучения.

Одной из важнейших проблем в истории Галиции исследователи считали конфессиональный вопрос. К настоящему времени сложилась весьма интересная историография, в которой следует условно выделить два направления. Первое направление можно назвать “католическим”, второе – “православным”. Оба они имеют общий объект исследования (изучение истории униатской церкви в Галиции в начале XX в. и её взаимоотношений с православием) и кардинально расходятся в оценках. Особое место среди этих работ занимают труды, посвящённые деятельности униатского митрополита Андрея Шептицкого.

Этот вопрос подробнейшим образом затронул дьякон Василий, клирик униатской церкви, автор работы, посвящённой жизни и деятельности Леонида Федорова – главы католического экзархата в России в начале XX в. В обширной монографии “Леонид Федоров. Жизнь и деятельность” (26) один раздел посвящён предыстории возникновения католического экзархата (он был образован по разрешению Временного правительства) и деятельности митрополита Андрея Шептицкого в начале нашего столетия. Говоря о Шептицком, автор, в основном, использует периодическую печать и свидетельства самого Шептицкого, а также отдельные мемуарные источники. Он не пытается завуалировать активную деятельность Шептицкого по созданию в России католической церкви “восточного обряда”, считая её возникновение положительным явлением. Упоминает о деятельности Шептицкого также И.К. Смолич в своём фундаментальном труде “История русской церкви. 1700–1917” (М., 1997). Для Смолича деятельность Шептицкого – один из шагов Рима по насаждению унии в России, отражение векового противостояния между католичеством и православием.

Особое место среди работ по данной тематике занимают труды немецкого историка Э. Винтера, которые практически невозможно отнести к тому или иному направлению. Винтер в своей работе “Папство и царизм” попытался показать взаимоотношения Ватикана со Святейшим Синодом и российским правительством, деятельность униатского митрополита Шептицкого как отражение политических интересов сторон.

Тем не менее до настоящего времени не предпринимались попытки всесторонне осветить деятельность митрополита Андрея Шептицкого с точки зрения дипломатических задач, стоявших перед Австро-Венгрией и Россией в начале XX в.

Состояние отечественной и зарубежной историографии позволяет констатировать, что, несмотря на наличие фундаментальных работ, история политики России в Восточной Галиции в начале XX в. и особенно в годы Первой мировой войны осталась практически не рассмотренной.

Сложность проблемы очевидна. Чтобы более или менее верно ответить на вопрос о целях и результатах российской политики в отношении Восточной Галиции в начале Первой мировой войны, необходимо привлечь максимальное количество опубликованных и неопубликованных источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот в данной монографии.

Первые официальные документы по истории взаимоотношения России и Восточной Галиции были опубликованы в 1916 г. во внутриведомственных изданиях и считались секретными. Это отчёты управлений временного военного генерал-губернаторства в Восточной Галиции,

канцелярии губернаторства. В отчётах приводится официальная статистика обращения униатов в православие, высылки “вредных элементов” из Галиции, приказы и распоряжения генерал-губернатора, главнокомандующего Юго-Западного фронта генерала Иванова, начальника штаба верховного главнокомандующего Н.Н. Янушкевича (27). Кроме того, во время войны были изданы приказы военного генерал-губернатора Галиции В.А. Бобринского (28). Этими документами исчерпывается комплекс опубликованных официальных документов. Помимо них в числе опубликованных источников имеются мемуары и периодическая печать.

Весьма ценными для исследователя являются воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского) и протопресвитера армии и флота о. Георгия (Щавельского). В мемуарах митрополита Евлогия (29), записанных с его слов в 1935–1937 гг. Т. Манухиной, описывается деятельность митрополита (в годы Первой мировой войны – архиепископа Вольнского) в Восточной Галиции в 1914–1915 гг., куда владыка прибыл по распоряжению Святейшего Синода и личному желанию императора Николая II.

Не менее интересны мемуары протопресвитера Георгия Щавельского (30), который приводит ряд эпизодов (связанных с приездом в Восточную Галицию обер-прокурора Св. Синода В.К. Саблера), свои наблюдения и выводы о ситуации в Галиции. Сохранились и другие источники личного происхождения, которые иногда противоречат друг другу и практически все без исключения требуют проверки и сопоставления с другими документами.

Огромное значение для данной темы имеет дипломатическая переписка. Часть этих документов была опубликована в 1935 г. в много-томной серии “Международные отношения в эпоху империализма” (31).

Материалы периодической печати представлены как общероссийскими (“Русские ведомости”, “День”, “Новое время”, “Правительственный вестник”, “Церковный вестник”, “Колокол”), так и местными (“Киевлянин”, “Киевская мысль”, “Приазовский край”, “Львовский вестник”, “Львовское военное слово”, “Прикарпатская Русь”) газетами и журналами.

В то же время основной комплекс документов, дающих наиболее полное представление о сущности и характере взаимоотношений Восточной Галиции с Российской Империей в годы Первой мировой войны, находится в архивах.

В фондах Архива внешней политики Российской Империи (АВПРИ) хранятся документы о деятельности русской администрации в Галиции, дипломатическая переписка с представителями МИДа при

Ставке Верховного главнокомандующего, российскими посланниками за рубежом по вопросам политики в Галиции. Среди наиболее интересных в этом комплексе документов – письма коллежского асессора Олферева, работавшего в дипломатической канцелярии Ставки и занимавшегося галицийскими делами. До войны Олферев работал в российском консульстве в Львове и имел достаточный опыт. Его письма начальнику канцелярии министра иностранных дел М. Ф. Шилингу содержат описания действий русской администрации, положения местного населения и сопровождаются обширными выводами самого Олферева по вопросам политики в Галиции.

Опираясь на документы АВПРИ, впервые появилась возможность сделать выводы о роли В. А. Бобринского, Д. Н. Чихачева и других членов IV Государственной думы в управлении Восточной Галицией, разработке основных принципов деятельности русской администрации. Эволюция позиции Ставки в отношении Восточной Галиции прекрасно прослеживается благодаря документам генерала Н. Н. Янушкевича, также использованным при написании книги.

В фондах Совета министров и Департамента духовных дел иностранных исповеданий министерства внутренних дел также находятся документы по вопросам управления Галицией, которые, в основном, затрагивают вопросы, связанные с экономической эксплуатацией края и организацией продовольственной помощи местному населению и беженцам из Галиции. На основании этих документов также возможно говорить о взаимоотношениях между Советом министров и Ставкой по вопросам, связанным с Восточной Галицией, отношении Совета министров к проблемам Галиции в контексте польского и украинского вопросов внутри Российской Империи.

В Российском государственном военно-историческом архиве хранятся документы, освещающие деятельность военных властей в Восточной Галиции, их взаимоотношения с гражданской администрацией. Переписка генералов А. А. Брусилова и М. В. Алексеева, на основании которой можно говорить о важнейших аспектах эволюции политики в Галиции в 1916 г. и об усилении роли военных в управлении.

Изложение материала по истории политики Российской Империи в Восточной Галиции в 1914–1917 гг. требует обширных предварительных пояснений. Поэтому первая часть книги посвящена вопросам, связанным с организацией управления Восточной Галицией накануне и в начале Первой мировой войны, политикой российского МИДа и деятельностью представителей российских общественно-политических кругов в Галиции в начале XX в.

Отдельно рассмотрены взаимодействие униатской и православной церквей на этой территории.

Второй период (1916–1917 гг.), когда в Восточной Галиции было вновь восстановлено русское управление, был сравнительно недолгим. Поэтому последняя часть, в основном, посвящена вопросам эволюции политики российской администрации в контексте национального вопроса внутри империи.

Проблемы, рассмотренные в главах 4 (часть 1), 2 (часть 3), являются частью исследования, поддержанного грантом РГНФ, проект № 98-01-00460.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. История внешней политики России. Конец XIX – начало XX вв. – М., 1997. С.12.
2. //Биржевые ведомости. 1914. 23 декабря.
3. Отечественная история с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. – М., 1994. С.510.
4. Будилович А. О необходимости укрепления духовных связей России с Червонной Русью //Галицко-русский вестник. 1894. № 1. С.10–18; Васильев А.Ф. Зарубежная Русь. – Пг., 1905; Вергун Д. Что такое Галиция? – Пг., 1915; Витте Е. Буковина и Галичина. – Киев, 1905; Вознесенский А. Зарубежная Русь к началу 20-го века. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1900; Корш Ф. Украинский народ и украинский язык //Известия общества славянской культуры. – М., 1912. Т.2. Кн.1. С.24–40; Ливчак И.Н. О современном раздвоении культурных направлений в общественной жизни Галицкой Руси. – СПб., 1903; Мончаловский О.А. Положение и нужды Галицкой Руси. – М., 1915; Марков Д.А. Русская и украинская идея в Австрии. – М., 1915.
5. Вергун Дмитрий Николаевич (1871–1951), общественный деятель, публицист, сотрудник газеты “Новое время”, член Славянского благотворительного общества, член Галицко-русского общества.
6. Иван Франко. Ідеї і ідеали галицької москвофільської молодіжі //Львівський науковий вісник. 1906.
7. Грушевский Михаил Сергеевич (1866–1934), украинский общественный деятель, профессор, с 1923 г. академик Украинской АН, с 1929 г. – действительный член АН СССР.
8. Грушевский М. Освобождение России и украинский вопрос. – СПб., 1907. С.116.
9. Томашівський С. Галичина, політично-історичний нарис з приводу світової війни. Львів, 1915; Левіцький К. Українські політики. – Львів, 1913.
10. Корш Ф. Украинский народ и украинский язык //Известия общества славянской культуры. – М., 1912. Т.2. Кн.1. С.31.
11. Studnicki W. Die Umgestaltung Mittel-Europas durch den gegenwartigen Krieg. Doe Polen frage in ihrer Internationalen Bedeutung. – Wien, 1915; Вижак Фр. Галиція. – Lwow, 1908.
12. Погодин А.Л. Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. – М., 1915. С.64
13. Белгородский А.В. Галиция – исконное достояние России. – Пг., 1915. С.44.
14. Ястребов Н.В. Галиция накануне Великой войны 1914 г. – Пг., 1915.
15. Подробнее см: Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. Сб. статей. – М., 1995. С.30.
16. Пичета В. Историческая судьба Западной Украины и Западной Белоруссии. – М., 1939.

17. *Осечинський В.К.* Галичина под гнітом Австро-Угорщини в епоху імперіалізму. – Львів, 1954.

18. *Осечинський В.К.* Колоніальні становище Галичини в складі Австро-Угорщини //Наукові записки Львівського університету. 1955. Т. XXXVI. С.35–65; *Осечинський В.К.* До питання історіографії західноукраїнських земель в добу імперіалізму //Вісник Львівського університету. 1965. С.3–11.

19. *Довгаль І.* Вплив Російської революції 1905 року на розвиток революційного руху в Галичині. – Київ, 1952.

20. *Кабузан Н.В.* Етно-демографічна ситуація в Галичині та на Буковині в кінці ХVІІІ – початку ХХ вв. // Проблеми історичної демографії СРСР та Західної Європи (період феодалізму та капіталізму). – Кишинів, 1991. С.85–98; *Савченко В.Н.* Восточно-славянсько-польське пограниччя. 1918–1921 гг. Етносоціальна ситуація та державно-політичне розмежування. – М., 1995.

21. *Савченко В.Н.* Восточная Галиция в 1914–1915 гг. (этносоциальные особенности и проблема присоединения к России) //Вопросы истории. 1996. № 11–12. С.95–106.

22. Австро-Венгрия: опыт многонационального государства: Сб. статей. – М., 1995. С.32.

23. *Dmitro Doroshenko.* The Uniate Church in Galicia. 1914–1917 //Slavonic and East European Review. 12:2.622–27. April. 1934.

24. *Magocsi Paul.* The language Question in Nineteenth Century Galicia //Riccardo Picchio and Harvey Goldblatt. Vol.2. Columbus. Ohio. Slavica. 1983. P.302–324; *Magocsi Paul Robert.* The Shaping of a National Identity: Subcarpathian Rus' 1848–1938. – Cambridge, 1978.

25. *Kann R.* A History of the Habsburg Empire. 1526–1918. Berkeley University of California Press, 1974; *Ciuciara Theodore B.* Provincial Politics in the Habsburg Empire: The Case of Galicia and Bukovina //Nationalities Papers. 13:2:247:73.; *Ciustura, Theodore Bohdan.* Galicia and Bukovina as Austrian Crown-Provinces: Ukrainian Experience in Representative Institutions 1861–1918 //Studia Ukranica. 2.1984. P.175–196; *Dyrud, Keith Paul.* The Rusin Question in Eastern Europe and in America. 1890 – World War I. Ph. D. diss. University of Minnesota, 1976; *Himka John-Paul.* The Greek Catholic Church and Nation Building in Galicia. 1772–1918 //Harvard Ukrainian Studies. 8:3–4:426–52.

26. *Васильй ЧСВ, дьякон.* Леонид Федоров. Жизнь и деятельность. – Рим, 1966.

27. Отчёт канцелярии временного военного Галицкого генерал-губернатора. – Киев, 1916.

28. Приказы войскам временного военного генерал-губернаторства Галиции. – Б. м., 1915. Т.1–2.

29. *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Путь моей жизни. – М., 1994.

30. *Георгий (Шавельский), протопресвитер.* Воспоминания. – Нью-Йорк, 1954. Т.1–2.

31. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878–1917 гг. – М., 1935. Серия III. 1914–1917 гг. Т. VI–VII.

Часть I

**ВОСТОЧНАЯ ГАЛИЦИЯ
И РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

ГЛАВА I

АВСТРИЙСКАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ В ГАЛИЦИИ К НАЧАЛУ ВОЙНЫ

Галиция вошла в состав Австрии по первому разделу Польши (1772 г.). Получив западно-украинские и частично польские земли, Австрия образовала на их основе “Королевство Галиции и Лодомерии с Великим герцогством Краковским” (1).

В момент присоединения территории Галиции к Австрии по разделу Польши 1772 г. приблизительно две трети населения там составляли русины – униаты и православные и одну треть – поляки. Это соотношение сохранялось и в последующие периоды. Так, в середине XIX в. большинство населения провинции составляли русины и евреи (43,7% и 11,8%). Местное дворянство, помещики были поляками и занимали лидирующие позиции, а русины, в основном, принадлежали к крестьянству. Национальная и религиозная обособленность большинства населения присоединённой Польши от поляков была до определённой степени новостью для австрийского правительства. Это обстоятельство оказалось крайне удобным для Вены при формировании политики в отношении польской шляхты. В течение XIX столетия австрийские власти старались в периоды роста польской оппозиции в Галиции поддерживать русинское население как своеобразный национальный и политический противовес.

“Русское” население края, продолжавшее этнический массив восточнославянского населения Подолии, Волыни и Холмщины в XIX – начале XX вв. в российской научной литературе и публицистике чаще всего обозначалось как “русины”. Современная научная литература, в основном, использует термин “украинское население”. В связи с этим необходимо отметить, что в начале XX в. термин “украинец” в России и Восточной Галиции зачастую означал принадлежность к определённому

политическому лагерю (2). Поэтому в данной работе термины “русины” и “украинцы” будут использоваться с учётом специфики их применения в изучаемый период. Само местное население Восточной Галиции довольно долго именовало себя “русским” (с одним “с”) или “руським”. Как отмечал один из местных жителей в 1914 г., “народ украинский в Галиции называет себя «русским»... Это долгое время была единственная «оппозиция», которую мог позволить себе наш мужик в трудной борьбе с немцами и поляками” (3).

Любопытен в связи с этим эпизод, рассказанный М. Пришвиным после его поездки во Львов в январе 1915 г.: “Из двух главных языков этого многоязычного города – польского и немецкого – я знал только немецкий, потому я спросил по-немецки одного простолюдина, не знает ли он, где находится Ставропигийный институт. Он замотал головой...

– Желаете говорить по-польски? – спросил я.

– По-руськи, – ответил он.

Я спросил по-русски, он замотал головой:

– То по-российски...” (4).

Австрийское правительство довольно долго не могло найти обозначения для непольского населения Галиции. В 1848 г. ситуация изменилась, и связано это было именно с ростом польского сепаратизма. Весной 1848 г. в Львове возникла польская “Центральная рада народа”. Она начинает добиваться превращения Галиции в автономную польскую провинцию австрийской монархии. Требования поляков обеспокоили не только правительственные верхи, но и русинское население. Немногочисленные представители русинской общественности и духовенства в противовес польской “Центральной раде” 2 мая 1848 г. образовали “Головну руську раду”. Основной задачей нового общественно-политического течения было провозглашено обеспечение свободного национального развития украинского населения Восточной Галиции. В своём обращении, опубликованном в газете “Зоря Галицька”, представители нового политического течения писали: “Мы, русины галицкие, принадлежим великому руському народу, который разговаривает одним языком и насчитывает 15 миллионов, из которых 2,5 миллиона населяют землю галицкую” (5). Галицийские русины в 1848 г. получили правительственную поддержку, но при этом губернатор Галиции Стадион, принимая представителей галицийской русинской общественности, подчеркнул, что рассчитывать на помощь правительства русины могут в том случае, если захотят быть “самостоятельным народом” и откажутся “от национального единства с народом вне государства, именно – в России” (6). Условие было принято.

После событий 1848 г. в официальную административную лексику был введён термин “рутены” (Ruthenisch) (7). Таким образом авст-

рийское правительство выделило часть коренных жителей Восточной Галиции в особую национальную группу, подчеркнув их отличие и от поляков, и от русских. Стремление австрийского правительства нейтрализовать польскую оппозицию в Галиции за счёт поддержки русинского населения имело весьма серьёзные последствия. Во-первых, с 1848 г. укрепилось определённое культурное и политическое обособление русинов Галиции, приведшее к появлению заметных различий между ними и малороссийским населением Российской Империи. Во-вторых, усилились стремления немногочисленной русинской интеллигенции к самостоятельной культурной, а затем и политической жизни.

Хотя поддержка австрийским правительством русинского населения не была последовательной, и ситуация постоянно менялась в зависимости от политической конъюнктуры, но уже в середине XIX в. русинское общественное движение стало серьёзным фактором местной жизни, особенно в Восточной Галиции, где поляки составляли меньшинство. Не без участия австрийского правительства, старавшегося сохранить стабильность в Галиции за счёт поддержки там антипольских общественных сил, важнейшей особенностью политического размежевания галицийской общественности стало то, что в её основе лежала, в первую очередь, национальная принадлежность.

В 40-х гг. XIX столетия в Галиции начался процесс, получивший в историографии название “Закарпатское национальное возрождение”. Горстка патриотически настроенных русинских религиозных и культурных деятелей в сложных условиях господства немцев, венгров и поляков сумела возродить и создать ряд национально-культурных центров, периодических изданий и полноценную литературу на родном или близком к нему языках. Не останавливаясь на этом подробно, заметим, что между сторонниками этого движения не было единства. С середины XIX в. они условно делились на две большие группы: приверженцев “народного” (по существу украинского) и “традиционного” литературного языка (т.е. русифицированного церковнославянского, а потом и великорусского языка) (8). Эти противоречия в позиции интеллигенции, различные взгляды на проблему культурного развития Восточной Галиции к началу XX в. легли в основу политического размежевания галицкой общественности. В результате в культурной и политической жизни Восточной Галиции сформировались, условно говоря, “украинофильское” и “москвофильское” направления. В конце XIX в. были предприняты попытки организационного оформления этих течений.

В 1900 г. профессор М. Грушевский основал народно-демократическую партию, сплотившую украинскую национальную оппозицию, негативно относившуюся как к полякам и польским политическим

группировкам, так и к “москвофилам”, ориентированным на сближение с Россией. Вскоре в Галиции была также образована украинская социал-демократическая партия, также активно выдвигавшая национальные требования.

К концу 90-х гг. XIX в. “москвофильское” течение стало распадаться на две части – умеренных и радикалов. 22 декабря 1899 г. представители радикалов распространили воззвание (9), в котором говорилось: “Русско-народная партия в Галичине исповедует, на основании науки, действительной жизни и глубокого убеждения, национальное и культурное единство всего русского народа”, необходимость “для русского населения Австрии жить и развиваться без разрыва связи с традиционными основами русского народа... Задача русско-народной партии состоит в стремлении... не только защитить русское население в Австрии от его национальных противников, но и путём просвещения народа в духе и направлении, указанных историею, развивать его национальные силы” (10). В январе 1900 г. состоялся “съезд мужей доверия Русско-народной партии”, на котором 182 участника объявили о создании “Русско-народной партии” с Народным советом во главе. Это событие свидетельствовало о расколе русофильского течения и попытках организационно оформить его радикальное направление. Радикализм последнего выражался в весьма демонстративном провозглашении себя русскими и попытках введения русского языка в житейский обиход и политическую практику. Представители русофилов требовали, чтобы русский язык был юридически признан одним из областных языков, и добивались его введения – наряду с польским, украинским и немецким – в школах, судопроизводстве и административной практике. “Умеренные москвофилы” также считали себя русскими, но полагали, что радикальные стремления к обрусению галичан безнадежны. После 1905 г. фракция умеренных москвофилов заметно сблизилась с украинским движением. Особенно после того, как глава “умеренной” фракции Король предложил издавать газету “Галичанин” на украинском языке. Всеобщие выборы в рейхсрат в 1907 г. обнаружили упадок влияния “москвофильской” партии среди населения Галиции: из 22 депутатов от Галиции 17 оказались избранными украинцев. К этому моменту деятели “москвофильской” партии существенно ослабили свою активность, и движение находилось в заметном упадке.

26 января 1907 г. было введено всеобщее избирательное право. Хотя новый избирательный закон не ликвидировал принципов старой дискриминационной системы представительства (русины получили право выделять 1 депутата от 102 тыс. человек, немцы – от 40 тыс. человек) (11), но его принятие открыло путь к дальнейшему реформирова-

нию выборных органов управления в Галиции и упрочению положения в них украинцев. В апреле 1907 г. была принята новая редакция закона о языке внутреннего делопроизводства представительных учреждений Галиции, где была закреплена возможность перехода с польского на другой язык во внутреннем делопроизводстве представительных учреждений округов (окружного совета и окружной управы) и общин (общинного совета и общинной управы) по решению этих учреждений. Мера эта была весьма ограниченная, поскольку для такого решения требовалось, чтобы большинство членов окружных или общинных учреждений высказались за переход с польского на другой язык (12). При традиционном польском большинстве в представительных учреждениях Галиции это было маловероятно. Но сам факт появления подобной нормы весьма показателен, так как польский язык переставал рассматриваться как единственно возможный к употреблению в представительных учреждениях края.

Следующий шаг на пути реформирования системы межнациональных отношений в Галиции был предпринят наместником Галиции Бобжинским (в некоторых русскоязычных источниках – Бобржинский), получившим от австрийского правительства негласную инструкцию создать условия для достижения в Галиции польско-украинского компромисса и принятия такого избирательного закона, который был бы приемлем для польского и украинского населения. Заинтересованность австрийского правительства в поддержании украинского населения Галиции усиливалась не только соображениями внутренней, но и внешней политики. Возрастающий антагонизм между Россией и Австрией заставлял последнюю усиленно заботиться о приобретении украинских симпатий. Среди конкретных шагов правительства в этом направлении на одном из первых мест стояла избирательная реформа, конечным итогом которой должно было стать расширение политических прав украинского населения.

Предстоящая реформа была негативно воспринята значительной частью польской общественности, католического духовенства и крупных землевладельцев, и, хотя по вопросу о предстоящей реформе в польском обществе не было единства, рассчитывать на то, что подавляющее большинство сейма примет новый закон, не приходилось. Особенно остро межнациональные противоречия по вопросу о принятии нового избирательного закона проявились в Восточной Галиции. Это было связано с тем, что на её территории поляки были в меньшинстве и поэтому заняли непримиримую позицию в отношении украинского вопроса. По их мнению, всякая уступка национальным требованиям украинцев стала бы для поляков “национальным бедствием”. Поляки

в Западной Галиции относились к будущей реформе более спокойно. Украинский блок отличался большим единством. В нём практически не было разногласий, поскольку общие национальные требования украинцев, стремящихся к равноправию с польской национальностью, объединили всех украинцев без различия партийных оттенков.

Проект нового избирательного закона, предложенный сейму и одобренный австрийским правительством, был весьма осторожным. Он не упразднял куриальной системы выборов, но прибавлял к четырём ранее существовавшим куриям курию среднего землевладения и предусматривал всеобщую подачу голосов в городах и ремесленных палатах. Проект сохранял вирилистов-депутатов не по выбору (епископов, ректоров высших учебных заведений, председателя Академии наук и ряд других). Параллельно проектом предполагалось введение прямого и тайного голосования, пропорциональных выборов в смешанных в национальном отношении округах и увеличение депутатских полномочий украинцев более чем вдвое (до 27,2%). Кроме того, предполагалось увеличение числа членов областного совета до 7 человек, а украинцы должны были получить в нём два места. Проектировалось также создание специальной украинской курии для выбора этих членов областного совета, сеймовых комиссий, тогда как до этого момента они избирались всем сеймом (13).

Этот весьма умеренный проект избирательного закона натолкнулся на сопротивление католического епископата. Католические епископы – члены сейма – заявили, что не могут поддержать столь радикальную на их взгляд реформу, и покинут зал заседаний сейма во время голосования проекта. Такое заявление заставило колебаться консервативные польские политические круги Западной Галиции, которые до этого момента довольно терпимо в отличие от своих собратьев на востоке относились к перспективе расширения прав украинского населения. Их представители в сейме заявили, что не станут противиться воле своих пастырей, и проект был провален. Бобжинский подал в отставку. Его заменил наместник Корытовский. Сейм был распущен. Объявлены были новые выборы, от итогов которых, по сути, зависела дальнейшая судьба проекта. Предвыборная борьба шла не просто за членство в сейме, а за создание сеймового большинства сторонников или противников избирательной реформы. 8 июля 1913 г. закончились выборы, и был сформирован новый состав сейма. По их итогам можно было сказать, что в Восточной Галиции победили сторонники компромиссной реформы. Число украинских депутатов в сейме увеличилось с 16 до 31. Явного большинства сторонникам реформы в сейме сформировать не удалось: на 161 члена сейма в 1913 г. приходилось около 60 противников

проекта избирательного закона. Но, несмотря на такое соотношение сил, в 1914 г. была проведена реформа порядка формирования краевого сейма, в результате которой к 1914 г. украинцы получили возможность создать своё национальное представительство в австро-венгерском парламенте и сейме. В краевом сейме была образована украинская национальная курия, а в системе местных выборных учреждений было введено деление на секции – польскую и украинскую.

Активное стремление общественно-политических течений и партий к усилению своего влияния в органах местного самоуправления Галиции за счёт реформы избирательного закона было во многом обусловлено системой управления в королевствах и землях в составе Австрии (14). Земли и королевства обладали собственными конституциями и представляли отдельные единицы, между собой не связанные, но объединённые представительством в рейхсрате. Высшим представительным органом Галиции был краевой сейм. Общие задачи краевого представительства в Австро-Венгрии были определены императорским указом от 26 февраля 1861 г. следующим образом: “права и льготы, составляющих отдельные королевства и земли сословий, развивать и преобразовывать в соответствии с условиями современности и согласовывать с общегосударственными интересами” (15). Сейм в Галиции состоял из 161 депутата (16). Он собирался на основании указа императора один раз в год во Львове. При этом верховной власти принадлежало право роспуска сейма. Последний был уполномочен решать вопросы местной жизни края (17). В 1907 г. на сейм было также возложено “устройство административного управления, поскольку оно касается местных автономных учреждений” – положение, которое современниками (и юристами, и местными администраторами) признавалось недостаточно ясным (18). Законодательная компетенция сейма была ограничена императором, без одобрения которого издаваемые сеймом законы, не могли вступить в силу. Исполнительным органом сейма в Галиции являлся краевой комитет (Wydział Krajowy) (19).

К началу XX в. Галиция была разделена на 74 округа. На уровне округов также создавались органы самоуправления – окружные советы, состоящие из 46 членов. Самой низшей ступенью местного самоуправления была община (20). Органы общинного самоуправления занимались имущественными вопросами, школьным образованием, организацией благотворительной помощи (21).

Система управления в Галиции была построена таким образом, что местные представительные учреждения, с одной стороны, не обладали административными полномочиями на территории области, с другой, действовали, не соприкасаясь с правительственными учреждениями

в центре и на местах. Такой подход к организации местного самоуправления в Австрии существенным образом отличался от действовавших европейских систем. Если, например, в Англии и Германии самоуправление строилось за счёт участия граждан в деятельности правительственных органов, то в Австрии принцип самоуправления заключался в строжайшем разделении функций местных правительственных учреждений и органов самоуправления. Фактически, на территории Галиции действовали как бы две независимые и не связанные друг с другом системы управления, с различными функциями, не подчинённые друг другу. Надо отметить, что данный принцип в большей или меньшей степени реализовывался во всех землях Австрии, но особенно законченное выражение эта система получила именно в Галиции. Создавалась своего рода иллюзия самостоятельности Галиции именно за счёт строжайшего разграничения компетенции органов местного самоуправления и правительственных учреждений, хотя в действительности австрийская администрация играла в управлении этой территорией существенную роль.

В административном отношении Галиция образовывала одно из 9 австрийских наместничеств, где высшая исполнительная власть была сосредоточена в руках наместника, назначаемого императором по представлению правительства. Его власть служила главным связующим звеном между областями Австрии. Он сосредоточил в своих руках руководство полицией, наблюдение за поддержанием спокойствия, порядка и безопасности, надзор за соблюдением законов о печати, союзах, собраниях, осуществлял непосредственный надзор за законностью деятельности и распоряжений общин, имел возможность косвенно влиять на формирование краевого сейма и его деятельность (22).

При наместнике действовало управление наместничества, в котором было сосредоточено руководство деятельностью всех административных учреждений и должностных лиц края. Помимо управления наместничества при наместнике действовали финансовая дирекция, краевой школьный совет, краевой санитарный совет (23).

Во главе округов стояли окружные начальники. Они также находились в непосредственной зависимости от наместника. Им подчинялась городская и сельская полиция. Из ведения окружных начальников были изъяты города Львов и Краков, где функции окружных начальников выполняли директора полиции.

Административное управление к началу Первой мировой войны в Галиции и в Империи в целом представляло собой весьма отлаженную машину. Этого нельзя было сказать об органах самоуправления. Они превращались в арену острых схваток представителей различных политических партий, фракций и общественных течений. Но именно поэтому для национально-политических группировок Галиции участие в дея-

тельности сейма было тем более привлекательным. С одной стороны, это было формой политической борьбы, с другой, за счёт более или менее обособленного положения органов местного самоуправления, средством усиления позиций в непосредственном управлении краем и определения содержания культурной политики. Поэтому в начале XX в. борьба за новый избирательный закон являлась чрезвычайно важной для всех без исключения политических течений Галиции. Итогом этой борьбы стало то, что политическое положение украинцев как национальности и “украинофильских” политических течений в органах самоуправления Галиции к началу Первой мировой войны упрочилось.

Политика австрийских властей, направленная на урегулирование межнациональных отношений в Галиции была связана не только с внутренними, но и внешнеполитическими задачами. Широкие завоевательные планы лиц, окружавших наследника австрийского престола, учитывали в качестве благоприятных для Австро-Венгрии факторов возможность украинского движения в Российской Империи и за её пределами. Поэтому для Австро-Венгрии накануне Первой мировой войны было чрезвычайно важно, чтобы Галиция обладала большой притягательной силой для *всех* украинцев. При этом, большинство славянского населения Империи продолжало стремиться к расширению своих прав, включая и сферу государственного управления. В Галиции движение к самостоятельной политической жизни также было очень сильным. В течение второй половины XIX – начале XX в. австрийскому правительству приходилось вносить разнообразные изменения в действующее законодательство, расширяя политические права различных слоёв населения и отдельных национальных групп. Сочетание централистских и центробежных тенденций в подходах к организации системы государственного управления различными частями Австро-Венгрии побудило в 1909 г. известного немецкого государствоведа Хернрита сказать, что “ни в одном культурном государстве Европы направление сил, движущих государственную жизнь, не являет собою такого отсутствия политического единства, как в Австрии. В то время как другие великие державы обнаруживают неустанное усиление единой государственной власти..., в Австрии до сих пор централистическое направление общегосударственной политики находится в резкой коллизии со стремлением отдельных частей государства к осуществлению своих обособленных политических задач, и, чем разрешиться эта коллизия, пока никому не известно” (24).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Отечественная история с древнейших времён до 1917 года: Энциклопедия. – М., 1994. С.510.

2. Савченко В.Н. Восточнославянско-польское пограничье. 1918–1921 гг. Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание. – М., 1995. С.57.

3. Украинская жизнь. 1915. № 1. С.77.
4. //День. 1915. 24 февраля.
5. Цит. по: Украинские Карпаты. История. – Киев, 1989. С.90.
6. Цит. по: Червоная Русь. 1914. № 5. С.34.
7. Название “рутены” было преимущественно принадлежностью официальных документов.
8. *Досталь М.Ю.* Проблемы закарпатского национального возрождения в трудах русских и украинских эмигрантов в межвоенной Чехословакии //Славяноведение. 1997. № 6. С.68.
9. Полный текст воззвания см.: Съезд мужей доверия русско-народной партии и ее организация. – Львов, 1900.
10. Цит. по: *Дудыкевич В.Ф.* Русский народный совет Прикарпатской Руси. – Львов, 1915. С.8.
11. История Украинской СССР. – Киев, 1983. Т.5. С.299.
12. С.67–68.
13. *Василевский Л. (Плохоцкий).* Накануне демократизации политического строя Галиции //Русское богатство. 1913. № 8. С.243.
14. В результате соглашения 1867 г. австрийского императора с венгерской олигархией Австрийская империя была разделена на две части – австрийскую и венгерскую. В составе Австрии находилось 17 королевств и земель: Чехия, Далмация, Галиция, Нижняя Австрия, Верхняя Австрия, Зальцбург, Штирия, Каринтия, Крайна, Буковина, Моравия, Силезия, Тироль, Форальберг, Истрия, Горица с Градишкой, Триест.
15. Цит. по: *Хейфиц Ю.Я.* Галиция. Политическое, административное и судебное устройство. – Пг., 1915. С.17.
16. Из них 12 человек являлись депутатами сейма по занимаемым ими должностям, в том числе архиепископы Львова и Кракова, епископы Перемышльский, Тарновский и Станиславовский, а также ректоры Львовского и Краковского университетов. Председатель сейма – краевой маршал – назначался императором из числа депутатов сейма. Депутатские полномочия продолжались в течение 6 лет.
17. В компетенцию сейма входили вопросы, касающиеся образовательных и благотворительных учреждений, существующих за счёт местных средств (полностью или частично), отчётности по краевому имуществу, местных налогов, кредита и расходов, распоряжения по применению общеимперских законов по вопросам образования, вероисповедания, снабжения войск фуражом и продовольствием и их расквартирования. Кроме того, в число предметов его ведения входили вопросы общинного управления, высших технических учебных заведений, реальных гимназий, народных школ и т.п.
18. *Herrnit Handbuch des osterreichischen Verfassungsrechts.* 1909. P.129.
19. Комитет образовывался под председательством маршала из шести членов и шести заместителей, которых выбирали из числа депутатов сейма на шесть лет. Краевой комитет занимался текущими делами, особенно по заведыванию краевыми имуществами, исполнял постановления сейма и наблюдал за деятельностью краевых учреждений и должностных лиц.
20. Дела общины находились в ведении общинного совета, выбираемого членами общины. Исполнительная власть на этом уровне сосредоточивалась в руках бургомистров (в городах) или вейтов (в сельской местности).
21. *Василевский Л.* Современная Галиция. 1900. С.19.
22. Роль наместника в системе местного самоуправления усиливалась за счёт того, что к его ведению относилось объявление избирательных списков, проверка списков избирателей, установление числа членов избирательной комиссии по выборам от крупных землевладельцев, также наместник вносил представления в Совет министров о назначении на должность краевого маршала и его заместителя. Наместник также имел

право участия в деятельности краевого сейма за счёт того, что в наместничестве разрабатывались и представлялись в сейм правительственные законодательные проекты.

23. Во главе дирекции стоял наместник, а руководство школьным советом наместник осуществлял вместе с вице-президентом совета. Финансовая дирекция занималась, в основном, распределением и взиманием прямых и косвенных налогов (кроме налогов на соль и табак), рассматривала жалобы на распоряжения низших финансовых органов. Краевой школьный совет осуществлял высший надзор за учебными и воспитательными заведениями, починёнными его ведению. Совет контролировал качество преподавания, контролировал деятельность преподавателей, а также осуществлял административные функции в отношении начальных и средних школ, финансируемых правительством.

24. Цит. по: *Хейфиц Ю.Я.* Галиция. Политическое, административное и судебное устройство. – Пг., 1915. С.5.

ГЛАВА 2 “ПОЛЬСКО-УКРАИНСКИЙ ПЬЕМОНТ” И “РУССКАЯ ПАРТИЯ” В НАЧАЛЕ XX в.

Национальная политика Габсбургов в отношении славянских народов, основанная на принципах ограниченного федерализма, привела к тому, что к началу XX столетия Галиция стала занимать особое положение в жизни двух национальностей – поляков и украинцев, несмотря на то, что только их незначительное меньшинство проживало на галицийской территории. Это обстоятельство весьма способствовало тому, что российские политики обращали на эту, казалось бы, незначительную территорию, пристальное внимание. Статус поляков и украинцев в Галиции чрезвычайно беспокоил многих государственных деятелей в России не только с точки зрения внешней политики, но и внутривластных интересов империи. Чтобы понять причины этого явления, необходимо рассмотреть положение названных национальностей за пределами Габсбургской монархии.

Разделы Польши, в результате которых последняя оказалась расчленённой между Австрией, Германией и Россией, привели к тому, что положение польского населения с конца XVIII в. не было одинаковым для всех её частей. В русской части Польши – Царстве Польском – после восстания в 1863 г. стала проводиться довольно последовательная и успешная русификаторская политика. С 1864 по 1904 г. во всех учебных заведениях Царства Польского преподавание велось на русском языке. Согласно действовавшему в Российской Империи законодательству предусматривалось преподавание польского языка в Варшавском университете, а также в средних и высших учебных заведениях Варшавского округа и 9 западных губерний. На польском языке шло также преподавание Закона Божия для католиков. Делопроизводство административных и судебных учреждений в “русской” Польше велось на русском языке. Но эти меры не погасили стремлений поляков к культурной

автономии, а события 1905 г. (создание Государственной думы и объединение в ней польских депутатов) только усилили эти тенденции. В 1905 г. правительство несколько либерализовало свой подход к национально-культурным правам населения Царства Польского. По указу 1 октября 1905 г. было разрешено учреждать частные польские средние учебные заведения с преподаванием на польском языке. При этом выпускники польских школ не имели права поступления в высшие учебные заведения Российской Империи. На практике это выливалось в то, что выпускники этих школ продолжали обучение за границей, где подобные ограничения не действовали.

Ситуация должна была измениться в 1914 г., поскольку в июне 1914 г. в Государственной думе был обсуждён новый закон о частных школах, который затрагивал и положение польских школ. Согласно законопроекту выпускники частных школ с польским языком преподавания получали право поступления в российские университеты с обязательством сдачи экзаменов по русскому языку, литературе, истории и географии России, причём эти экзамены можно было сдавать в течение всего срока обучения в университете. Но началась война, и закон принят не был.

Относительно итогов русской политики в Царстве Польском на одном из заседаний Совета министров в 1914 г., где обсуждался польский вопрос, министр юстиции И. Г. Щегловитов отметил, что с 1875 г. распространение русского языка в Царстве Польском идёт довольно успешно. Действительно, в начале XX в. сфера применения польского языка там была, насколько это было возможно, ограничена целым рядом правительственных распоряжений. Но, казалось бы, очевидные успехи русификаторской политики в Польше не смогли подавить стремление к национальной независимости. И исконные традиции польской государственности с трудом вмещались в узкие рамки ограниченных правительственных мероприятий. Поэтому наряду со стремлением к продолжению активной политики в Царстве Польском и “втягиванию” его в Российскую Империю, ликвидацией языковых и культурных различий между польскими и русскими губерниями в начале XX в. в правительственных кругах формируется мнение о том, что Царство Польское – инородное тело в составе Российского государства.

С одной стороны, правительство Столыпина придерживалось прежнего русификаторского курса в отношении “русской Польши”, стремясь максимально связать её с Империей. В 1907 г., касаясь стремления польского населения к расширению своих прав в области образования, применения польского языка, П. А. Столыпин заметил: “Станьте сначала на нашу точку зрения, признайте, что высшее благо – это быть

русским гражданином, носите это звание также высоко, как носили его когда-то римские граждане, тогда вы сами назовете себя гражданами первого разряда и получите все права...” (1). С другой, политика русификации не была столь последовательной, как в прошлом столетии, и в польской политике доминирующей постепенно становилась тенденция к проведению чёткой национально-культурной границы между Царством Польским и северо-западными и юго-западными губерниями Российской Империи. Пожалуй, главное опасение вызывало не столько развитие польской культуры собственно в Царстве Польском, сколько её распространение на белорусских, украинских и литовских землях – на территориях, когда-то входивших в “историческую” Польшу, т.е. Польшу времен Речи Посполитой. Российское правительство, допуская некоторые уступки национальным запросам поляков в Царстве Польском, внимательно следило за тем, чтобы за эти границы польские национальные требования не шли. При этом антипольские мероприятия в северо-западных и юго-западных губерниях – закрытие польских просветительных обществ в Вильне, Минске, Несвеже (1908–1909 гг.), решение о допущении только русского языка во внутреннем делопроизводстве 8 западных губерний (1906 г.), закон о земстве в западном крае (1911 г.), который созданием национальных курий ограничивал число поляков в земстве, и, наконец, выделение из состава Царства Польского восточных уездов Люблинской и Седлецкой губерний и образование из них отдельной Холмской губернии (1912 г.) – воспринимались также как откровенное нарушение польских национальных прав. Недовольство подкреплялось не только правительственными действиями, но и необычайно откровенными выступлениями крайних правых в Государственной думе, особенно по проекту о выделении Холмщины. Марков-второй (2), например, заявил, что это вредный законопроект, т.к. “укрепляет ложное учение, будто бы существует какое-то реальное Царство Польское... Вместо того чтобы осадить зазнавшуюся шляхту, иезуитов и ксендзов на своё место, этот законопроект ограничивается... переименованием одной местности в другую” (3). Пожалуй, применительно к началу XX в. в польской политике России довольно чётко выявилась тенденция к повсеместному ограждению от “полонизирующего” влияния населения северо-западных и юго-западных губерний России, исторически довольно тесно связанных с Польшей, т.е. создание своего рода барьера между Царством Польским и западными губерниями.

В Германии в начале XX в. положение поляков было не менее сложным. Прусское правительство в начале XX столетия приступило к широким антипольским мероприятиям. Были предприняты попытки изгнать польский язык из преподавания Закона Божия. Также были сде-

ланы шаги, направленные на приостановку роста польского землевладения: закон 18 января 1908 г о принудительном отчуждении польских земель за счёт предоставления правительству права преимущественной покупки 70 тыс. га земли. В 1914 г. обсуждался проект нового закона – устав о парцелляции, который проектировал предоставление правительству права преимущественного приобретения всякого продаваемого земельного имущества свыше 10 га для перепродажи его крестьянам, что также должно было повлечь за собой ограничения на развитие польского землевладения в Пруссии. Принимались также меры, ограничивающие употребление польского языка в общественной жизни. В 1907 г. германский канцлер фон Бюлов внёс в рейхстаг новый закон об обществах и собраниях. Один из параграфов этого законопроекта гласил, что прения на публичных собраниях должны вестись на немецком языке, а исключения допускаются с разрешения местной власти. С некоторыми изменениями проект был принят 4 апреля 1908 г. В текст закона была внесена поправка, предоставлявшая право “давно поселившемуся *не немецкому* населению говорить на своём языке ещё в продолжении 20 лет, если *не немецкий* элемент превышает 60% населения” (4). Практически это лишало 45% польского населения Пруссии говорить на собраниях по-польски. Не останавливаясь подробно на характере польской политики России и Германии, заметим, что, если в целом права польского населения, находившегося в составе России и особенно Германии, были ограничены, что выражалось, в основном, в правах на употребление родного языка в образовании, в деятельности местных учреждений и в конфессиональной политике, то Галиция на этом фоне была счастливым исключением. Польское население там могло свободно пользоваться родным языком в школе, в судопроизводстве и в административных учреждениях, могло создавать свои национальные организации.

Конституция 1867 г. и последующее законодательство дали полякам Галиции значительные права национального самоуправления. Уже в 1869 г. постановлением “относительно языка делопроизводства императорских и королевских мест и лиц и судебных учреждений в Королевстве Галицийском” было установлено, что языком внутреннего делопроизводства и сношений в пределах области с государственными установлениями, должностными лицами и судебными учреждениями области признаётся язык польский (5). Было установлено, что на польском языке “производятся деловые сношения областных учреждений прокурорского надзора с местами, лицами и судебными учреждениями области” (6).

На польском языке велось преподавание в Краковском и Львовском (за исключением нескольких кафедр) университетах, ряде технических учебных заведений. Польские учебные заведения Галиции пользовались популярностью среди поляков из Познани и Царства Польского. Туда приезжала профессура. Ежегодно поляки-студенты из России отправлялись получать образование в университетах Львова и Кракова, Львовском политехническом институте, земледельческой академии в Дублянах, Львовском ветеринарном институте и Львовском лесном училище. Единственные польская Академия наук и польская Академия художеств находились в Кракове. Краков становился центром духовной жизни всего польского народа, благодаря старейшему Ягеллонскому университету и целому ряду других учреждений. Там постоянно происходили польские научные и национальные съезды, формировались политические программы партий. По подсчётам Г. Коэна, в зимнем семестре 1909–1910 учебного года среди 3250 студентов Краковского университета насчитывалось 639 российских подданных (7). И постепенно центр польской культурной и научной жизни перемещался из Варшавы в Краков и Львов. В результате Галиция становилась своеобразным польским национальным центром. При этом необходимо заметить, что выходцы из Познани и Царства Польского, находясь в Галиции, сохраняли связь с соотечественниками в Германии и России, способствуя росту влияния Галиции на остальные части Польши.

Наряду с поляками к началу XX в в Галиции существенно улучшилось положение украинцев. В течение многих десятилетий поляки играли лидирующую роль в местном управлении и культурной жизни Галиции. Украинское население составляло, в основном, крестьянскую массу, находившуюся в подчинении у польских землевладельцев. С 1848 г. австрийское правительство, стремясь создать противовес растущему сепаратизму польского дворянства, начинает поддерживать русинское население Галиции как силу, способную противодействовать полякам в Галиции. Русинам была предоставлена возможность начать обучение на родном языке в народных школах и вводить преподавание его в гимназиях. К концу XIX в. Галицию стали называть “украинским Пьемонтом”, уподобляя её роль той, которую Сардинское королевство сыграло в объединении Италии. Виднейшие представители украинского национального движения отводили Галиции роль центра, вокруг которого должны были объединиться все украинские земли. Выдающийся украинский общественный деятель, автор многотомной истории Малороссии львовский профессор М. С. Грушевский, который в 1894 г. переехал из Киева во Львов и занял там кафедру всеобщей истории с украинским языком преподавания, утверждал, что Галиция являлась

“передовой частью украинского народа, которая далеко обогнала бедную российскую Украину”, что “до сих пор Галиция шла, а Украина стояла или шла за Галицией” (8).

Национальное украинское движение развивалось также и в Российской Империи. Отношение к нему на правительственном уровне было однозначно негативным. В 1863 г. ряд правительственных чиновников пришёл к выводу, что “существование малороссийской партии, которая желала бы самостоятельного развития народной жизни в Малороссии, ни для кого не тайна” (9). Украинофильское движение, обратившее на себя внимание властей, признавалось нежелательным, поскольку некоторые его виднейшие представители “проводили систематически такие начала, утверждения коих влекут за собой положительную политическую сепарацию Малороссии от империи” (10). В результате в 1863 г. было запрещено печатание книг духовно-нравственного содержания на украинском языке под тем предлогом, что перевод Евангелия на украинский язык не оправдан и имеет исключительно политический характер.

В 1875 г. Александр II повелел созвать Особое совещание по делу об украинофильской пропаганде. Оно пришло к выводу, что исходной точкой украинофильских стремлений служит ложное представление о значительном отличии украинского языка от великорусского, который малороссы понимать не могут. Участники совещания пришли к выводу, что украинские и белорусские земли “силою исторических событий и собственного тяготения окраин к соплеменному великорусскому центру составляют одно непрерывное и единое с Россией великое политическое тело, а потому поощрять или хотя бы только равнодушно относиться к попыткам небольшой горсти неблагонамеренных личностей, сеющих рознь и смуту среди украинского племени, было бы величайшей политической неосторожностью” (11). Александр II одобрил мнение членов Совещания. В итоге Совещание рекомендовало запретить ввоз из-за границы любых украинских книг, а в пределах России разрешить печатание только исторических документов и произведений изящной словесности, т.е. полностью запретить украинскую периодическую печать. Кроме того, было рекомендовано запретить театральные спектакли и чтения на украинском языке. Решения совещания были утверждены императором 18 мая 1876 г. Они были секретными и в 80–90-х гг. были дополнены рядом инструкций Министерства внутренних дел (12).

В 1905 г. в политике правительства наметились перемены в отношении украинского и белорусского населения. После издания манифеста 17 октября 1905 г. в России начинают выходить около 40 газет

и журналов на украинском языке. Правда, потом число их уменьшилось, главным образом, потому, что не все они смогли себя окупить. В 1906 г. основывается также целый ряд культурно-просветительских украинских организаций – “Просвита”, “Наукове товариство”, различные клубы. Эти организации активно работали до 1910 г. Но с приходом П.А. Столыпина на пост председателя Совета министров политика в отношении Украины вновь вернулась в прежнее русло. 20 января 1910 г. был издан циркуляр за подписью П.А. Столыпина, который обратил внимание губернских властей на несоответствие русским государственным задачам образования обществ, преследующих узкие национально-политические цели, так как, по его мнению, объединение на почве национальных интересов вело к усугублению национальной обособленности и розни и могло вызвать последствия, угрожающие общественному спокойствию и безопасности. Ввиду этого предписывалось: не разрешать обществ “инородческих, в том числе украинских и еврейских, независимо от преследуемых ими целей”, а также пересмотреть уже существующие и принять соответствующие меры” (13). На основании циркуляра началось закрытие украинских организаций. 8 апреля 1910 г. была прекращена деятельность киевской “Просвита”. По мнению правительства, культурно-просветительная деятельность украинских обществ противоречила русским государственным интересам и правительственной политике в отношении Украины в целом. Исходя из того положения, что три главных отрасли восточного славянства и по происхождению, и по языку не могут не составлять одного целого, “наше правительство, начиная с 17-го столетия, постоянно боролось против движения, известного в наше время под наименованием украинского и олицетворяющего собою идеи возрождения прежней Украины и устройство Малорусского края на автономных национально-территориальных началах...” (14). Также неудачными были попытки создания школы с преподаванием на украинском языке и введения украинского языка в судопроизводство. В марте 1908 г. 36 депутатов внесли в Государственную думу законопроект об обучении на украинском языке в начальных школах Украины в 1908–1909 гг. с сохранением обязательного преподавания русского языка. Этот проект был отвергнут на начальной стадии обсуждения комиссией Государственной думы по народному образованию. Совет министров также категорически выступил против инициативы депутатов Государственной думы принять закон о начальном обучении украинцев на родном языке. В декабре 1909 г. Дума отклонила законопроект о введении украинского языка в местное судопроизводство (15). Накануне Первой мировой войны жёсткое отношение власти к украинофильскому движению формировалось также под влия-

нием информации, полученной из Департамента полиции. По его сведениям, ряд националистических объединений, в частности, организация “Союз освобождения Украины”, состояли на содержании правительства Австро-Венгрии (16).

В целом, и на официальном правительственном уровне проблема не относилась к числу первоочередных и не стояла так остро, как, например, польский и финляндский вопросы. Но правительство считало необходимым придерживаться курса, направленного на ограничение украинского национально-культурного движения. И тем привлекательнее в таких условиях для украинских общественных деятелей России была Галиция с её украинскими школами, политическими течениями, национальным представительством в сейме. Члены украинской секции московского Общества славянской культуры в 1910 г. писали: “То, что в зарубежной Украине уже получило полное признание и право гражданства, нам приходится не только отстаивать, но и доказывать шаг за шагом. Мы должны ещё доказывать русскому обществу, что украинцы в историческом и этнографическом отношении вполне самостоятельная нация, что украинский язык не говор, не наречие, а язык, имеющий право на самостоятельное существование, мы должны доказывать, что право на культурное самоопределение не грозит никому и ничему опасностью и кроме лишних ценностей не даст ничего в культурную общечеловеческую сокровищницу” (17).

Иначе относились к украинскому вопросу в Министерстве иностранных дел. Чиновники МИД’а подчёркивали, что многие русские государственные деятели не придают особенного значения украинскому движению в России, а, между тем, оно усиливается, “учение сепаратизма проникло уже в войска и, к сожалению, воспринимается охотно. С сепаратизмом необходимо бороться теперь, пока ещё есть возможность...” (18). То, что австро-венгерское законодательство давало широкие возможности развитию украинских и польских общественно-политических движений в Галиции представлялось ряду чиновников и общественных деятелей опасным для государственной целостности России, поскольку внутри того и другого политических направлений присутствовали идеи, связанные с выходом из состава России Царства Польского или Украины.

Об опасности развития украинского национального движения в Галиции и о проблемах, которые могут возникнуть в Российской Империи в связи с развитием украинского национального движения, говорили также некоторые общественные деятели. Граф В. А. Бобринский по этому поводу писал: “Если русское движение будет окончательно сломлено, и восточная Галичина и Буковина будут совершенно обукраинены,

то тогда вся сила вражеского натиска будет направлена на нашу Малороссию и украинская пропаганда у нас значительно усилится. Поэтому ясно, что защита русского дела на Днестре и Сане есть защита его на Днепре и, работая в Галичине, мы работаем для нашей национальной самообороны, независимо от вопроса государственного воссоединения с нами Червонной Руси” (19). В российской публицистике довольно активно утверждалось мнение о важности прорусской пропаганды в Галиции. Один из авторов утверждал, что, спасая Галицию, “мы спасаем не галичан, не буковинцев, не угрорусских: они все тут не при чём, а спасаем только самих себя” (20).

15 декабря 1902 г. в Петербурге было образовано Галицко-русское благотворительное общество. По утверждённому Министерством внутренних дел 8 октября 1902 г. уставу общество ставило своей целью “оказывать всякого рода нравственную и материальную поддержку русским галичанам и их семьям, временно или постоянно проживающим в С.-Петербурге”. Помимо благотворительной помощи уроженцам Галиции, общество стремилось также содействовать ознакомлению русского общества с жизнью Прикарпатской Руси, её прошлым и настоящим (21). К 1914 г., по данным правления общества, последнее насчитывало около 700 членов, из них – восемьдесят иногородних, остальные – жители Петербурга. Несколько лет председателем общества был граф Владимир Алексеевич Бобринский.

В. А. Бобринский родился в 1868 г. в старинной дворянской семье. И, как часто было принято в родовитых семьях, избрал военную карьеру. Окончил Михайловское артиллерийское училище и некоторое время служил в гвардии. Но военной службой не удовлетворился, оставил её и поступил в Эдинбургский университет. После университета поселился в своём имении в Тульской губернии. Там занялся не только сельским хозяйством, но и общественной деятельностью. В 1897 г. в возрасте 29 лет был избран председателем Богородицкой уездной земской управы, а затем уездным предводителем дворянства. Баллотировался в Государственную Думу и весьма успешно: был членом Государственной Думы второго, третьего и четвёртого созывов. В четвёртой Государственной Думе В. А. Бобринский принадлежал к фракции русских националистов и умеренно правых (22). Свои “державные” взгляды Бобринский излагал и в Государственной Думе и в Галицко-русском обществе, и во время публичных выступлений. Возглавляя Галицко-русское общество, Бобринский последовательно проводил идею помощи со стороны “Державной Руси” своей забытой сестре “подъяремной Руси”.

Члены Галицко-русского общества одинаково негативно относились к польскому и украинскому национальным движениям, исходя из идеи необходимости единения русского народа и национальной консолидации Российской Империи. Проникновение в Галицию, поддержка на её территории сторонников сближения с Россией могли, по их мнению, создать там барьер к проникновению идей польского и украинского сепаратизма в Российскую Империю. Но в первые годы существования общества его руководителей в большей степени заботила “украинская опасность”. Этот период совпал с обострением украинско-польской борьбы в Галиции вокруг подготовки нового избирательного закона. Поляки в Восточной Галиции, где их было меньшинство, заняли весьма непримиримую позицию в отношении к национальным требованиям украинцев и начали искать союзников в этой борьбе. В результате начинает возникать мысль (как с российской, так и с польской стороны) о союзе российских и польских общественно-политических течений.

В 1908 г. в Праге состоялся Всеславянский съезд. Официально съезд должен был обсудить культурно-экономические вопросы, общие для славянства, не касаясь политических проблем. У съезда была и неофициальная цель, которую преследовал один из его организаторов доктор Крамарж: организация русско-польского сближения и за счёт этого привлечение поляков к союзу с чехами против немцев. Вследствие этого организаторы съезда попытались сразу же устранить все факторы, которые могли бы вызвать трения между поляками и русскими. Учитывая, что конфликт между ними в Галиции носил затяжной характер, организаторы Пражского съезда решили пригласить оттуда минимальное число участников – всего двух человек. Но всё же в Прагу из Галиции приехали 5 депутатов: В.Ф. Дудыкевич (23), И.Л. Гриневицкий, священник Василий Давыдяк, Н.П. Глибовский, Щавницкий. Кроме того, к этой группе присоединился прибывший из Петербурга писатель, член Галицко-русского общества Д.Н. Вергун. Все они вошли в состав русской делегации, составив с ней одну группу. Во время работы съезда Крамарж приложил массу усилий, чтобы избежать столкновений между галицийскими делегатами и польскими представителями. Представители Галиции были приняты на съезде, но на устроенное Крамаржем в первый день совещание между русскими и поляками из России они допущены не были, за исключением Д.Н. Вергуна, который не получил на совещании права голоса. Когда же на следующий день состоялось собрание русских делегатов из России и Галиции, присутствовавший на этом собрании Крамарж категорически заявил, что австрийское правительство никогда не признает существование русского народа в Галиции, а равно и гражданственность русского литературного языка на этой

территории. Мастерски продуманная разнообразная программа торжеств в Праге, не дававшая возможности очарованным гостям придти в себя, вполне достигла своей цели. Русские, слушая громкие речи и девизы, основанные на идеях равенства, братства и свободы, чувствовали себя среди братьев, и сближение с поляками казалось им почти уже осуществившимся. И именно с такими настроениями российские делегаты покинули съезд и отправились во Львов. К началу Пражского съезда на территории Галиции действовали “украинские” общественно-политические группировки и “москвофилы”, находившиеся в непримиримом противоречии друг с другом. Польские политические партии в Западной и Восточной Галиции рассматривались как непримиримые враги того и другого лагеря.

По приезде во Львов российские делегаты Пражского съезда увидели, что в Галиции отсутствует прочное единство между польскими и русофильскими политическими течениями. Это сразу стало заметно уже по тому, что представители той и другой стороны независимо друг от друга, пытались привлечь на свою сторону членов русской делегации. Ещё до прибытия российской делегации во Львов на вокзал приехал один из бывших в Праге делегатов от поляков доктор Грек и сообщил собравшимся, что в пятницу русские делегаты согласились ужинать у поляков. Между тем, на тот же вечер был назначен ужин в Ставропигийном институте, даваемый русскими. После долгих пререканий и споров русские уступили, но при условии, что русские гости после ужина поляков придут в Ставропигию (24).

В этот же день, на дожидааясь запланированной встречи с поляками, российскую делегацию позвали на ужин, на который были приглашены все более или менее выдающиеся политические и общественные деятели Галиции москвофильской ориентации. Там Дудыкевич в пространный речи изложил гостям все нужды русского народа в Галиции, не щадя гонителей поляков. Опасаясь, чтобы эта речь не разожгла страсти и не стала первой в ряду враждебных выступлений, один из российских представителей встал и дополнил речь Дудыкевича, обратив внимание присутствующих на то, что во многом сами же русские бывали виновны в своих невзгодах и что от них же зависит, “сплотившись за дружной работой, заставить уважать себя и этим единением ослабить противника” (25). Воспользовавшись этим моментом, Бобринский ответил, уже не касаясь польских отношений, и говорил исключительно о взаимной поддержке и духовном и культурном единении братьев. В таком же духе выступил вслед за ним член Государственной думы А. С. Гижицкий. Несколько неожиданной была речь молодого юриста из Брод доктора М. Глушкевича. Оратор коснулся истории Галицкой Руси

и открыто выступил против закордонных братьев, упрекнув их в равнодушии к её участи и выразил надежду, что съезд в Праге, наконец, напомним им о братьях. На это заявление В.А. Бобринский ответил, что как Государственная дума, так и правительство не могут вмешиваться во внутреннюю политику другой державы, что “на Пражском съезде он лично открыто выступил в защиту галицких русских” (26).

На следующий день состоялась встреча русских делегатов с представителями польской общественности Галиции. Никто из местных русских не был приглашён. Речи говорились на польском языке. Высказывалась жгучая необходимость польско-русского сближения на основах братства, равенства и свободы. Характерным было то, что все присутствующие в один голос уговаривали русских делегатов не принимать приглашения ехать в русские деревни, указывая им на грозившую опасность со стороны украинцев. Русские делегаты держали себя очень сдержанно и отвечали общими фразами, высказывая надежду, что Пражский съезд положил уже начало сближению славянских народов.

Поездка русской делегации по Галиции состоялась и стала своеобразным рубежом и началом нового этапа как в развитии взаимоотношений между галицкими “москвофилами” и русскими националистами, так и в развитии русского национального направления в самой Галиции. Во Львове российским делегатам пришлось столкнуться с польско-русинской проблемой, понять, что реального единения русин с поляками, во всяком случае, на территории Галиции нет и сделать выбор в пользу одного из славянских движений Галиции. Выбор был сделан в пользу местных “русофилов”. Их позиция – антипольская и антиукраинская одновременно – была, пожалуй, ближе российской делегации, чем идея сближения с поляками для совместного противостояния украинскому национализму.

С этого момента все жизнеспособные элементы “москвофильского” движения в Галиции потянулись к России и тем её общественно-политическим течениям, которые шли под знаменем новой националистической партии, занимавшей в Государственной Думе третьего созыва заметное место. Движение “москвофилов” к сближению с российскими националистами было замечено и поддержано в Российской Империи. Одной из основных причин этого было то, что к началу XX в. формирование украинской нации вступило в свою завершающую стадию, выразившись в стремлении украинцев к национально-культурной автономии и в перспективе к собственной государственности. Признание украинцев самостоятельной национальной группой и развитие украинского политического движения в Галиции обеспокоило правительство Российской Империи. Хотя украинский вопрос в начале XX столетия

в державе не имел, по мнению правительственных кругов, той остроты, которая могла бы оказать влияние на государственную целостность России, но в предвоенный период на территории Российской Империи усилились национальные движения и, в том числе, среди украинского населения. Русский посланник в Вене князь Л.П. Урусов отмечал, что усиление и развитие украинофильской партии в Галиции крайне нежелательно, поскольку “партия эта своею деятельностью, направленной на развитие украинской национальности, поддерживает украинское сепаратистское движение в нашей Малороссии... Украинофильская партия – это социал-революционный очаг на нашей границе. Что же касается до русской народной партии, то развитие ее нам только полезно, этим создается дружественный нам элемент на той же границе” (27).

В результате поездки российской делегации Пражского съезда в Галицию были установлены весьма прочные связи между галицийскими общественными деятелями, представлявшими национально-русское политическое течение, и Галицко-русским обществом в Петербурге. Расширились задачи общества, и изменился его устав. Новый устав 1 июня 1909 г. расширил цели общества. В качестве основной задачи было признано следующее: “Содействовать культурному единению русских галичан, буковинцев и угоруссов с русским народом в России и оказывать всякого рода материальную и нравственную поддержку в их стремлениях к просветительному и экономическому преуспеянию”. Одновременно организационно укрепилось “москвофильское” течение в Галиции. 19 октября 1909 г. во Львове состоялся Народный съезд. На нём было принято новое название движения – “Русская народная организация” – и устав, написанный В.Ф. Дудыкевичем. Это не была партия в полном смысле слова. Очень неопределённо формулировался пункт о членстве. В уставе говорилось: “Членом русской народной организации считается тот, кто сознаёт национальное и культурное единство всего русского народа, признаёт всю Прикарпатскую Русь – Галичину, Буковину и Угорскую Русь – в народном и культурном отношении составною частью русского мира...” (28). Не менее абстрактно были выражены и цели движения: “Русская народная организация, соображаясь с местными условиями... признаёт полезным для возможно широкого распространения и поглубления (так в тексте – А.Б.) просвещения в народных массах Прикарпатской Руси, употребление в народно-просветительной деятельности местных наречий русского языка” (29). Всё это говорило о слабости и аморфности москвофильского движения, представленного весьма ограниченным кругом галицийской интеллигенции. Но, несмотря на довольно скромные возможности “москвофильского” направления внутри Галиции, с 1909 г. оно начинает разви-

ваться, чему способствовала как поддержка членов Галицко-русского общества, так и правительственная финансовая помощь из России.

В записке по польскому вопросу чиновник МИД а Олферев в 1908 г. писал, что в результате политики австро-венгерских властей в Галиции “украинцы сольются в самостоятельный единый народ и тогда борьба с сепаратизмом станет невозможной. Пока в Галиции живёт ещё русский дух, для России украинство не так ещё опасно, но коль скоро австро-польскому правительству удастся осуществить свою мечту, уничтожив всё русское в Галиции и заставить на веки забыть о некогда существовавшей Червонной Православной Руси, тогда будет поздно и России с врагом (т. е. сепаратизмом – А. Б.) не справиться” (30). В первую очередь, именно боязнь проникновения из Галиции в Россию идей украинского сепаратизма заставила в 1909 г. министерство внутренних дел и министерство финансов принять решение о регулярном выделении средств на “помощь прикарпатским русским”. В 1911 г. П. А. Столыпин отпустил одновременно 15 тысяч рублей на расходы по выборам в австрийский парламент. Естественно, что речь шла о помощи организациям “москвофильской” ориентации.

Ежегодно по запросу министра внутренних дел выделялось 60 тысяч рублей и 25 тысяч рублей непосредственно через министра финансов. Многие высокопоставленные чиновники, особенно в ведомстве министерства иностранных дел, прекрасно сознавали всю сложность подобной деятельности. Финансовая поддержка политических течений на территории другого государства могла повлечь за собой серьёзные внешнеполитические осложнения. Князь Л. П. Урусов писал, что русское правительство не может ни официально поддерживать национально-русское течение в Галиции, ни развивать среди населения надежды на отделение от Австрии и присоединение к России. Но благоразумная и осторожная материальная и духовная поддержка русской народной партии желательна, “тогда как пропаганда соединения с Россией в более или менее ближайшем будущем” может “при нынешних условиях лишь повредить русскому национальному движению” (31).

Ещё более осторожных взглядов придерживался М. Н. Гирс. Он считал, что русским партиям в Галиции не следует афишировать свои стремления к соединению с Россией, чтобы не вызвать преследования австрийских властей. И русское правительство со своей стороны также не должно поддерживать подобных стремлений русских Прикарпатья, а лишь “способствовать их культурному развитию” (32). Поэтому формальная инициатива в организации поддержки русской партии в Галиции и Буковине принадлежала в начале XX в. русским общественным организациям националистического толка. Распределение и передача

государственных сумм на поддержание и развитие русских культурно-просветительных учреждений прикарпатских славян были полностью в ведении В. А. Бобринского и камергера Гижицкого. Правительство доверяло им указанные суммы, не контролируя их и не требуя отчёта в расходовании денег (33). Это делалось, в первую очередь, для того, чтобы исключить возможные осложнения на дипломатическом уровне. Выделяя средства, российское правительство полностью устранялось от того, как и на что они используются. Помимо государственных субсидий ещё 10–12 тысяч рублей ежегодно давали частные пожертвования (34). Все перечисленные средства в соответствии с уставом Галицко-русского общества должны были расходоваться на культурно-просветительные цели. Фактически это были самые разнообразные мероприятия как культурного, так и политического характера. Центральное место в культурной работе отводилось распространению русского языка в Галиции, поскольку вопрос о культурно-языковой ориентации составлял основу программы галицийских “москвофилов” и с 1909 г. приобрёл политическое звучание.

Сложное историческое развитие Восточной Галиции позволяло русским видеть там русских, полякам – поляков. Австрийское правительство довольно долго затруднялось в определении национальной принадлежности русинского населения Восточной Галиции. Вопрос о национальной принадлежности галицийских русинов был как объектом научных дискуссий, так и предметом политических спекуляций, особенно к началу XX в. Известный русский учёный А. Н. Пыпин в одной из своих работ замечал, что идеализация галицкого народа как народа единого с Россией и отделённого от последней только границами не имеет под собой оснований, поскольку галичане “при всех исторических связях с древнею восточною Русью оставались особым народом, мало имеющим общего с тем, что развилось приблизительно с XIX в. на русском северо-востоке” (35). Основой для определения учёными и политиками близости населения Галиции и России был язык. Собственно и основные политические течения среди галицкой русинской интеллигенции сформировались именно на основе отношения к вопросу об этнической и языковой принадлежности части населения Галиции. Российские филологи, в основном, сходились на том, что русский язык, как и всякий другой, делится на наречия; к их числу относится и малорусское, внутри которого также существуют свои особые группы (36). В 90-х гг. XIX в. появляется направление, отстаивающее термин “малорусский язык”, считающее употребление термина “наречие” в данном случае “ненаучным, незаконным” (37). К началу XX в. вопрос о малорусском (украинском) языке окончательно выходит за рамки научной

полемики. Политические деятели начинают использовать вопрос о языке галицийских русинов, трактуя его в своих интересах, в спорах с противником. Весьма примечательно в этом плане одно из выступлений В. А. Бобринского: “Многие заблуждаются, говоря, что вопрос галицко-русский есть вопрос славянский, что галицкие «русины» наши братушки. Нет, это не братушки для нас, а такие же, как и мы, русские люди” (38).

С 1867 г. австрийское законодательство предоставляло различным национальностям и право использования родного языка, и возможность самостоятельно определять, какой язык для них является обиходным. Это конституционное положение стремились использовать галицийские и российские общественно-политические деятели в своих попытках распространения русского языка в крае. Галицко-русское общество на территории Галиции и Буковины приступило к организации русских библиотек для гимназий. Осенью 1909 г. во Львове начали выходить ежедневная газета “Прикарпатская Русь” (на русском языке) и еженедельная газета “Голос народа” в качестве приложения. (Оно было ориентировано на крестьянское население Восточной Галиции и печаталось на местном галицийском наречии). В Буковине также было организовано издание газеты “Русская правда” на местном наречии. Примечательно, что среди всех этих газет окупалось только издание “Голоса народа”. Это была единственная газета, которая имела свой круг читателей и подписчиков. “Прикарпатская Русь”, выходившая на русском языке, была рассчитана на русскую интеллигенцию. Распространялась преимущественно во Львове, где среди интеллигенции преобладали поляки. Расходилась “Прикарпатская Русь” крайне плохо, и её издание не окупалось.

Помимо издания газет выделяемые русскими министерствами средства использовались на организацию русских просветительных обществ и общежитий для русских гимназистов (39). Второе направление работы представлялось прорусски ориентированной интеллигенции Восточной Галиции крайне важным. Так как в Галиции не было русских средних учебных заведений, то своеобразными центрами русского образования молодежи становились общежития (по местной терминологии “бурсы”). При них были библиотеки, состоявшие преимущественно из произведений русской классической литературы, в бурсах изучались русский язык, история, литература.

Австрийское правительство отнеслось к этой деятельности как к прорусской политической агитации. По поводу организации русских бурс один из буковинских депутатов австрийского парламента заметил, что “почти во всяком селе Восточной Галиции сидит платный русский

агент, и целый ряд уездов края охвачен небывалой русской агитацией. В маленьких деревушках учреждаются русские бурсы-школы, где детей обучают русскому языку. Каждый мужик, отдающий своих детей в эти бурсы, получает рубли на руки. Агитация ведётся так беззастенчиво, что агитаторы не успевают даже разменять рублей на кроны и предоставляют это самим крестьянам на городских ярмарках” (40). Опасность, по мнению австрийских властей, заключалась не в изучении русского языка и литературы как таковых, а в том, что молодежи в бурсах преподавался взгляд на них как на родной язык и литературу. В связи с этим 28 июля 1910 г. был издан циркуляр наместника и председателя областного школьного совета Бобжинского о средних учебных заведениях. Этот циркуляр предписывал закрытие бурс, во-первых, за то, что в них идёт не просто обучение русскому языку, но последний употребляется воспитанниками в повседневной жизни. И, во-вторых, потому, что в библиотеках и читальнях бурс находится значительное количество сочинений политического и полемического содержания, доказывающих, что русинское население Галиции составляет часть русского народа.

Попытки “москвофилов” распространить русский язык в Галиции и ввести его в число обиходных языков в крае побудили австрийские власти принять и другие ответные меры. В частности, распоряжением наместника Бобжинского от 27 ноября 1909 г. административным властям предписывалось отклонять все без исключения документы, составленные на русском языке. Циркуляр председателя львовского областного апелляционного суда от 25 июня 1910 г. запрещал сторонам пользоваться русским языком в бумагах, подаваемых в областные учреждения, а учреждениям рассматривать подобные документы. Предписывалось возвращать без рассмотрения также и те бумаги, где встречаются отдельные русские выражения (41). Министерство внутренних дел Австрии в связи с проводившейся переписью населения циркуляром от 10 августа 1910 г. впервые установило перечень разговорных языков, которые должны были указывать граждане, заполняя анкеты. В этот список были включены немецкий, чешский, моравский, словацкий, польский, рутенский, словинский, сербохорватский, итальянский, румынский и мадьярский. Появление этого документа говорило о весьма серьёзной озабоченности австрийского правительства языковой проблемой, частью которой были попытки “москвофилов” распространить русский язык в Галиции, используя либеральные нормы австрийского законодательства. По поводу этого циркуляра “Прикарпатская Русь” писала, что это распоряжение нарушает гарантированные конституционные права части населения Австрии, так как всё предшествующее законодательство не содержит “никаких предписаний относительно разговорного язы-

ка и, значит, не содержит никаких стеснений граждан в их природном праве называть своим разговорным языком тот, который для них является таковым в действительности” (42).

6 июня 1912 г. состоялось выделение Холмской губернии из состава Царства Польского. Ещё до принятия окончательного решения, в то время как в Государственной думе шли дебаты по польскому вопросу, во Львове состоялась польская демонстрация у памятника Мицкевичу. И, как сообщило С.-Петербургское телеграфное агентство, с пением польских патриотических песен был сожжён портрет Николая II. “Львовский инцидент” обратил внимание как правительственных, так и общественно-политических кругов Российской Империи. После непродолжительной переписки министр иностранных дел С. Д. Сазонов и российский посол в Вене Гирс пришли к выводу, что, хотя желательно потребовать от венского кабинета расследования произошедших событий и наказания виновных, но, поскольку именно в этот момент в Вене крайне заинтересованы в парламентской поддержке поляков, то рассчитывать на это не приходится. Гирс в письме Сазонову от 22 апреля 1912 г. отмечал: “Мы не можем скрывать от себя, что в данное время галицийцы – как поляки, так и «мазепинцы» – являются нашими врагами, и что Галиция останется опасным местом в наших отношениях с Австро-Венгрией... Мы не можем забыть отношение поляков и их подлую демонстрацию, но мы должны выбрать более благоприятный момент для решительных действий” (43). Менее сдержанно вели себя периодическая печать и общественность в России. “Общественное мнение и печать даже умеренного направления настойчиво требуют полного удовлетворения”, – писал Сазонов Гирсу 30 апреля 1912 г. Особенно непримиримой были позиции фракции националистов в Государственной думе и газеты “Новое время”. Члены фракции предложили внести запрос в Думу по поводу событий во Львове. Но после того как 25 мая 1912 г. в “Новом времени” была опубликована переписка Сазонова с Гирсом по этому вопросу, показавшая, что правительство не осталось равнодушным к польской демонстрации, отказались от своего намерения. Попытки российской дипломатии не обострять русско-австрийских противоречий накануне первой Балканской войны были вполне объяснимы. Гирс писал: “Мы стоим перед очень трудной задачей, которая представляется легко разрешимой только для вполне законно возмущённых органов нашей печати и для общественного мнения, так как они не несут никакой ответственности за могущие произойти серьёзные последствия...” (44). Действительно, националисты восприняли подъём польского национального движения в связи с выделением Холмской губернии как сигнал к действию без достаточного учёта внешнеполитической

ситуации. С этого момента их деятельность в Галиции приобрела ярко выраженный антипольский характер. Этому обстоятельству, помимо польских демонстраций способствовало также и то, что зимой 1911–1912 гг. австрийским властям удалось добиться прекращения польско-украинского конфликта в сейме Галиции и настоять на том, чтобы “польская” и “украинская” партии начали между собой переговоры. Российская сторона расценила это событие как негативное. Гирс отмечал, что “с точки зрения интересов русского культурного и национального единства, всякий уговор между двумя одинаково враждебными русскому населению Галиции партиями представляется, конечно, нежелательным” (45). Дипломатические и правительственные круги Российской Империи, несмотря на такую оценку ситуации, старались держаться в стороне от событий в Галиции, поскольку, по замечанию того же Гирса, “чем меньше будет интерес нашей печати и наших политических деятелей к состоящим в австрийском подданстве малороссам, тем лучше будет и их положение, которое только они сами могут улучшить” (46).

Иной была позиция националистически настроенной общественности, которая начала в прессе кампанию против галицийских поляков. 10 апреля 1912 г. В. А. Бобринский опубликовал в газете “Times” статью о притеснениях русского населения в Галиции, отмечая, что с 1340 г. там идёт борьба “между аборигенами, твёрдо отстаивавшими свою национальность и православную веру, и польскими завоевателями, употреблявшими все усилия, чтобы полонизировать... часть древней Руси”. Эта статья послужила началом полемики между польскими и российскими общественно-политическими деятелями. Польская сторона опубликовала несколько ответных писем в “Times”, где говорилось, что “славная борьба за духовную жизнь”, по выражению Бобринского, есть ни что иное как “спорадические усилия русской пропаганды, действующей, главным образом, посредством денег” (47). Обличительная кампания, начатая графом В. А. Бобринским, была с неодобрением встречена российскими дипломатическими кругами. Выступление Бобринского оказалось крайне несвоевременным, осложнив ещё более и без того сложные русско-австрийские отношения.

Начало Балканских войн и дальнейшее обострение русско-австрийских отношений ещё более усилили активность российских националистов по отношению к Галиции и стали основанием для просьб Бобринского об увеличении правительственных субсидий на поддержку “русского движения” в Австро-Венгрии. Бобринский в 1913 г. писал в Министерство иностранных дел о том, что имеющиеся на настоящий момент средства явно недостаточны. На них можно только поддержи-

вать действующие русские учреждения в Галиции, но нет денег на создание новых. Бобринский предлагал: изыскать постоянный источник денежных средств путём ассигнования в законодательном порядке достаточных сумм на поддержку и развитие русского движения в Галиции в виде секретных средств Министерства иностранных дел. Он считал, что расходовать эти средства можно только “путём постоянных сношений надёжных и преданных частных лиц в России с русскими патриотами Прикарпатья. Эти деньги должны передавать русским учреждениям Галиции, Буковины и Угорской Руси под видом жертв русских частных лиц и обществ”. Таким образом, по мнению Бобринского, ни австро-венгерское правительство, ни получатели денег не будут знать о роли российского правительства в поддержке “русофильской” партии в Галиции (48). Бобринский просил увеличить финансирование до 200 тысяч рублей в год.

Одновременно с просьбами о дополнительных правительственных субсидиях члены Галицко-русского общества весной–летом 1913 г. провели в Петербурге ряд собраний. На этих заседаниях присутствовали члены Государственной думы, Государственного совета, представители различных партий, общественные деятели. Общий тон собраний носил антиавстрийский и антипольский характер, а участие в заседаниях членов Думы и Государственного совета придавало им в общественном мнении официальный статус.

Активная деятельность членов Галицко-русского общества не только в Галиции, но и в России: организация манифестаций, шумных газетных кампаний в поддержку православных в Галиции и Буковине, вызывала серьёзные опасения у чинов российского дипломатического ведомства. Российский генеральный консул в Будапеште 9 апреля 1913 г. сообщал, что “недавняя манифестация Галицко-русского общества в С.-Петербурге произвела здесь самое невыгодное впечатление. Не принеся никакой пользы угорусам, она в то же время лишь усилила и оживила вражду Венгрии к России” (49). Русский посол в Вене 27 марта 1913 г. писал в Министерство иностранных дел, что даже если эти выступления искренние, то они дают обратный эффект. “Со свойственной ему необузданной пылкостью и бестактностью В. А. Бобринский возбуждает против православных Прикарпатской Руси Польское коло и административные власти, как в Галиции, так и в Венгрии...” (50). Российские дипломатические чиновники считали, что каждодневная травля Австрии в “Новом времени”, панславистские политические манифестации в конечном итоге направлены против российского же правительства, ухудшают русско-австрийские отношения и в результате могут послужить искрой в пороховом погребке и уничтожить и без того хрупкие

мирные отношения между двумя державами. Сообщая об отношении в Австро-Венгрии к панславистским заявлениям российских общественных деятелей, представители МИДа утверждали, что "... в Австрии глубоко убеждены, что *всеславянское движение в России заставит наше правительство воевать*" (51) (курсив мой – А. Б.).

Но, несмотря на весьма настороженное отношение правительства и МИДа к демонстративным заявлениям российских националистов о положении в Галиции, запросы Бобринского не остались без внимания. К лету 1913 г. вопрос о поддержке "русской" партии в Галиции в условиях осложнившихся отношений с Австро-Венгрией представлял собой важную внешнеполитическую проблему. Решение вопроса о субсидировании деятельности Бобринского и Гижицкого в Галиции было передано председателем Совета министров в МИД, С. Д. Сазонову. При этом, именно Сазонову предстояло решить, является ли полезным "оказание прикарпатским славянам денежной помощи на предложенных в упомянутой записке основаниях" (52). В августе 1913 г. он сообщил министру финансов о целесообразности довести сумму на поддержку русских в Австро-Венгрии до 200 тысяч рублей. Эти средства должны были быть выделены в качестве кредита Министерству иностранных дел. Распределением денег должны были весть МИД, МВД и обер-прокурор Св. Синода (53). С этого момента деятельность "москвофилов" в Галиции стала наиболее активной. Австрийские власти, в свою очередь, стали принимать ответные меры. И, разумеется, действия той и другой стороны никоим образом не способствовали стабилизации обстановки в Европе накануне Первой мировой войны.

Подъём национального самосознания, стремление отдельных народов Центральной и Юго-Восточной Европы к государственному самоопределению не обошли стороной и Галицию. Восточная Галиция к началу Первой мировой войны представляла собой своего рода "пограничную" территорию со смешанным этническим составом населения. Национальности, проживавшие на территории Восточной Галиции, были разделены государственными границами и стремились к слиянию с родственными по языку и культуре национальностями. Такие процессы всегда являются чрезвычайно сложными как в национально-культурном, так и в политическом отношении, поскольку затрагивают интересы не только отдельных народов, но и государств, для которых главным является сохранение единства территории.

В начале XX в. применительно к взаимоотношениям Восточной Галиции и Российской Империи ситуация обострялась тем, что затрагивала как старейшую национальную проблему России – польский вопрос, так и нарождающуюся – вопрос украинский и, кроме того, внешнеполи-

тические интересы, связанные с противостоянием Австро-Венгрии и России. Но, несмотря на очевидную сложность складывавшихся к началу Первой мировой войны взаимоотношений, действия правительственных кругов Российской Империи были весьма осторожными, о чем свидетельствовала передача всех конкретных мероприятий в руки общественно-политических деятелей.

“Русофильская” агитация в Восточной Галиции должна была служить, по мнению правительства, в первую очередь, созданию там своеобразного барьера против польско-украинской агитации в России, поскольку Восточная Галиция представлялась источником распространения опасного “национального вольномыслия” среди поляков и украинцев империи. И поддержка “русофильства” должна была служить созданию определённого равновесия сил в этом регионе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Столыпин П. А.* Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. – М., 1991. С.106.
2. Марков Николай Евгеньевич (“Марков-второй”) (1866–1945) – депутат IV Государственной думы от Курской губернии (товарищ председателя фракции правых).
3. Стенографический отчёт Государственной думы. Сөзүв III. Сессия 5. 4 Стб.
4. См.: *Погодин А. Л.* Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. – М., 1915. С.79.
5. Там же. С.65.
6. Там же.
7. *Козн Г.* Политика в области высшего и среднего образования в Австрии в конце XIX – начале XX вв. //Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. – М., 1995. С.176.
8. З бжучої хвилі. – Киев, 1907. С.123.
9. См.: Национальная политика России: история и современность. – М., 1997. С.59.
10. Там же.
11. Там же. С.60.
12. Там же.
13. //Украинская жизнь. 1912. № 5. С.18, 20.
14. Там же.
15. Там же.
16. Национальная политика России: история и современность. – М., 1997. С.61.
17. //Украинская жизнь. 1912. № 1. С.124.
18. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.43. Л.14 об.
19. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.152. Л.19.
20. *Гумецкий И. И.* Значение русского Прикарпатья для России. – СПб., 1904. С.21.
21. Отчёт о деятельности галицко-русского благотворительного общества в С.-Петербурге за 1912 г. – СПб., 1913. С.8.
22. 4-я Государственная дума. Портреты и биографии. – СПб., 1913. С.25.

23. Дудыкевич Владимир Феофилович (? –1922) адвокат, общественный деятель Галиции, принадлежал к “москвофильскому” направлению, председатель Русского народного совета Прикарпатской Руси, умер в тюрьме г. Ташкент.

24. АВПРИ. Ф.151. Оп.482. Д.3425. Л.12 об.

25. Там же. Л.14.

26. Там же.

27. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.156. Л.3 об.

28. *Дудыкевич В. Ф.* Русский народный совет Прикарпатской Руси. – Пг., 1915. С.16.

29. Там же.

30. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.43. Л.13 об.

31. Там же. Д.156. Л.3 об.

32. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.156. Л.4 об.

33. Там же. Д.152. Л.37.

34. Там же. Л.10.

35. Вестник Европы. 1888. Т.6. С.355.

36. *Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. – СПб., 1891. С.1–2.

37. //Киевская старина. 1899. Август. С.137–138.

38. *Бобринский В. А.* Возвращение в лоно православной церкви униатов Червонной Руси и гонение на них со стороны поляков. – Минск, 1912. С.1.

39. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.152. Л.25–29.

40. *Казанский П. Е.* Русский язык в Австро-Венгрии. – Одесса, 1912. С.12–13.

41. Там же. С.19.

42. См.: *Казанский П. Е.* Русский язык в Австро-Венгрии. – Одесса, 1912. С.19.

43. Международные отношения в эпоху империализма. – М., 1939. Сер. II. 1900–1913.

Т.19. Ч. II С.53.

44. Там же. С.146.

45. Там же. С.94.

46. Там же. С.98.

47. //Times. 1912. 27 May.

48. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.152. Л.25–29.

49. Там же. Л.3.

50. Там же. Д.155. Л.2.

51. Там же.

52. Там же. Д.152. Л.37.

53. АВПРИ. Ф.133. Оп.470. 1913. Д.16. Л.2.

ГЛАВА 3

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ

Летом 1914 г. в результате успешных военных действий русские войска вступили на территорию Австро-Венгрии и заняли Восточную Галицию и часть австрийской Польши. Россия вступила в Первую мировую войну как защитница Сербии, а в её лице и всех славянских народов. Лозунг защиты малых народов от поработителей, воссоздания национальной государственности занимал значительное место в декларативных заявлениях держав Антанты. С другой стороны, победа в Галиции была, по сути, первой победой России в большой европейской войне после грандиозного поражения в 1905 г. Публицист С. Соловьев отмечал, что после первых побед на фронтах Первой мировой войны «Россия оказывается во главе европейской коалиции, с честью играет свою роль и позор своего поражения на Дальнем Востоке искупает трофеями на Западе. Самая коренная русская область Галиция, Галицкая Русь возвращается к нам и будущее нашей культуры тесно связывается с Юго-Западом» (1). Две, казалось бы, противоположные мысли – идея освобождения народов и приобретение новой территории на юго-западе – удивительно органично слились воедино как в официальной пропаганде, так и в сознании части русской общественности.

Течение, пропагандировавшее идею вхождения Галиции в состав Российской Империи, бывшее до начала войны достоянием секретных правительственных документов и декларативных выступлений представителей националистических общественных кругов, стало широко распространяться. Со страниц правительственной периодической печати бурным потоком полились заявления о вступлении русских войск на

исконно русскую территорию. Появилась масса публицистических работ по истории этих земель от князя Даниила Романовича Галицкого до 1914 г. и стихотворений, посвящённых Галиции. Например, в сентябре 1914 г. “Прикарпатская Русь” опубликовала такие стихи поэта из Витебска:

Встань же, Галич, Лазарь хилый!
Могучим духом, Русь, воспрянь!
Раскрылися твои могилы:
Хребты Карпат – твоя уж грань! (2)

В русской прессе августа–сентября 1914 г. чётко прослеживались две ключевые темы: Россия – освободительница угнетённого народа; ликование по поводу завершения формирования российской территории (“Великий народ должен достигнуть своего полного национального объединения” (3)). Сначала оба этих тезиса развивались в равной мере. Но постепенно начинает преобладать мысль о великой Руси, “совершающей дело своего национального Воскресения” (4). Присоединение Галиции трактовалось российской общественностью чрезвычайно широко. Снова и снова решался вопрос о том, что такое Россия: Азия или Европа. И в присоединении новых земель на Западе виделось возрождение политического значения России среди европейских государств, необходимость которого весьма остро ощущалась после поражения в русско-японской войне.

Вступление русских войск на территорию Австро-Венгрии сопровождалось изданием двух воззваний за подписью Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. В воззвании к народам Австро-Венгрии говорилось: “Вступая во главе Российского войска в пределы Австро-Венгрии, именем великого русского царя объявляю Вам, что Россия, не раз уже проливавшая свою кровь за освобождение народов от иноземного ига, ничего иного не ищет, кроме восстановления права и справедливости. Вам, народы Австро-Венгрии, она также несёт теперь свободу и осуществление ваших народных вожделий... Россия... стремится только к тому, чтобы каждый из вас мог развиваться и благоденствовать, храня драгоценное достояние отцов – язык и веру” (5). Воззвание Верховного главнокомандующего к прикарпатским русским было выдержано в несколько ином тоне. Если “народам Австро-Венгрии” была обещана свобода национального развития, то населению Прикарпатъя сообщалось о том, что настало время соединить разрозненные части Руси, и что “нет силы, которая остановила бы русский народ в его порыве к объединению”.

Трактовка захвата Галиции как воссоединения русского народа и национального возрождения России была с энтузиазмом встречена российской общественностью. Исполняющий обязанности Московского городского головы от имени московских жителей направил Верховному главнокомандующему “поздравления по поводу блестящего успеха русского войска, вступившего ныне во владение древней вотчины князей русских” (6). Вопрос о политике в занятой русскими войсками Галиции и основах деятельности новой администрации был гораздо шире, чем просто вопрос об управлении временно оккупированной территорией.

Расчёт на победоносную кратковременную войну подталкивал русскую администрацию к решению вопросов управления восточной частью Галиции в контексте предстоящего передела территорий государств Тройственного союза между державами Антанты. Поэтому в Галиции необходимо было иметь в виду не только текущие военные, но и будущие дипломатические проблемы. Политика в отношении Галиции являлась частью интересов России в Восточной Европе. Главной целью держав Антанты в Первой мировой войне была ликвидация военного и политического могущества Германии. В рамках этой задачи каждая из них имела свою “национальную” программу, рассчитанную на получение определённых гарантий по отношению к противнику в виде территориальных приобретений и т. д. Ещё в начале XX столетия для многих видных представителей российской бюрократии получение новых земель на западе было нежелательным. Так, военный министр А. Н. Куропаткин во всеподданнейшем докладе Николаю II за 1900 г. высказывался против “улучшения” западных границ России и присоединения Восточной Пруссии и Галиции, которые стали бы своего рода “восточноевропейской Эльзас-Лотарнигией” (7). Но к началу войны новые территориальные приобретения представлялись необходимыми. Тот же Куропаткин в своём докладе “Границы России в результате войны 1914–1915 годов” признал ошибочным своё мнение, высказанное в 1900 г., и считал, что Россия должна “предъявить союзникам такие требования, которые могут обеспечить интересы России в XX в.”. А это именно: присоединение к России Восточной Пруссии, территорий Германии и Австро-Венгрии с преобладающим польским населением и образование автономной объединённой Польши, а также вхождение в состав России Восточной Галиции и частей Венгрии и Буковины, местностей с преобладающим русским населением, что “завершит собирание уделов Руси и объединение русского племени” (8). Лозунг укрепления “русской Империи” прекрасно оправдывал стремление к ослаблению Германии и пересмотру границ Австро-Венгрии. Необходимость подобных мер к началу войны в правительственных верхах сомнения не вызывала,

и идеи национализма прекрасно объясняли конечные цели войны в отношении восточноевропейских территорий.

Успехи русской армии в первые месяцы войны, поднявшие цену её военного сотрудничества у союзников, послужили основой для дипломатической инициативы министра иностранных дел С. Д. Сазонова, предложившего английскому и французскому правительствам определить цели войны. В середине сентября 1914 г., когда русская армия, овладев Львовом, продвигалась по направлению к Карпатам и Силезии, Сазонов изложил французскому и английскому послам М. Палеологу, Дж. Бьюкенену основные вехи будущего мира. Его программа исходила из разгрома Германской империи и её союзников. В основе будущих территориальных изменений должен был лежать национальный принцип. К России должны были отойти нижнее течение Немана и Восточная Галиция. Познань, Силезия и Западная Галиция включались в состав Польши (9).

В ноябре 1914 г. задачи и цели союзников в войне сформулировал Николай II во время аудиенции, данной французскому послу Палеологу, император подробно остановился на европейских делах и, в частности, на “исправлении границ” в Восточной Пруссии. При этом он пояснил, что Познань и часть Силезии будут необходимы “для воссоздания Польши”, Галиция же и северная часть Буковины позволят России достигнуть своих “естественных пределов” (10).

Планы российской дипломатии относительно Восточной Европы требовали предварительного решения вопросов, связанных со статусом названных земель как в составе России, так и за её пределами. Кроме того, возможный передел в Восточной Европе затрагивал непосредственно российские территориальные интересы, а именно: положение Царства Польского после войны.

Летом 1914 г. польский вопрос приобрёл неожиданно новое звучание. 1 августа 1914 г. было опубликовано воззвание Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича к полякам, в котором говорилось следующее: “Пусть сотрут границы, растерзавшие на части русский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя. Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении” (11). Это воззвание было воспринято поляками как первый шаг на пути введения польской автономии.

Совещания по польскому вопросу в Совете министров начались почти сразу же после публикации воззвания. Сначала они были весьма бессистемными, так как их участники не имели достаточно чёткого мнения о проблеме и весьма плохо представляли себе те задачи, которые им предстояло решить. Пожалуй, только С. Д. Сазонов, осведом-

лѣнный лучше остальных, имел более или менее определённый взгляд на развитие Царства Польского. Свои соображения по польскому вопросу Сазонов представил членам Совета министров 29 сентября 1914 г. Он сформулировал тезисы о будущих границах Польши и компетенции органов местного самоуправления. По мнению Сазонова, будущий польский край должен был состоять из привислинских губерний Российской Империи и польских земель, которые в случае победоносной войны, отойдут к России от Германии и Западной Галиции. Во главе польского края предполагалось поставить Наместника его императорского величества. Министр иностранных дел считал, что “пределы самоуправления края определяются имперским законодательством, ... должна быть обеспечена нераздельность связи его с Империей” (12). К компетенции местных органов самоуправления было предложено отнести церковные вопросы, управление начальным и средним образованием, местным хозяйством и частично суд. При этом была поставлена задача максимального приближения местных органов самоуправления к типу российских земских учреждений. Сазонов предлагал также расширить права польского языка, введя польский как язык преподавания в высших, средних и низших учебных заведениях при сохранении обязательного преподавания русского языка (13). Единого взгляда на польский вопрос в Совете министров не было. И воззвание за подписью великого князя Николая Николаевича представлялось его членам совершенно излишним, напрасно беспокоящим польскую общественность. Но вступление русских войск на территорию Австро-Венгрии заставило членов Совета министров более внимательно отнестись к польскому вопросу уже не только применительно к Царству Польскому и будущей, объединѣнной под русским протекторатом, Польше, но и в приложении к настоящей ситуации в Галиции.

В конце августа 1914 г. начальник Штаба Верховного главнокомандующего генерал Н.Н. Янушкевич обратился с письмом в Совет министров к его председателю И.Л. Горемыкину. В самом начале письма он говорил о том, что разгар военных действий представляет идеальные возможности для проведения практически любых мероприятий в Галиции, сообразных с интересами Империи, таких мер, проведение которых в мирных условиях может быть затруднено. Но, с другой стороны, проводить их надо осторожно, чтобы не скомпрометировать русские власти. Н.Н. Янушкевич считал, что необходимо срочно определить позицию Совета министров в польском и украинском вопросах применительно и к Галиции, и к Империи в целом. Он писал: “Вообще, казалось бы, что наступило время дать полякам некоторые более положительные заверения относительно предполагаемых уступок им...,”

сохранение полной неопределённости в этом вопросе создаёт благоприятную атмосферу для развития недоверия в польских кругах” (14). Словом, в условиях невозможности реформировать Царство Польское предлагалось продемонстрировать полякам некоторые образцы будущих свобод на территории Восточной Галиции. Второй (по мнению Янушкевича, не менее важный и требующий незамедлительного решения на правительственном уровне) вопрос – об украинском языке в Галиции. “Если нами будет признано, – писал Н.Н. Янушкевич, – не допускать так называемый «украинского» языка, то уже теперь должны быть преподаны указания, что газеты на украинском языке не должны быть разрешаемы” (15). И, наконец, Янушкевич просил инструкций по вероисповедному вопросу. При этом он весьма цинично заявлял, что “общее решение применять в Галиции веротерпимость и не допускать насильственного обращения униатов в православие может быть применено различным образом. Власть наша может, сама тому открыто не содействуя, не препятствовать и даже косвенно помогать обращению галичан в православие; возможно и сохранение ею вполне выжидательного положения” (16). Без ответов на эти вопросы, без определения чёткой правительственной позиции в отношении к полякам, украинскому языку и перехода униатов в православие “управление этим краем, – писал Янушкевич, – станет невозможным” (17). К предложениям Янушкевича члены Совета министров отнеслись весьма осторожно. Лишь в конце октября 1914 г. в Совете министров на основании письма Янушкевича состоялось обсуждение польского вопроса.

Первое заседание Совета министров, специально посвящённое польскому вопросу, состоялось 20 октября 1914 г. Члены Совета министров осенью 1914 г., приступая к обсуждению вопроса о Царстве Польском, придерживались довольно разных взглядов, единства между ними не было.

На первом заседании большинство участников пришло к выводу, что в ходе возможных реформ управления Царством Польским должна быть обеспечена нераздельность связи его с империей, для чего все общеимперские интересы должны по-прежнему подчиняться имперскому законодательству и ведаться органами империи, при сохранении участия представителей Польши в имперских законодательных учреждениях.

Членам Совета министров предстояло также разработать вопрос о будущих границах польского края. Важность вопроса усугублялась тем, что он был непосредственно связан с проблемой послевоенного устройства мира. И политика по отношению к полякам восточной Галиции также должна была зависеть от того, как определятся границы бу-

душей Польши: будет ли Восточная Галиция признана частью Польши или России.

Исходя из предварительной договоренности Сазонова с дипломатическими представителями союзников в России, члены Совета министров пытались решить, по какому признаку будут сформированы будущие границы: определятся ли они чисто этнографическим признаком или с учётом исторической государственной традиции Польши. Кроме того, Совет министров интересовало, должен ли политический строй польских областей быть однородным или видоизменяться для различных областей Польши, долгое время входивших в состав различных государств (18).

В конце октября была намечена программа заседаний Совета министров по польскому вопросу, включавшая вопросы о формах и способах обеспечения политического единства Царства Польского и Российской Империи, организации системы управления и местного самоуправления и границах будущей Польши.

Обсуждение перечисленного проходило в Совете министров 5–12 ноября 1914 г. Главными в заседании 5 ноября 1914 г. стали вопросы о границах и употреблении в крае русского и польского языков. Участники заседания пришли к мнению о том, что при определении границ необходимо основываться на этнографических признаках. При этом было подчеркнуто, что глобальные задачи настоящей войны применительно к польскому вопросу подразумевают не восстановление Польши в её исторических границах, а освобождение Россией поляков, живущих под властью Германии и Австро-Венгрии. Такое рассмотрение вопроса, в свою очередь, определяло границы будущей Польши. Это – губернии Царства Польского, часть Галиции (западной, где преобладало польское население) и Познань (19). Определив, что Западная Галиция войдёт в состав будущей Польши, Совет министров осенью 1914 г. создал основу для разграничения русской политики в Восточной и Западной Галиции.

Незадолго до этого заседания С. Д. Сазоновым были сформулированы общие положения об основах управления будущей Польшей. Сазонов исходил из того, что в состав объединённых польских земель в недалёком будущем войдут территории, находившиеся под властью Германии, Австро-Венгрии и России. Разница подходов к организации управления требовала уже заранее определить, как будет строиться система государственной власти в Польше. Польские земли, поделённые между тремя государствами, управлялись до 1914 г. совершенно по-разному. Наиболее жёсткой была прусская система управления, при которой Познань не имела правильно организованной системы местного

самоуправления. Австрийская система была более либеральна и основывалась на весьма широкой автономии и признании национальных прав поляков. Российская система управления базировалась, наоборот, на отрицании национальных прав польского населения и стремлении полностью нивелировать различия между губерниями Царства Польского и российскими. В такой ситуации Совету министров предлагалось определить как свое отношение к существующим системам управления, так и выработать некий усредненный вариант, приемлемый в будущем. В связи с этим Сазонов отмечал, что при формировании органов управления в будущей Польше должен приниматься во внимание один, наиболее важный критерий – “разумно понятые интересы России” (20). Он считал, что задачи начавшей войны в отношении славянства сделали невозможным для Российской империи сохранение политического курса в отношении Польши, который сформировался в 60–70 гг. прошлого столетия. Именно внешнеполитические интересы, по замечанию Сазонова, требовали изменения позиции России в польском вопросе. “Для России нынешняя война есть война за освобождение славянских племён и за обеспечение свободного их развития в будущем. Эта борьба, если она будет доведена до конца, сулит России положение признанного руководителя всего славянского мира..., а такое свободное признание станет невозможным, если Россия... будет держать в рабстве второе по значению славянское племя”, – писал Сазонов 5 ноября 1914 г. Правда, при этом он снова и снова подчёркивал, что изменение основ польского управления должно быть осуществлено так, чтобы “интересы Империи не потерпели ни малейшего ущерба” (21).

Результаты заседаний Совета министров 20 и 30 октября, 5, 12 и 15 ноября 1914 г. были зафиксированы в мемории по польскому вопросу. Совет министров пришёл к заключению, что в связи с провозглашёнными в воззвании Верховного главнокомандующего принципами, в состав будущего польского края должны войти как нынешние губернии Варшавского генерал-губернаторства, так и польские земли, которые отойдут к России после побед над Австро-Венгрией. В местностях, которые будут вновь присоединены, необходимо сохранить военное управление. Управление Польшей предполагалось строить на началах свободы вероисповедания и расширения языковой автономии.

Таким образом, осенью 1914 г. политика Российской империи в Восточной Европе была как бы разделена на две части: мероприятия в Западной Галиции с точки зрения её вхождения в состав будущей Польши и в Восточной Галиции как территории, присоединяемой к Российской империи. Правда, никаких конкретных указаний о том, как русские власти должны вести себя по отношению к польскому насе-

лению Восточной Галиции Совет министров не дал. Осенью 1914 г. он наметил весьма ограниченную программу преобразований в Царстве Польском, сосредоточенную, в основном, на предоставлении полякам некоторой национально-культурной автономии при максимальном сохранении прерогатив общеимперской власти в непосредственном управлении краем.

Мемория Совета Министров от 20 октября – 15 ноября 1914 г. об устройстве польского края была передана на рассмотрение императора, который, в свою очередь, передал её великому князю Николаю Николаевичу. Он, в целом, поддержал позицию Совета министров, отметив, что всесторонняя разработка польского вопроса – задача будущего. Но при этом великий князь Николай Николаевич “признал своевременным удовлетворение горячих ожиданий польского населения услышать с высоты престола благою весть о предполагаемых для него льготах” (22). Для этого Верховный главнокомандующий предложил Совету министров разработать более детальную схему будущего устройства польского края. Конкретных указаний о том, как будет организовано управление послевоенной Польшей ни император, ни великий князь не дали. Совет министров, в свою очередь, готовясь приступить к выполнению возложенной на него задачи, исходил из того, что “будущий польский край не может иметь чего-либо обособленного или отличного от остальных частей Империи в таких отраслях управления как армия, флот, международные отношения, финансы, пути сообщения, почта, телеграф, суд” (23).

По сути, правительственные верхи империи понимали, что, с одной стороны, в условиях войны, какое бы то ни было радикальное решение польского вопроса, невозможно, но необходимо создать хотя бы видимость решения проблемы, чтобы закрепить лояльное настроение польского населения. И оккупация Галиции, со значительным польским населением, заставляла с особым вниманием отнестись к положению поляков на занятой территории.

На повторный запрос Янушкевича от 19 сентября 1914 г. (как же вести себя местной администрации по отношению к полякам в Галиции) председатель Совета министров И.Л. Горемыкин дал расплывчатый ответ, сообщив, что “правительство, придавая означенному вопросу весьма важное значение, ... уже приступило к подробному соображению мероприятий... Однако вопрос этот пока находится в предварительной стадии своего обсуждения” (24). Заметим, что и после ноябрьских заседаний Совета министров русские военные и гражданские власти в Галиции также не получили никаких конкретных указаний. Но поскольку в правительственных верхах в той или иной форме периодически звучала

мысль о том, что польский вопрос будет решён в пользу польского населения, то галицкой администрации также предстояло занять нейтральную позицию в отношении поляков.

Фактически по польскому вопросу русские власти в Галиции могли руководствоваться туманными формулировками ответов И. Л. Горемыкина и воззванием к полякам 1 августа 1914 г. При этом другие, не менее важные вопросы, в том числе украинский, оказались вне внимания Петрограда. Обращаясь в Совет министров за разъяснениями, Янушкевич подчёркивал, что проблема требует как принципиальных, так и конкретных решений на правительственном уровне, имея в виду вопросы о языке и вероисповедании населения восточной Галиции.

Следовало определить отношение к украинцам в Галиции, что было весьма сложно, поскольку затрагивало украинский вопрос внутри Российской Империи. Как отмечал журнал "Украинская жизнь", "борьба за Галицию... неизбежно обострит постановку украинского вопроса внутри России" (25).

Поэтому разработка русской политики в Галиции летом—осенью 1914 г. оказалась в непосредственной зависимости от целого ряда внутриполитических проблем и общественных настроений в Российской Империи. Это прекрасно понимали военные, которые первыми вступили на территорию Галиции. Вопрос о будущем курсе галицкой администрации имел общегосударственное значение.

В Совете министров в сентябре 1914 г. дважды обсуждали вопросы, связанные с занятием русскими войсками Восточной Галиции. На первом заседании 10 сентября 1914 г. члены Совета министров выявили ещё одну проблему, не замеченную военными – вопрос о порядке эксплуатации природных богатств края, а точнее богатых запасов нефти, имевшихся в Галиции. На втором заседании 16 сентября 1914 г. министры обсудили вопрос об организации гражданского управления Галицией, ни слова не сказав ни о национальных, ни о культурных, ни вероисповедных проблемах (26). В сентябре 1914 г. в отношении Галиции Совет министров интересовали две проблемы: возможные экономические выгоды от получения новой территории и решение административных вопросов управления. Всё остальное осталось вне внимания правительственных кругов. Относительно национально-культурной политики в отношении украинского населения в августе—сентябре 1914 г. никаких распоряжений правительственного уровня сделано не было, и проблема эта как бы перестала существовать, а, по сути, оказалась полностью в ведении местной администрации. Единственно чёткие указания были даны по вероисповедному вопросу. 15 сентября 1914 г. военный генерал-губернатор Галиции получил высочайшую телеграм-

му. В ней говорилось: “Подтверждаю данные Вам Верховным главнокомандующим указания относительно осторожного разрешения религиозного вопроса в Галиции. Давайте движения поэтому только тем ходатайствам о воссоединении с православной Церковью, которые совершенно добровольно исходят от самих униатов. Это должно быть проверено администрацией” (27). Телеграмма же Верховного главнокомандующего, на которую делалась ссылка, была отправлена 13 сентября 1914 г., где генерал-губернатору предлагалось сделать немедленно распоряжение, “чтобы наша духовная власть не чинила никаких притеснений униатам и униатскому духовенству. Политическая неблагонадежность не должна быть отождествлена с религиозною разъединенностью... права и интересы галицкого населения и духовенства должны быть строго оберегаемы нашими властями” (28).

Помимо Совета министров, Ставки, МИД’а и императора основные направления политики России в восточной Европе применительно к Галиции в конце лета – начале осени 1914 г. пытались определить члены фракции националистов Государственной думы. Среди них лидирующая роль принадлежала графу В.А. Бобринскому и Д.Н. Чихачеву (29).

С началом Первой мировой войны В.А. Бобринский добровольно поступил в действующую армию в качестве корнета запаса гусарского полка. Он был назначен в штаб 8-й армии под командованием генерала Брусилова. И таким образом, стал одним из участников галицийской военной операции и при этом приобрёл в штабе армии репутацию человека, детально знакомого с Галицией и её проблемами. Человек достаточно темпераментный и энергичный, В.А. Бобринский при занятии городов Галиции лично отправлялся освобождать заключённых в тюрьмы местных деятелей, арестованных по подозрению в прорусских симпатиях. Роль избавителя он исполнял в Тернополе, Бережанах, Золочеве, Перемышлянах, Монастыриках, Галиче и, наконец, в Львове, где им было освобождено из тюрьмы при окружном суде сразу 183 узника.

Газета “Прикарпатская Русь” назвала его “пророк освобождения Галичины”, отмечая, что “в истории последних лет борьбы Карпатской Руси с Австрией, имя графа В.А. Бобринского покрыто венцом неуязвимой славы. Для австрияков имя графа звучало как грозный вечевой колокол, как вечная укоризна. Не боясь наветов мазепинцев... граф В.А. Бобринский исходил всю Галичину, благословляя её народ на страданье за веру и царя, утешая и суля её детям новую эру жизни, обновления в Руси и соединение со старшим братом” (30).

После битвы под Городком В.А. Бобринский остался во Львове, где был назначен председателем главного Краевого благотворительного

комитета. К Бобринскому обращались представители Ставки и управления галицкого временного военного генерал-губернаторства как к человеку, хорошо знакомому с положением в Галиции. Его мнение в среде военных имело своё влияние на формирование позиции генералов Ставки в отношении к украинскому языку и проблеме национально-культурного сближения населения Восточной Галиции с Империей.

Собственную программу деятельности русской администрации в Восточной Галиции и Буковине разработал Д.Н. Чихачев. Основной задачей русской политики на этой территории Чихачев считал умиротворение края, поднятие благосостояния коренного русского населения и объединение его с Российской Империей. Им была предложена целая серия мероприятий по улучшению положения местного малоземельного крестьянства, во-первых, за счёт приобретения русской казной частновладельческих земель, и, во-вторых, путём ликвидации местного еврейского землевладения. Вторая мера представлялась Чихачеву осуществимой только в условиях действия военного положения, когда можно провести конфискацию земель по политическим причинам. Пользуясь тем, что часть евреев-землевладельцев покинула свои имения, уйдя с австрийскими войсками, он считал необходимым “безотлагательно конфисковать возможно большее число еврейских имений, а евреев – арендаторов и управляющих с их семьями выслать из арендуемых и управляемых ими имений.

Чихачев весьма трезво смотрел на перспективы перехода униатов в православие, отмечая, что рассчитывать на поголовный переход униатов в Православие не приходится. Поэтому русская власть “должна озаботиться о выборе достойных иерархов униатской церкви. Митрополичьи и епископские кафедры должны быть замещаемы... лицами, преданными русской народности” (31).

В результате основы деятельности местной администрации в Восточной Галиции вырабатывались сразу несколькими учреждениями: Ставкой Верховного главнокомандующего, Советом министров, Министерством иностранных дел и Государственной думой в лице отдельных националистически настроенных представителей. При этом, каждое учреждение стремилось отстаивать свой приоритет и свою позицию только в какой-то отдельной, наиболее близкой ему области. Совет министров заботили экономические выгоды и место гражданских властей в системе управления новой территорией, Ставка стремилась к разработке целого комплекса мероприятий, так как военные слишком хорошо понимали из-за близости к месту событий, что второстепенных проблем в управлении Галицией нет. Но стремление Ставки далеко не всегда встречало ответную реакцию Совета министров. И это привело к тому,

что в первые месяцы оккупации части Австро-Венгрии определённый вес в разработке основных мероприятий по гражданскому управлению получили члены Государственной думы – В. А. Бобринский и чуть позднее прибывший в Галицию Д. Н. Чихачев, сторонники безоговорочной русификации края. Таким образом, имея весьма расплывчатую программу деятельности и весьма большую самостоятельность, русская гражданская администрация приступила к управлению Восточной Галицией.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Соловьёв С.* Богословские и критические очерки. Собрание статей и публичных лекций. – М., 1916. С.1.
2. //Прикарпатская Русь. 1914. 20 сентября.
3. //Церковно-общественный вестник. 1914. № 35–36. С.2.
4. //Правительственный вестник. 4 сентября. 1914.
5. //Прикарпатская Русь. 1914. 12 сентября.
6. //Правительственный вестник. 1914. 25 августа.
7. История внешней политики России. Конец XIX – начало XX в. – М., 1997. С.54
8. *Емец В.А.* Черноморские проливы и Польша в геополитических планах российской дипломатии (конец 1916 – начало 1917 гг.) //Россия в XIX–XX вв.: Сб. статей к 70-летию со дня рождения Рафаила Шоломовича Ганелина. – СПб., 1998. С.305.
9. *Емец В.А.* Очерки внешней политики России. 1914–1917. – М., 1977. С.108.
10. История внешней политики России. Конец XIX – начало XX вв. – М., 1997. С.459–460.
11. Год войны с 19 июня 1914 г. по 19 июля 1915 г. Высочайшие манифесты и воззвания Верховного главнокомандующего. – Пг., 1915. С.1.
12. Русско-польские отношения в годы первой мировой войны. – М.-Л., 1926. С.10–12.
13. АВПРИ. Ф.474. Д.57/68. Л.3.
14. РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.896. Л.30.
15. Там же.
16. Там же. Л.30 об.
17. РГВИА. Ф.2005. Оп.1. Д.13. Л.10 об.
18. РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.71. Л.11.
19. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.54. Л.14 об.
20. Там же. Л.15.
21. Там же. Л.15 об.
22. РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.71. Л.132.
23. Там же.
24. РГВИА. Ф.2005. Оп.1. Д.13. Л.3 об.
25. //Украинская жизнь. 1914. № 8–10. С.47.
26. РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.895. Л.17, 36–40.
27. РГИА. Ф.821. Оп.150. Д.35. Л.20.
28. Там же. Л.21.
29. Чихачев Дмитрий Николаевич (1867–1917) – действительный статский советник, депутат IV Государственной думы от Подольской губернии (секретарь фракции националистов).
30. //Прикарпатская Русь. 1914. 16 сентября.
31. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.159. Л.83, 89.

ГЛАВА 4

ГАЛИЦКОЕ ВРЕМЕННОЕ ВОЕННОЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО

Летом 1914 г. между русскими войсками Юго-Западного фронта и австро-венгерскими войсками начались активные боевые действия. Они получили название Галицийской операции или Галицийской битвы. Битва длилась 33 дня – с 5(18) августа по 8(21) сентября 1914 г. Это была одна из крупнейших стратегических операций Первой мировой войны. Войска Юго-Западного фронта под командованием генерал-адъютанта Н.И. Иванова должны были окружить и разгромить австро-венгерские войска и овладеть Галицией. 20 августа (2 сентября) русские войска заняли Галич, 21 августа (3 сентября) – Львов. 30 августа (12 сентября) началось общее отступление австро-венгерских армий за р. Сан. 4(17) сентября 3-я русская армия осадилa австрийскую крепость Перемышль, но из-за недостатка артиллерии сняла блокаду и отошла на восточный берег р. Сан. Истощение войск и расстройство тыла заставили русское командование прекратить преследование противника 8(21) сентября на рубеже р. Дунаец. В результате успешных военных действий русские войска вступили на территорию Австро-Венгрии, продвинулись на 280–300 км, заняли Восточную Галицию и часть австрийской Польши, создали угрозу вторжения в Венгрию и Силезию.

Успешное начало Первой мировой войны, победы русских войск на австро-венгерском фронте поставили перед гражданскими и военными властями Российской Империи задачу организации управления обширной территорией, оказавшейся в распоряжении русских властей.

Первые распоряжения, относительно организации управления занятой русскими войсками территории Австро-Венгрии были сделаны 10 августа 1914 г. командующим 8-ой армией Юго-Западного фронта генералом А.А. Брусиловым. Он приказал “для временного гражданского управления в местностях, занятых по праву войны, назначить в каж-

дом корпусе энергичного штаб-офицера для исполнения должности земского правителя в пределах корпусного района. Временное управление в тыловом районе армии организовать распоряжением начальника этапно-хозяйственного отдела штаба армии, возложив исполнение обязанностей областного и окружного земских правителей на начальников этапных участков и этапных комендантов. Все местные гражданские власти должны продолжать действовать под наблюдением вышеуказанных штаб-офицеров и комендантов” (1). Назначенные таким образом офицеры должны были, приступая к своим обязанностям, объявить “во всеобщее сведение, что религиозная, гражданская свобода, жизнь, честь и имущество мирных жителей будут обеспечены и охранены во всей их неприкосновенности, если местное население будет воздерживаться от всяких враждебных действий; суд по делам гражданским и по уголовным (не затрагивающим русских военных интересов) делам будет организован на прежних основаниях и по местным законам; существующие в крае местные учреждения должны продолжать действовать” (2).

Аналогичные распоряжения в связи со вступлением русских войск на территорию другого государства отдавали и гражданские власти Империи и, в первую очередь, Министерство иностранных дел. 11 августа 1914 г. из российского МИДа в действующую армию был отправлен наказ чиновнику Министерства Олфереву, состоящему в распоряжении генерал-адъютанта Н.И. Иванова. Министерство рекомендовало по вступлении русских войск на территорию Австрии распространять воззвания: “главные” – русским, полякам, всем народам Австрии – за подписью Верховного главнокомандующего и “остальные” – по усмотрению генерал-адъютанта Иванова. При этом подчеркивалось, что в последних не должно заключаться никаких обязательств, связывающих правительство. Особое внимание обращалось на издание особых приказов по войскам, предупреждающих о том, что население оккупированных областей, в основном, русское и поэтому необходимо особенно гуманное отношение к мирным жителям. Такое отношение к мирному населению необходимо для того, чтобы показать ему, что “оно может рассчитывать на заботливое отношение со стороны русской государственной власти...” (3).

Вопрос об управлении оккупированными территориями регулировался также ст. 11 Положения о полевом управлении войск в военное время, в котором предусматривалась организация гражданского управления на оккупированной территории, создание для этого особых учреждений и формирование военного генерал-губернаторства. В статье 11 Положения говорилось, что “занятые области противника или присоединяются к ближайшим военным округам, или же, по мере надобности,

из этих областей образуются самостоятельные военные генерал-губернаторства. Для управления в гражданском отношении занятыми по праву войны областями неприятеля формируются особые учреждения” (4). Круг ведения, обязанности и права управления военного генерал-губернаторства Положением приравнивались к правам и обязанностям военно-окружных управлений на театре военных действий. Функции военно-окружных управлений были весьма широкими, а именно: своевременная заготовка всех предметов снабжения для удовлетворения потребностей армий фронта, общее руководство управлением гражданской жизнью, вопросы эвакуации раненых и больных, заведование всеми военными учреждениями и заведениями, расположенными в округе и др. Положение предполагало, что аналогичные функции будут возложены на управления военных генерал-губернаторств. При этом положение детально не оговаривало вопроса о подчинённости военных генерал-губернаторств. Лишь в ст. 14 говорилось о том, что “все местности и всё гражданское управление театра военных действий... подчиняются главным начальникам соответствующих военных округов или военным генерал-губернаторам” (5). Эта статья подчиняла гражданские власти на театре военных действий военным и фактически выводила эти территории из сферы влияния общеимперского правительства в лице Совета министров, а равно и отдельных ведомств и способствовала установлению чрезвычайных полномочий военных властей относительно гражданского населения. Недостатки Положения были очевидны. Непроработанность отдельных статей не замедлила сказаться уже в начале войны. Особенно важно было то обстоятельство, что Положение о полевом управлении войск в военное время, по сути, не предусматривало создания какого-либо механизма, обеспечивающего согласованную деятельность высших военных и гражданских властей, – Ставки Верховного главнокомандующего и Совета министров. Летом 1915 г. члены Совета министров отмечали, что Положение совершенно не касалось вопроса о характере взаимоотношений между высшими военными и правительственными властями. По их мнению, в этом документе ни разу не были упомянуты ни Совет министров, ни председатель Совета министров, а также отсутствовали указания о “порядке разрешения на подчинённой Верховному главнокомандующему территории вопросов общегосударственного и общеполитического значения” (6). В результате, отмечали члены Совета министров, не проработанность этих вопросов привела к тому, что государство в начале войны оказалось как бы разделённым на две отдельные части – театр военных действий и глубокий тыл внутри страны, самостоятельно управляемые и не объединённые одной властью” (7).

Положение о полевом управлении войск в военное время, по свидетельству главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина, “составлялось в предположении, что Верховным главнокомандующим будут сам император” (8). В связи с этим перед его авторами, по-видимому, не стоял вопрос о единстве работы фронта и тыла, о координации действий Ставки и Совета министров. Однако Верховным главнокомандующим был назначен дядя императора – великий князь Николай Николаевич. Отъезжая на фронт, он высказал главе правительства И. Л. Горемыкину “пожелание об установлении тесного взаимодействия между Верховным главнокомандующим и высшим гражданским управлением империей в лице Совета министров” (9). По мнению историка М. Ф. Флоринского, подробно исследовавшего взаимоотношения Ставки и правительства, обе стороны по-разному понимали такое “взаимодействие”. В правительственных кругах стремились влиять на управление военной администрации на театре военных действия. Совет министров рассчитывал иметь в Ставке своего представителя по статусу не ниже начальника штаба. Однако попытки штатских министров влиять на деятельность Ставки вызвали негативную реакцию со стороны высших военных кругов. Горемыкину пришлось отступить.

Перечисленные обстоятельства привели к тому, что после занятия русскими войсками Восточной Галиции общие формулировки положения (об образовании военных генерал-губернаторств на оккупированных территориях) потребовали конкретизации. И 14 августа 1914 г. генерал-лейтенанту, графу Г. А. Бобринскому (10), вскоре назначенному на пост военного генерал-губернатора областей Австро-Венгрии, занятых по праву войны, было поручено совместно с главным начальником снабжения армий фронта генералом Забелиным разработать “Положение об управлении неприятельскими областями” и штаты учреждений будущего генерал-губернаторства, которые были утверждены Верховным главнокомандующим 19 августа 1914 г. Положение было разработано очень быстро и, по сути, в конкретных формулировках практически воспроизводило упоминавшийся выше брусилловский приказ от 10 августа.

Согласно “Временному положению об управлении областями Австро-Венгрии, занятыми по праву войны” для управления указанными территориями учреждались особые должности гражданского управления: военного генерал-губернатора, губернаторов, градоначальников и начальников уездов. Основной целью их деятельности объявлялось “содействие всеми предоставленными в их распоряжение средствами к удовлетворению крайних потребностей армии и в облегчении сношений между войсками и местным населением” (11). Исходя из этих задач –

создание промежуточного связующего звена между армией и прифронтовой территорией – определялась и подчинённость новых структур. Военный генерал-губернатор был непосредственно подчинён главному начальнику снабжения генералу Забелину. Таким образом, вступив на территорию Австро-Венгрии, в августе 1914 г. военные власти к существовавшей системе управления тылом русской армии сформировали своеобразный “придаток”, чтобы “разгрузить” военных и обеспечить большую стабильность в тылу наступающей армии.

Изданием Положения 19 августа 1914 г. организационные вопросы не были исчерпаны. Связано это было, во-первых, с тем, что в управлении Галицией столкнулись административные интересы военных и гражданских властей, каждая из которых стремилась сохранить за собой максимум полномочий в управлении оккупированной территорией. Во-вторых, продолжающееся наступление русских войск заставляло надеяться на захват Западной Галиции, заселённой по преимуществу поляками. Подход к управлению этой территорией должен был быть иным. Этого не отрицали ни военные, ни гражданские чиновники. Поэтому организация управления Галицией должна была в идеале учитывать особенности двух её частей. В начале сентября 1914 г. в Министерстве иностранных дел был составлен проект учреждения в Галиции должности особого доверенного помощника Верховного главнокомандующего – императорского российского полномочного комиссара. Полномочный комиссар должен был объединить под своей властью управление двумя частями Галиции за счёт подчинения ему генерал-губернаторов на указанной территории. С другой стороны, комиссар должен был стать во главе гражданского управления оккупированными территориями. Предполагалось также, что пост полномочного комиссара в Галиции займёт тогдашний вице-председатель Государственного совета С.С. Манухин (12). Проект был представлен Николаю II 6 сентября 1914 г., который идею, в принципе, одобрил, предложив обсудить вопрос в Совете министров. Не вызвала одобрения императора лишь кандидатура Манухина. По этому поводу император заметил, что “он (т.е. Манухин – А.Б.) в полгода испортил судебное ведомство в 1905 г.” (13).

Вопрос об организации гражданского управления на оккупированной русскими войсками части Австро-Венгрии в сентябре 1914 г. дважды обсуждался в Совете министров – 10 и 16 сентября 1914 г. 10 сентября Совету министров был представлен отредактированный вариант записки по управлению Галицией, которую предварительно просматривал император. С учётом разнообразия областей и народностей Австро-Венгрии в записке предлагалось Восточную и Западную Галицию рассматривать как две различные области. В связи с этим

в документе подчёркивалось, что необходимо теперь же создание двух разных генерал-губернаторств, которые можно подчинить комиссару. И “таким образом достигнуто будет столь желательное проведение единого руководящего взгляда во всех мероприятиях” (14). 10 сентября, на первом заседании в Совете министров по управлению Галицией, в проект Министерства иностранных дел были внесены коррективы. Участники заседания не одобрили название проектируемой должности – комиссар. И 12 сентября 1914 г. за подписью министра иностранных дел С.Д. Сазонова появилась записка “Об учреждении должности Начальника гражданского управления” в Галиции. От первого варианта она практически не отличалась. На заседании Совета министров 16 сентября по инициативе министра иностранных дел С.Д. Сазонова был снова рассмотрен вопрос об объединении гражданского управления в занятых русскими войсками неприятельских областях. Сазонов, выступая по этому вопросу, отметил, что Положение, утвержденное Верховным главнокомандующим, не исчерпывает всех проблем, которые намечаются уже сейчас, когда речь заходит об управлении оккупированными областями. На очереди стоит вопрос о проведении в этих областях целой серии мероприятий по административному устройству края. Откладывать решение этих вопросов до окончания войны “было бы крайне нежелательно с политической точки зрения в виду тех ожиданий и надежд, которыми сопровождается в местном населении вступление наших войск в славянские земли” (15). В связи с этим Сазонов предложил создать в крае систему гражданского управления для решения глобальных политических вопросов, а “другим властям” оставить решение текущих проблем. Поднятый министром иностранных дел вопрос был чрезвычайно важен.

Во-первых, Сазонов до определённой степени лукавил, говоря, что скорейшее решение вопросов организации русского управления в крае необходимо, прежде всего, для местного населения. Перед Сазоновым в этом плане стояла совершенно другая задача – введение русской государственной власти, максимальное слияние галицийских территорий с Российской Империей до окончания войны, т.е. до того как вопрос о Галиции будет решаться на международном уровне. Министр иностранных дел спешил решить вопрос о присоединении Восточной Галиции к русским губерниям империи, а Западной Галиции к Царству Польскому до того, как в решение проблемы смогут вмешаться союзники.

Во-вторых, по сути, Сазонов затронул вопрос о соотношении компетенции гражданских и военных властей в Российской Империи и роли Совета министров в управлении оккупированными территориями.

Ещё в начале августа 1914 г. члены Совета министров обратили внимание на эту проблему и в распоряжение начальника штаба Верховного главнокомандующего командировали помощника статс-секретаря Государственного совета князя Н.Л. Оболенского. Правда, командировали Оболенского “в целях установления тесного взаимодействия между Верховным главнокомандующими и Советом министров” без каких-либо конкретных функций, оставив решение всех вопросов начальнику штаба. Но с вступлением русских войск в Галицию ситуация изменилась, так как появился вполне реальный объект управления – новая территория, и Совет министров попытался закрепить там свои позиции. В результате 16 сентября 1914 г. он постановил в дополнение к Положению о полевом управлении войск в военное время от 16 июля 1914 г. учредить при Верховном главнокомандующем должность заведующего гражданскими делами в занятых по праву войны областях. Определение задач нового должностного лица Совет министров на себя не взял, отнеся это к компетенции Верховного главнокомандующего, но несколько позднее предложил подчинить начальнику гражданского управления должностных лиц, действовавших на основании Положения 19 августа 1914 г. (16). Предложение членов Совета министров не встретило одобрения великого князя Николая Николаевича. Но 3 октября 1914 г. приказом Верховного главнокомандующего в Ставке была создана Канцелярия по гражданскому управлению (17). Никаких реальных полномочий ни у канцелярии, ни у её начальника князя Оболенского не было. Верховный главнокомандующий, по сути, узаконил положение чиновника, командированного Советом министров. Примечательно, что произошло это накануне высочайшего утверждения журнала Совета министров от 16 сентября 1914 г.: 4 октября император поддержал предложение Совета министров о создании особой системы гражданского управления оккупированными территориями. Но приказом 3 октября великий князь Николай Николаевич предвосхитил высочайшую волю, с одной стороны, и настоял на своём, создав желанное для Совета министров учреждение без каких-либо реальных полномочий.

Создание канцелярии по гражданскому управлению вызвало неуёмный энтузиазм у ставшего её начальником Оболенского. В своём докладе 8 октября он писал, что “этой мерою восполнен пробел” в организации системы управления. Оболенский предполагал, что ему удастся сосредоточить в канцелярии разработку вопросов, “выходящих за пределы компетенции местной власти, проведение мероприятий общегосударственного характера, исключительное право сношений с министрами и главноуправляющими по вопросам управления оккупированными территориями” (18). Но его надежды на расширение полномочий и зна-

чения канцелярии оказались тщетными. О том, насколько мало значения придавали в Ставке этому учреждению, свидетельствует уже то обстоятельство, что Оболенский регулярно был вынужден обращаться в комендантское управление при Штабе Верховного главнокомандующего с просьбами о выделении дров для отопления помещения канцелярии, подчеркивая, что с момента создания это помещение отапливалось за его личный счёт (19).

Параллельно с обсуждением вопроса о единой системе гражданского управления в Галиции по инициативе Штаба Верховного главнокомандующего шло утверждение созданной Положением 19 августа 1914 г. организационной схемы. Схема управления оккупированной частью Австро-Венгрии, разработанная в Штабе Верховного главнокомандующего, была представлена в МИДе и председателю Совета министров И. Л. Горемыкину. 26 сентября 1914 г. вице-директор дипломатической канцелярии российского МИДа телеграфировал генералу Н. Н. Янушкевичу, что И. Л. Горемыкин и С. Д. Сазонов согласны с тем, чтобы военный генерал-губернатор Галиции был подчинён непосредственно начальнику Штаба Верховного главнокомандующего и через него сносился с Советом министров. Таким образом, при образовании военного генерал-губернаторства на территории Галиции было предусмотрено создание системы двойного подчинения: Штабу Верховного главнокомандующего, с одной стороны, и Совету министров, с другой. Согласие Сазонова было обусловлено, в первую очередь, нежеланием Верховного главнокомандующего принять предложения Совета министров 16 сентября 1914 г. В результате, несмотря на многочисленные согласования и попытки Совета министров контролировать систему гражданского управления Восточной Галицией, на оккупированных территориях продолжала действовать схема, заложенная во Временном положении 19 августа 1914 г., согласно которой администрация Галиции находилась в подчинении главнокомандующего Юго-Западного фронта.

Приказом Верховного главнокомандующего от 29 августа 1914 г. в Галиции было образовано временное военное генерал-губернаторство. Его территорию составил театр военных действий, расположенный в Австро-Венгрии. Генерал-губернаторство делилось на губернаторства.

Правда, разработанная система губернских учреждений для Галиции осенью 1914 г. отсутствовала. В Положении 19 августа 1914 г. не были определены порядок образования губерний, компетенция губернаторов и т. д. Во главе губернии, согласно положению, стоял губернатор со штатом чиновников, который осуществлял только функции контроля над деятельностью уездной администрации, так как первоначально, и это

было закреплено в Положении, не исключалась возможность сохранения местных общественных и административных учреждений при условии их подчинения русским властям. Губернии, расположенные на оккупированных русскими войсками территориях Галиции и Буковины, делились на уезды. Границы уездов совпадали с границами бывших австрийских поветов. Образование губерний и уездов на территории Галиции было теснейшим образом связано с ходом военных действий. Осенью 1914 г. были образованы Львовская и Тарнопольская губернии, после оккупации части Буковины – Черновицкая губерния, губернатором которой стал камер-юнкер С.Д. Евреинов (20). Черновицкая губерния существовала до 7 октября 1914 г., затем была эвакуирована, а 15 ноября, после вторичного вступления русских войск на территорию Буковины, восстановлена и просуществовала до 1 февраля 1915 г. К ноябрю 1914 г. русские войска заняли значительную территорию западнее Львова. В апреле 1915 г. на этих территориях была образована Перемышльская губерния, которую также возглавил С.Д. Евреинов (21).

Жизнь почти сразу внесла свои коррективы в проектируемую схему управления Галицией. Во-первых, большинство должностных лиц, австрийских чиновников покинули свои места в связи с наступлением русских войск. Во-вторых, у русских властей сразу же возникло недоверие к оставшимся в крае должностным лицам. Политическая обстановка была признана сложной, требующей постоянного контроля. Уже в середине августа командующий армией генерал-адъютант фон Ренненкампф отправил телеграмму в Министерство внутренних дел, в которой просил командировать в Восточную Галицию и Восточную Пруссию несколько человек в качестве начальников занимаемых местностей: восемь исправников и значительное количество стражников с урядниками (22). 25 августа 1914 г. Тарнопольский губернатор Чарторижский, объявил, что в губернии “для восстановления порядка и спокойствия вводится русское гражданское управление” (23). Таким образом, гражданское управление губерниями в Галиции, независимо от принципов, заложенных в Положении 19 августа, стало формироваться по схеме, принятой в Российской Империи.

Военное управление было сосредоточено в штабе временного военного генерал-губернатора и управлениях: интендантском, по квартирному довольствию войск, военно-санитарном, военно-ветеринарном, военно-окружного контролера и комендантских. Функции гражданского управления были сосредоточены в канцелярии военного генерал-губернатора, а непосредственными исполнителями этих функций должны были стать губернаторы, градоначальник Львова и начальники уездов. В результате вопросы управления Восточной Галицией, которые в мо-

мент вступления туда русских войск решались на уровне Штаба Верховного главнокомандующего, были переданы на более низкий уровень и положение русской администрации стало более самостоятельным, а точнее, как выяснилось впоследствии, более бесконтрольным.

Хотя при создании военного генерал-губернаторства предполагалось, что произойдет своеобразная “разгрузка” военного ведомства от управления территорией Галиции, включая и задачи по управлению военными частями, расположенными на этой территории. На практике управление военными гарнизонами оказалось не только в руках военного генерал-губернатора, но и руководства Львовского укрепленного района, военно-эксплуатационного отдела (охрана железных дорог). Военные управления находились в двойном подчинении: военному генерал-губернатору и отделам управлений главного начальника снабжения армий Юго-Западного фронта. Гражданское судопроизводство было выведено из подчинения военному генерал-губернатору, так как наблюдающий за совершением правосудия в местных судах подчинялся непосредственно Верховному главнокомандующему.

Такого рода несогласованность и изначально заложенное отсутствие единства в управлении завоеванными областями Австро-Венгрии вызвало опасения у ряда крупных российских чиновников. В частности, министр путей сообщения С.В. Рухлов считал, что необходимо изъять из круга ведения различных учреждений вопросы управления оккупированными областями и сосредоточить их в едином органе, поскольку отсутствие единства в управлении частями Галиции и Буковины пагубно не только с организационной, но и политической точки зрения, так как “представители различных интересов и народностей зачастую стремятся заручиться содействием того или другого ведомства своим видам” (24). Да и сами чиновники генерал-губернаторства в 1915 г. характеризовали сложившуюся в Галиции систему управления как безначалие (25)

После создания на занятых территориях Австро-Венгрии военного генерал-губернаторства и нескольких губернаторств в августе–сентябре 1914 г. началось формирование организационной схемы управления Галицией. Военное управление осталось, по сути, в руках военных, а гражданское – в ведении военного генерал-губернатора и губернаторов. Иными словами, на практике частично возникла та система, на введении которой в августе – сентябре 1914 г. пытался настаивать Совет министров, стремясь выделить особо гражданское управление. Это, собственно, и произошло. Но при этом гражданское управление Восточной Галицией осталось в подчинении военных властей, которые по мере продвижения войск на Запад всё меньше контролировали гражданскую

жизнь края, оставляя большинство текущих вопросов в компетенции местной администрации.

В такой ситуации усиление местной администрации и особенно полиции становилось насущной проблемой. В уже упоминавшемся письме чиновника МИД а Олферева отмечалось, что русской администрации предстоит колоссальная работа. При этом невооруженным взглядом видна “недостаточность тех сил и средств, с которыми мы к ней приступаем... Россия представлена в завоёванном крае, где уже нет русских войск, исключительно несколькими десятками заурядных полицейских чиновников, командированных сюда из разных захолустных углов. Чиновники эти далеко не лучшего качества” (26).

Назначение на посты австрийских чиновников представителей русской администрации, как на губернском, так и уездном уровнях, началось практически сразу же после образования генерал-губернаторства. Основная масса чиновников была командирована с территории Киевской, Подольской и Волынской губерний.

Несмотря на высочайшее указание о необходимости строгого отбора посылаемых в Галицию и Буковину русских чиновников (27), приглашённые на службу в Галицию лица из числа полицейских чинов “ни по образованию своему, ни по общему развитию не годились для той роли проводников русских государственных начал, которая им была назначена” (28). Чрезвычайно низким был образовательный уровень местной администрации: с высшим образованием – никого, со средним – 6 человек, все остальные – с начальным (29). Напомним, что среди австрийской местной администрации преобладали лица с высшим образованием. В 1914 г. на должности начальников уездов попали лица, совершенно незнакомые с Галицией, в лучших случаях исправники и их помощники, и нередко полицейские приставы.

Возрастной состав чиновников был различен. Самому старому представителю местной администрации было 70 лет (30). Переход на службу в галицкое генерал-губернаторство осуществлялся путём назначений по различным ведомствам и должностными лицами. Так, должностные лица в генерал-губернаторстве назначались Верховным главнокомандующим – 1 чел., главнокомандующим армиями юго-западного фронта – 40 чел., губернаторами – 29 чел., МВД – 138 чел., товарищем министра внутренних дел – 3 чел., генерал-губернатором Галиции – 144 чел. (31).

Как отмечалось позднее в служебной переписке, личный состав русской администрации в Галиции во многом способствовал недовольству местного населения русской властью. Из России направлялись “отбросы полиции”. Кроме того, “негодные чиновники не только при-

сылались из России, но таковых выписывали власть имущие в Галиции” (32), так как перед ними открывалась возможность быстрого служебного роста.

Задачи русской администрации в Галиции в 1914 г. оказались гораздо сложнее задач местного управления в мирное время. Но при этом, количество русских полицейских чинов было явно недостаточным. Для сравнения можно привести следующие цифры: в мирное время в Львовском уезде служило от 80 до 90 жандармов. Новый русский губернатор на территории, объединявшей в среднем 15 уездов, имел в своём подчинении 29 человек. В результате новые русские начальники уездов (даже независимо от образования, умения, знания языка и т.д.) с ничтожным штатом служащих, преимущественно канцеляристов, не имея ни соответствующего объема полномочий, ни денежных средств, оказывались в ситуации, когда вообще какое бы то ни было реальное управление вверенной территорией становилось невозможным. Чиновник Министерства иностранных дел, командированный в Галицию осенью 1914 г., писал, что “получается впечатление какой-то беспомощности и бессилия. Это не может не отозваться на столь необходимом для нас именно теперь доверии населения к своему начальству” (33).

Интенсивная замена местных чиновников русскими на территории Галиции вызвала недовольство местной интеллигенции русской ориентации. Поддерживавшая возможный переход Галиции в состав Российской Империи, она рассчитывала на получение важных административных постов в крае, которые на деле оказались практически целиком заняты русскими. Отметим, что замена местной администрации на территории галицкого генерал-губернаторства должна была способствовать решению двух задач: во-первых, целенаправленному проведению государственной политики, отвечающей русским интересам; во-вторых, предотвращению межнациональных конфликтов между галицийскими русскими, поляками и евреями за счёт появления посредника в лице русской администрации. Но решить эту задачу фактически не удалось.

Злоупотреблениями чиновников среднего и низшего звена администрации галицкого военного генерал-губернаторства зимой–весной 1916 г. занимался киевский военно-окружной суд. Им было рассмотрено несколько дел. Когда слушалось дело бывшего чиновника канцелярии львовского градоначальства Антона Костюкевича, обвинявшегося в похищении во Львове вещей, принадлежавших австрийским подданным, в обвинительном заключении указывалось, что “наказание Костюкевичу понижается вследствие его чистосердечного признания, а также потому, что, совершая преступление, он был увлечён примером лиц, имевших над ним власть” (34).

Большинство рассмотренных дел было делами о взятках и вымогательстве. Например, околоточный Карпенко из Станиславова обвинялся киевским военно-окружным судом в том, что вымогал у населения взятки под угрозой ареста и ссылки в Сибирь, захватывал имущество. Особенно страдало от околоточного еврейское население. Однажды в субботу Карпенко явился в синагогу и объявил всех молившихся арестованными. Ему тут же вручили мзду, и арест был отменён. Помощник прокурора на суде оценил действия Карпенко как сугубое преступление, поскольку последний представлял собой русскую власть. Околоточный Карпенко был приговорён к каторжным работам на 6 лет (35).

Помимо преступлений в отношении отдельных лиц в киевском военно-окружном суде летом 1916 г. рассматривались дела о разгроме крупных помещичьих имений. Так, 27–28 июня 1916 г. там слушалось дело о разгроме имения графа Голуховского в Галиции. Виновные были преданы суду (36).

Кадровая проблема в Восточной Галиции оказалась одной из наиболее сложных. Ситуация усугублялась также и войной. В военных условиях очень трудно было найти людей для работы в Галиции, так как и во внутренних губерниях России ощущался недостаток полицейских чинов. Именно поэтому, в первую очередь, столь низким оказался уровень новой администрации.

Активная замена местной администрации на территории Галиции проводилась практически на всех уровнях. Исключение составили судебные учреждения.

Организация гражданского управления в Галиции в 1914 г. включала, помимо создания там русской исполнительной власти, организацию судебных учреждений. На территории Галиции до вступления на её территорию русских функционировала австрийская судебная система. Осенью 1914 г. на занятой русскими войсками территории продолжали действовать австрийские суды.

Австрийская судебная система (37), начиная с преобразований, предпринятых императором Иосифом II, строилась на последовательном соблюдении принципа отделения суда от администрации.

Во главе судебной системы находился высший и кассационный суд, представляющий собою высшую инстанцию как для гражданских и уголовных дел, так и для отнесённых к его компетенции дисциплинарных дел (38).

Следующую ступень судебного устройства образовывали суды второй инстанции, по числу которых всё государство разделялось на 9 судебных округов, обыкновенно совпадающих с пределами отдельных

областей. Только в Галиции было два суда второй инстанции: один во Львове – для восточной Галиции и Буковины, другой в Кракове – для западной Галиции (39).

Краевые суды занимались гражданскими делами, цена иска по которым была свыше 1000 крон (около 400 руб.), а также являлись апелляционной инстанцией, рассматривая жалобы на решения окружных судов. По уголовным делам краевые суды должны были участвовать в предварительном следствии, рассматривать дела об уголовных преступлениях с участием или без участия присяжных заседателей.

Низшую ступень судебной системы в Австрии представляли окружные (единоличные) суды. Они образовывались из одного или нескольких судей по назначению министра юстиции, при этом каждый из судей действовал единолично (40).

С вступлением русских войск на территорию Австро-Венгрии австрийские судебные чиновники в большинстве своем остались на своих местах. 4 ноября 1914 г. председатель Львовского краевого суда опубликовал специальный циркуляр для австрийских судебных чинов. Согласно циркуляру, им предлагалось с полным штатом служащих оставаться на местах и “даже после захвата неприятелем территории отправлять свои обязанности... согласно австрийским законам от имени его величества императора” (41). Правда, далее следовала оговорка о том, что, если последует запрет на упоминание имени австрийского императора, то с этим следует согласиться, но “следует решительно отклонить отправление правосудия от имени чужой военной власти” (42) и в таком случае прекратить деятельность судов. Такое решение вопроса первоначально вполне устроило русскую гражданскую администрацию. После вступления русских войск на галицкую территорию было не только признано возможным существование австрийских судов, но австрийским судебным чиновникам прямо предложили не прекращать своей деятельности. В сентябре 1914 г. военный генерал-губернатор Г.А. Бобринский принял депутацию президиума Львовской судебной палаты. Он предложил представителям львовского суда продолжать свою работу и пообещал решить вопрос о выплате жалования судебным чинам (43). Сохранение австрийского законодательства, чинов судебного ведомства и выплата последним жалования за счёт русской казны – вот основные принципы подхода к организации судебной системы, провозглашенные генерал-губернатором Бобринским в 1914 г. Эти принципы легли в основу деятельности судебной системы в Восточной Галиции в 1914 г. В октябре 1914 г. проблема сохранения австрийских судебных учреждений привлекла к себе внимание Ставки, МИДа и Министерства юстиции. Стабилизация военной обстановки

и курс на скорейшее включение Галиции в состав Российской Империи заставили обратить внимание на сам факт функционирования на “русской” (как тогда казалось) территории австрийских чинов, считавших себя исполнителями австрийских законов и воли австрийского императора.

Министр иностранных дел С. Д. Сазонов 25 октября 1914 г. обратился к министру юстиции И. Г. Щегловитову с письмом об устройстве суда в Галиции. Сазонов выдвинул ряд предложений по организации судебной системы Галиции, основываясь на том, что Галиция – “исконно русская область”. Именно поэтому Сазонову представлялось важным “дарование населению вместе с русским административным устройством и справедливого русского суда” (44). Правда, при этом, Сазонов делал оговорку, что “следовало бы для первого времени избегать слишком коренной ломки судебных установлений, к которым привыкли галичане” (45). Сазонов предлагал сохранить высшую судебную инстанцию в Галиции – Высший суд, но при этом считал необходимым начать постепенную замену австрийских судебных чиновников людьми, знающими местное законодательство и преданными русской государственной идее. Возможной кандидатурой на пост председателя Высшего суда министр иностранных дел видел лидера “русофильского” движения в Восточной Галиции В. Ф. Дудыкевича. Следует заметить, что предложение Сазонова назначить Дудыкевича главой судебного ведомства основывалось не столько на желании “даровать галичанам справедливый русский суд”, как писал он в письме Щегловитову, сколько на стремлении ограничить политическую активность местной интеллигенции. С Дудыкевичем вёл переговоры чиновник дипломатической канцелярии МИД а при Ставке Верховного главнокомандующего Олферев. О результатах Олферев сообщал в письме к М. Ф. Шиллингу, который тогда одновременно занимал в МИД е пост советника первого Политического отдела и директора Канцелярии министра, от 7 ноября 1914 г. Он писал, что после намёков Дудыкевичу о возможности назначения его на пост председателя Высшего суда, у него сложилось впечатление, что “Дудыкевич совсем не прочь быть генералом, но всё же опасается высказаться определённо, так как боится расстаться со своим независимым положением общественного деятеля, променяв его на пост, пусть высшего, но государственного чиновника. И, может быть, предчувствует, – писал Олферев, – что русские власти намереваются локализовать его деятельность” (46).

План Министерства иностранных дел, долженствующий убить сразу двух зайцев – начать преобразование австрийских судов и ослабить политическую деятельность Дудыкевича – не был поддержан ми-

нистром юстиции И.Г. Щегловитовым. На предложения Сазонова он ответил, что до присоединения Галиции к Российской Империи преждевременны какие-либо преобразования судебной системы уже потому, что вмешательство русской власти в деятельность австрийских судов может вызвать недовольство местного населения. По поводу кандидатуры Дудыкевича Щегловитов просто промолчал. Упомянул лишь о том, что не знает его лично (47). Правда, несколько позднее, по поводу кандидатуры Дудыкевича Щегловитов высказался более откровенно, заметив, что по соображениям принципиального и делового характера меньше всего хотел бы видеть во главе высшего суда в Галиции представителя адвокатуры и местного политического деятеля.

На этом попытки преобразования австрийской судебной системы в Галиции не кончились. Существование на оккупированной русскими войсками территории австрийского суда, хотя полностью соответствовало действовавшим нормам международного права и решениям мирной конференции в Гааге, не давало покоя русской военной и гражданской администрации. Кампанию за преобразование австрийских судов в Галиции в конце октября 1914 г. начал начальник Штаба Верховного главнокомандующего Н.Н. Янушкевич. 29 октября 1914 г. он представил председателю Совета министров И.Л. Горемыкину записку о проблемах, связанных с сохранением австрийских судебных учреждений в Галиции. По мнению Янушкевича, сохранение австрийских судов создало ряд весьма тревожных для русской государственной власти ситуаций. Во-первых, среди судейских чинов преобладают лица еврейской, немецкой и венгерской национальностей, которые неприязненно настроены по отношению к России. Во-вторых, судопроизводство ведётся на языках, признанных австрийским законодательством – польском, немецком и местных наречиях (для сношений с просителями). В-третьих, количество австрийских судебных чиновников чрезвычайно велико. Поскольку русское правительство намерено выплачивать им жалование, российской казне предстоит весьма крупный расход – 47 тысяч рублей ежемесячно. В связи с этим Янушкевич писал Горемыкину, что прежде чем материально поддерживать австрийских чиновников, “необходимо увериться в том, что оплачиваемые русскими деньгами судебные чины, если не преданы нашей государственности, то во всяком случае не являются носителями враждебных ей идей” (48). Необходимость реорганизации судебных учреждений, по мнению Янушкевича, обуславливалась необходимостью обеспечить русскому языку в жизни края “подобающее положение”. Позицию Янушкевича в вопросе о галицийских судах полностью разделял великий князь Николай Николаевич, считавший, что в качестве первого шага в преобразовании

австрийского судебного ведомства в Восточной Галиции необходимо установить там русский прокурорский надзор (49).

Записка Янушкевича была передана И. Г. Щегловитову, который вновь высказался за необходимость воздержаться от реформирования суда до окончательного присоединения к Российской Империи Восточной Галиции и Буковины. Щегловитов уступил лишь в одном: он согласился с необходимостью отправки в Галицию русского представителя прокурорского надзора (50). В качестве возможной кандидатуры он назвал прокурора Варшавской судебной палаты действительного статского советника Гессе. Активизация деятельности русской администрации в Галиции к зиме 1914–1915 гг. привела к тому, что снова был поставлен вопрос о суде. Из Ставки от Щегловитова требовали конкретной программы организации галицийских судов. Высококвалифицированный юрист, каким был тогдашний министр юстиции, смотрел на проблемы, связанные с судебной системой Галиции совсем не так, как видели этот вопрос в Ставке или в окружении генерал-губернатора Бобринского. Там наличие австрийского суда в Восточной Галиции и его преобразование представлялись проблемой сугубо политического порядка. Ставку беспокоила лояльность австрийских чиновников, достоинство русского языка и т.д. Щегловитов же больше волновало то, что, реформируя галицийские суды, нужно будет многое изменить, ввести новый порядок судопроизводства. И, главное, что, по мнению Щегловитова, представляло задачу колоссальной сложности – придётся затронуть законодательство. Сложность задачи определялась уже тем обстоятельством, что между русским и австрийским уголовным и гражданским кодексами имелись весьма существенные различия.

Для обсуждения вопросов по переустройству судов в Галиции было образовано межведомственное совещание под председательством товарища министра внутренних дел И. М. Золотарева. Параллельно в Галицию была командирована группа чиновников судебного ведомства для ознакомления с ситуацией на месте (51). Но темпы Министерства юстиции не устраивали Ставку. Поэтому 27 января 1915 г. Янушкевич обратился непосредственно к Щегловитову с программой неотложных мероприятий по преобразованию судов в Галиции. Янушкевич предлагал:

- организовать надзор за деятельностью австрийских судов в Галиции;
- устранить из судебных учреждений лиц, враждебно относящихся к русской государственной власти;
- по мере возможности, чтобы сократить расходы казны, уменьшить чрезмерное число судебных чинов в Галиции;

- обеспечить русскому языку “подобавшее положение”, т.е. ввести его в деятельность судебных учреждений наряду с другими местными языками (52).

Галицкая администрация и начальник Штаба Верховного главнокомандующего отмечали, что судебная система в Восточной Галиции должна строиться и функционировать на тех же принципах, что и другие сферы жизни – господство русского языка и введение русских законов. Но, оценивая реальную ситуацию, Н.Н. Янушкевич в письме к И.Л. Горемыкину осенью 1914 г. отмечал, что в Галиции сохранились и действуют австрийские судебные учреждения, где идет судопроизводство на польском языке по австрийским государственным законам, и русифицировать их не представляется возможным. Поэтому Янушкевич просил Совет министров организовать контроль над деятельностью австрийских судов по типу прокурорского надзора, из числа российских чиновников, служащих по Министерству юстиции.

Решение, урегулировавшее отношения русских властей в Галиции и австрийских судебных учреждений было предложено министром юстиции И.Г. Щегловитовым. Он исходил из того, что решение вопроса о введении в Галиции русских судебных установлений должно основываться на принципах международного права, согласно которым “заяятие войсками неприятельской территории имеет своим последствием только временную замену правомерно существовавшей государственной власти..., до тех пор, пока окончательное приобретение завоеванной территории не закреплено международным соглашением” (53). Отметим, что Щегловитов был одним из немногих государственных чиновников, кто первым заговорил о соблюдении в Галиции норм международного права и необходимости международного соглашения по этому поводу, не видя в факте вступления русских войск на австро-венгерскую территорию оснований для введения там русской государственно-правовой системы. Щегловитов предложил придерживаться в судостроительстве и судопроизводстве Галиции следующих принципов (при сохранении австрийских судебных учреждений):

- “выносить судебные решения не от имени австрийской верховной власти, а «во имя закона»;
- заменять чинов судебного ведомства в Галиции лицами, преданными идее объединения местных славян под русским владычеством;
- предоставить русскому языку в судах права, равные с польским” (54), и сократить штаты судебных учреждений.

При этом, Щегловитов снова высказался против отправки в Галицию представителей российской прокуратуры. Он считал, что при

продолжающемся действии австрийских законов русские чиновники, не зная австрийского законодательства, оказались бы там в ложном положении и были бы практически бесполезны.

Позднее решение русских властей о сохранении в Восточной Галиции австрийской судебной системы было прокомментировано генерал-губернатором Бобринским в интервью корреспонденту газеты “День” в апреле 1915 г. следующим образом: “Я поставил себе в качестве военного генерал-губернатора в Галиции задачи всякого рода: в мою обязанность входит обеспечение наших войск в пределах вверенного мне генерал-губернаторства... и, кроме того, я должен сохранить в крае спокойствие и порядок. Руководствуясь этими соображениями, я поставил своей задачей сохранение в крае тех австрийских установлений, которые могут продолжать свою деятельность без ущерба для наших интересов” (55).

Предложения Щегловитова были приняты Горемыкиным и Янушевичем, одобрены великим князем Николаем Николаевичем. Но замечания вызвал вопрос о языке. Щегловитову было указано, что под русским языком в Галиции подразумевается вовсе не русский, а “русинский”, т.е. “тот искусственный жаргон, который создан австрийским правительством” (56) и поэтому вопрос о языке в судебных учреждениях нужно решать более радикально, в духе задач русской государственности.

В феврале 1915 г. был издан проект обязательного постановления для местных судебных установлений занятых русскими войсками частей Галиции, а 24 февраля 1915 г. – окончательный вариант постановления (57). Согласно этому документу высший контроль по наблюдению за работой судебной системы в Галиции возлагался на особое должностное лицо. Признавалась правомочность действия австрийского законодательства и принципов судопроизводства, правда, при этом, указывалось, что решения должны выноситься не от имени австрийской верховной власти, а “во имя закона”. Постановлением был определён новый порядок судопроизводства с учётом того, что высший кассационный суд в Вене и австрийское Министерство юстиции исключались из числа инстанций, чья компетенция распространялась на судебные учреждения Галиции. Судебным языком признавался русский и “местные его поднаречия”. “Поднаречиями” были названы гуцульское и лемковское наречия, которые признавались менее враждебными русской государственности и не связанными с “мазепинством”. Но поскольку это не было оговорено в официальных документах, то в число “поднаречий” негласно включался украинский язык, который был признан австрийским изобретением, так как изгнать его из массового употребления одним росчерком пера оказалось невозможным. По поводу термина

“поднаречие” в газете “День” был опубликован фельетон под названием “Зауряд-наречие” (58). Автор писал: “Поднаречие это даже меньше, чем наречие. Какой-то совсем незначительный чин, нечто вроде титулярного советника в иерархии чинов и наречий... Поднаречие обязано вытягиваться перед языком во фронт и козырять ему при встрече...” (59). О польском языке в постановлении было сказано, что “временно допускается употребление и польского языка” (60). Это обстоятельство было весьма существенным для местного населения.

До начала Первой мировой войны суды Галиции относились к категории имперских учреждений, но при этом, в делопроизводстве судов, как и во всех областных учреждениях, немецкий язык использовался лишь в переписке с высшими имперскими учреждениями, а внутреннее делопроизводство и судебный процесс велись на польском. Положение польского языка в судебной системе Галиции, безусловно, обеспечивало господство поляков в этой сфере государственной деятельности. Поэтому, когда было опубликовано постановление военного генерал-губернатора Галиции “О местных судебных установлениях в занятых русскими войсками областях Галиции”, оно произвело колоссальное впечатление на польское население. Правда, внешнее недовольство поляков почти никак не проявилось, в польской печати не было опубликовано никаких материалов по этому поводу. Но скрытое недовольство поляков было велико. Настроения этой части населения Галиции подробно описал исполняющий должность чиновника для ведения дипломатической переписки при военном генерал-губернаторе Галиции И. Сукин. В его письме М. Ф. Шиллингу от 31 марта 1915 г. говорилось: “Упомянутое постановление резко поразило и озадачило все те круги польского общества, которые будучи расположены к совместной работе с русской властью в деле успокоения и примирения польского населения с русским завоеванием, строили свои политические расчёты на полной уверенности в том, что за поляками Западной Галиции будут сохранены те права, которыми они обладали при австрийском режиме. Отсутствие в новом постановлении по устройству судов указания, что оно распространяется лишь на Восточную Галицию и смешение, таким образом, обеих областей под одним общим судебным режимом, представляется этой категории поляков прямым несоответствием с положениями вступительной программной речи военного генерал-губернатора... В самом содержании настоящего распоряжения о судах особенно поразила поляков пункт, согласно которому судебным языком признаётся “язык русский, его поднаречия” и лишь “временно допускается употребление польского языка”. Намечаемое, таким образом, устранение в будущем польского языка является, по мнению поляков, в отношении

судов Западной Галиции нарушением той свободы языка, которую они считают дарованной им словами воззвания Верховного главнокомандующего” (61).

Сообщение И. Сукина подтверждалось донесениями русских послов. В мае 1915 г. российский посол в Лондоне Бенкендорф сообщал С. Д. Сазонову: “Мне известно из серьезного источника, что суровые меры нашей администрации во Львове становятся всё круче и грозят вызвать среди поляков недовольство... Эта критика касается главным образом чиновников, присланных из России, деятельность которых становится всё более нетерпимой и придирчивой... Представляется очевидным, что даже кажущееся противоречие между провозглашёнными политическими принципами и применением их на месте может повлечь за собой лишь предоставление симпатизирующим ещё Австрии и германской политике польским элементам самого действительного оружия” (62).

Значение, которое местная русская администрация придавала языку как средству объединительной политики, средству, которое может быть более действенным, чем административные преобразования, трудно переоценить. Организационная сторона судопроизводства практически не вызвала споров и принципиальных разногласий. Позиция Щегловитова, считавшего невозможным реформировать австрийскую судебную систему в военных условиях, в целом, была признана верной. Но вопрос о языке судопроизводства рассматривался уже не как частная проблема организации суда в Восточной Галиции, но как вопрос политический, показывающий, в чьих руках сосредоточена реальная власть в крае.

Попытки реформирования суда в Галиции во многом остались на бумаге, вызвав глухое недовольство польского населения, увидевшего в предстоящей реорганизации судов признаки обрусительной политики. Реально на территории Галиции в 1914–1915 гг. из австрийских судов действовали суды всех уровней только во Львове и Тарнопольской губернии. Поэтому функцию дознания на местах выполняли административные учреждения, а вынесение приговоров было возложено на судебный отдел штаба генерал-губернаторства и военный суд XII армейского корпуса. Эти структуры физически не могли решить ту массу дел, которые к ним направлялись с мест. В январе 1915 г. был образован военно-окружной суд. В нём должны были рассматриваться дела по преступлениям, совершённым в местностях, где не действовали австрийские суды, а также все без исключения дела, где потерпевшими были российские подданные или подданные союзных государств, а также преступления против русской государственной власти (63). Этот суд оказался перегружен массой дел. Связано это было, в первую очередь, с бездействием

большинства австрийских судов, поскольку уровень преступности в крае, в целом, остался прежним. Правда, к “традиционным” преступлениям добавились кражи из вагонов, мошенничество (сбор налогов от имени русских властей), шпионаж. Подсчёты, проведённые автором на основании приказов Г.А. Бобринского о передаче дел в военно-окружной суд, показывают, что преступления совершались как военными, так и местным населением. В феврале–марте 1915 г. суду были преданы солдаты, обвинённые в грабежах (26 дел) и мирные жители по обвинению в убийствах, грабежах, кражах скота, шпионаже (60 дел) (64).

Фактически в 1914–1915 гг. проблема судеустройства и судопроизводства в Галиции распалась на две части: разработка проектов организации судебных учреждений для решения глобальных политических задач и поддержание порядка в тылу русской армии.

Распространение русского языка как средства объединения Восточной Галиции с Российской Империей затронуло не только судебную сферу, но и народное образование на всех уровнях.

27 сентября 1914 г. был опубликован циркуляр генерал-губернатора Г.А. Бобринского губернаторам Галиции, содержащий перечень основных мероприятий, проведение которых на указанной территории считалось необходимым. В их числе – русификация среднего образования, прекращение деятельности общественных организаций, контроль за действиями русского православного духовенства, чтобы не допустить насильственного обращения в православие местного населения (65).

Появлению циркуляра 27 сентября 1914 г. предшествовали два документа. Во-первых, записка члена Государственной думы Д.Н. Чихачева “По учебному делу в Восточной Галиции и Буковине” (66) на имя генерал-губернатора Г.А. Бобринского. В ней говорилось: “Имея в виду... существование глубоко враждебной России школы с преподаванием на польском, немецком и на искусственно созданном украинском жаргоне и задаваясь целью создания русской государственной властью в этом крае в ближайшие годы исключительно русской школы, низшей, средней и высшей, позволяю себе предложить... :

- университеты и другие высшие учебные заведения закрыть на неопределённое время;

- немедленное устройство курсов русского языка для учителей Восточной Галиции и Буковины в крупнейших местных центрах и ввести с 1 января во всех учебных заведениях края преподавание русского языка как обязательного предмета;

- принять всесторонние меры для ознакомления с русским литературным языком, историей и географией России и русской литературой учебного персонала и учащихся;

– обещать особые награды и благодарность русских властей тем заведующим учебными заведениями, которые введут преподавание русской истории, географии, литературы в нынешнем учебном году и сумеют достигнуть хороших результатов;

– временно допустить в средней и низшей школе преподавание на тех языках, на которых велось до сих пор, а также и на малорусском наречии, с тем однако, чтобы фонетическое правописание заменено было русским, а с 1916 г. – преподавание вести исключительно на русском языке, допуская местные языки и наречия лишь при первом объяснении с учащимися” (67).

Помимо разработки положений по организации образования в Восточной Галиции в первой половине сентября 1914 г. Д. Н. Чихачев предпринял ряд практических шагов для реализации своей концепции и начал готовить почву для устройства русских школ в Восточной Галиции. Для этого Чихачев встретился в Киеве с попечителем киевского учебного округа А. Н. Деревецким (68). Последний предложил правителю канцелярии В. Т. Иванову и директору народных училищ Киевской губернии Б. В. Плескому разработать под руководством Чихачева положение о временном административном устройстве учебной части в Галиции, а также план и программу курсов для подготовки учителей русского языка в Галиции (69).

Взгляды Чихачева разделял гр. В. А. Бобринский, который в своей записке “О языке в Галиции и Буковине” отметил: “Теперь, когда Червонная Русь стала частью российской державы, искусственные успехи «украинской мовы» и фонетики должны рухнуть... В начальных школах должен преподаваться наш русский литературный язык, но при обучении следует пользоваться и местными поднаречиями. В гимназиях же и высших учебных заведениях, конечно, может иметь место только наш литературный язык” (70).

Активными сторонниками введения русского языка на территории Восточной Галиции осенью 1914 г. выступили местные русофильски настроенные общественные деятели. Один из лидеров Русского народного совета Прикарпатской Руси Ю. Яворский 22 сентября 1914 г. опубликовал статью (71) о будущем Галиции, в которой, по его мнению, “... прежде всего должна бы победно воспрянуть в ней... прекрасная и свободная, великая и могучая царственная русская речь! Во всех областях и проявлениях её общественной и государственной жизни, в школах и канцеляриях, в собраниях и печати, в надписях, объявлениях, речах... В исконно-русском крае ... не должно быть другой публичной, общественной и государственной речи, кроме единственной, победной, хозяйской речи – русской” (72). Ему вторил известный обще-

ственный деятель С.Ю. Бендасюк: “Русской должна быть наша школа в полном своём составе, т.е. начиная с народных и кончая высшими учебными заведениями” (73).

Настойчивые требования к введению русского языка и русской школы местные русофилы стремились представить как отражение потребностей всего населения Восточной Галиции. Кроме того, влияние националистически настроенных членов Государственной думы на позицию генерал-губернатора Бобринского было весьма велико. Видимо, поэтому в итоге пункт циркуляра 27 сентября 1914 г. “О школах и обществах” предусматривал закрытие всех средних, низших и высших учебных заведений, а вопрос о возобновлении занятий был поставлен в прямую зависимость от степени благонадёжности учителей и уровня владения ими русским языком.

Отметим, что на территории Восточной Галиции находилось значительное количество австрийских казённых учебных заведений, которые предполагалось полностью ликвидировать в кратчайшие сроки, а также школы с преподаванием на польском, немецком и украинском языках. Эти школы также были признаны “глубоко враждебными России” и закрыты (74). Фактическое закрытие всех учебных заведений на территории Восточной Галиции вызвало недовольство местного населения, ряда членов Государственной думы и Государственного совета. 9 октября 1914 г. группа польских депутатов Думы и Государственного совета направила Бобринскому записку о положении в Галиции, в которой отмечалось, что если ранее жителям последней казалось, что под властью России им жилось бы лучше, “то настоящие действия гражданской администрации, в частности, в области народного образования, заставляют от этого мнения отказаться” (75). Аналогичную позицию заняли депутаты М.А. Стахович, Н.Н. Львов, Н.А. Хомяков. В своём письме Г.А. Бобринскому, они отмечали, что создаётся впечатление, что введение в Галиции русского строя начинается с немедленной борьбы с польской школой и польским языком на всей территории Восточной Галиции (76). Под воздействием общественного мнения и общеправительственного курса в польском вопросе гражданская администрация в Галиции скорректировала свою позицию.

25 ноября 1914 г. приказом Верховного главнокомандующего было утверждено Временное положение о надзоре за учебной частью Галиции. Им вводился штат дирекции и инспекции народных училищ для контроля за средними и низшими учебными заведениями (77). С 1 января 1915 г. в Львове и Галиции Бобринский разрешил открыть несколько частных русских и польских средних и низших школ. При этом, открытие польских школ было разрешено на следующих условиях:

преподавание русского языка (5 часов в неделю), утверждение генерал-губернатором состава преподавателей и использование учебников по истории, географии, польскому языку и польской литературе, одобренных Министерством народного просвещения Российской Империи (78). С сентября 1914 г. в низших и средних школах Галиции началось преподавание русского языка (79), а к весне 1915 г. Г.А. Бобринский пришёл к выводу о необходимости введения в Галиции русской школы для "осуществления мероприятий в области школы, направленных к духовному сближению галицкого народа с русским" (80).

Проект организации русской школы в Галиции был разработан дирекцией народных училищ в марте 1915 г. Дирекция признала своевременным приступить к введению в Галиции всеобщего народного образования. Предполагалось в течение 5 лет открыть в Галиции 9 тысяч народных школ, открывая ежегодно 1800 школ. Реформа должна была затронуть не только начальное образование. Помимо народных школ признавалось необходимым открытие 70 высших народных училищ, около 60 курсов при этих училищах, а также 25 мужских и 25 женских гимназий. Кроме этого, особое внимание должно было быть уделено подготовке преподавательских кадров. Для этого планировалось открытие 10 учительских семинарий и двух институтов (81).

Кадры русскоязычных учителей начали готовить уже зимой 1914–1915 г. на краткосрочных курсах русского языка. В Львове, Самборе, Тернополе, Станиславове были открыты двухмесячные курсы, на которые принимались лица, занимающиеся педагогической деятельностью и знакомые с русским языком (82). В программу занятий на курсах были включены: обучение русскому языку, изучение русской истории, литературы, истории русской культуры. На курсы было зачислено 350 человек. Опыт работы курсов к весне 1915 г. русские власти сочли успешным, и в марте 1915 г. были разработаны планы открытия новых курсов, на которые предполагалось принять около 600 человек. Полностью эти планы реализовать не удалось, но в начале мая 1915 г. были открыты русские правительственные педагогические курсы в Бродах и Жолкве (83). Помимо правительственных курсов на территории Восточной Галиции аналогичные курсы активно организовывали местные общественные деятели. В частности, народно-просветительное общество им. М. Качковского с 1 мая 1915 г. открыло общедоступные бесплатные четырёхмесячные курсы русского языка, истории и географии России (84).

Мероприятия по скорейшему введению в Галиции русской школы были поддержаны Министерством народного просвещения и Петроградской городской думой, которые субсидировали курсы по подготов-

ке “русскоязычных” учителей-галичан, открытые галицко-русским обществом в Петрограде. 23 января 1915 г. Совет министров по ходатайству Галицко-русского общества перед Министерством народного просвещения об отпуске из военного кредита 35 тыс. руб. выделил требуемую сумму на содержание в Петрограде при женской гимназии М.А. Лохвицкой-Скалон бесплатных временных курсов для 150 учительниц-галичанок. На курсах слушательницы должны были ознакомиться с русской литературой, историей и географией (85). 7500 руб. на организацию курсов было выделено также Петроградской городской думой. При этом, часть членов Городской думы выступила против субсидирования курсов. Н.И. Коробка, Н.И. Шнитков и ряд других членов Думы считали, что выделение средств преждевременно: во-первых, отсутствует полная и объективная информация о происходящем в Галиции, во-вторых, Галицко-русское общество, которое просит выделить средства, по сути, не благотворительная, а политическая организация, а вмешательство Городской думы в политику недопустимо. Но ходатайство поддержал городской голова и большинство членов Думы, и средства были выделены (86).

Позиция русской администрации в Галиции в отношении распространения русского языка проявилась также в цензурной политике.

23 сентября 1914 г. в газете “Прикарпатская Русь” было опубликовано постановление за подписью военного генерал-губернатора Галиции Г.А. Бобринского о цензуре. В основном, постановление повторяло принципы цензурной политики, принятые в Российской империи для местностей, находящихся на военном положении. Кроме того, постановлением запрещалась продажа книг на русском языке и “малорусском наречии, изданных не в пределах Российской Империи” (87).

В Восточной Галиции насчитывалось несколько местных говоров. Губернатор Бобринский дал разрешение издавать газеты на 4-х местных наречиях (помимо польских и русских изданий), но категорически запретил издание газет на украинском, как языке “казённом, австрийском и изобретении мазепинцев” (88), не считаясь с тем, что на украинском читало и говорило большинство населения Восточной Галиции. Это решение вызвало возражения со стороны части чинов Штаба Верховного главнокомандующего и И.Л. Горемыкина. Последний отмечал, что не видит особой опасности для русских государственных интересов в употреблении украинского языка в Галиции при “неуклонном наблюдении за тем, чтобы местная пресса способствовала насаждению начал русской государственности” (89). Под местной прессой, насаждающей начала русской государственности, И.Л. Горемыкин подразумевал газету “Прикарпатская Русь”, о которой следует сказать особо.

Ещё 14 августа 1914 г. Совет министров обсуждал вопрос о распространении в нейтральных государствах “истинных и благоприятных” сведений о России и действиях русской армии. Одним из решений, принятых по этому вопросу, было решение о командировании в распоряжение генерал-адъютанта Иванова коллежского асессора Олферева, которому было поручено возобновить издание газеты “Прикарпатская Русь” для распространения среди галицийского населения сведений в желательном для России освещении(90). Совет министров решил ежемесячно выделять на издание газеты 5 тыс. рублей. Примечательно, что с момента образования в Галиции военного генерал-губернаторства газета “Прикарпатская Русь” (при сохранении прежних источников финансирования) стала выходить от имени Русского народного совета во Львове – общественной организации местной интеллигенции про-русской ориентации, деятельность которой была разрешена местными властями.

Косвенное влияние на ограничение в употреблении украинского языка оказывало распоряжение штаба военного генерал-губернатора от 23 октября 1914 г. Населению сообщалось, что военная цензура будет рассматривать частную корреспонденцию только на русском, польском, чешском, румынском, французском, английском и немецком языках. Письма и телеграммы на “прочих языках и наречиях” подлежали уничтожению(91).

Стремление части общественных деятелей Галиции к распространению русского языка на этой территории затронуло не только образование. При Русском народном совете “Прикарпатской Руси” была создана географическая комиссия, которая занялась восстановлением древних исторических русских названий местностей и городов там, где они были заменены польскими, венгерскими, румынскими и немецкими.

Как уже было сказано выше, в конце августа 1914 г. начальник Штаба Верховного главнокомандующего генерал Н.Н. Янушкевич обратился с письмом к председателю Совета министров И.Л. Горемыкину. В самом начале письма он говорил о том, что война предоставляет идеальные возможности для проведения практически любых мер, проведение которых в мирных условиях может быть затруднено(92). Судя по всему, члены Совета министров и его председатель И.Л. Горемыкин не разделяли мнения Янушкевича о том, что необходимо срочно сформировать программу правительственных мероприятий в Галиции.

Российское правительство заинтересовало, в первую очередь, австрийское казённое имущество. После вступления русских войск на государственную территорию Австро-Венгрии это имущество по праву войны могло быть использовано на нужды Российской Империи. К чис-

лу австрийских казённых имуществ относились: крупнейший для того времени нефтеперерабатывающий завод в Дрогобыче, казённые леса и соляные месторождения. Для изучения вопроса об их эксплуатации в Галицию были командированы чиновники Министерства финансов и Главного управления землеустройства и земледелия. Особое внимание российского правительства привлёк завод в Дрогобыче.

Нефтяные месторождения в Галиции были весьма значительны. Но особенностями законодательства о праве собственности на землю и её недра определили довольно слабую разработку нефтяных запасов. Галицийские нефтяные месторождения тянулись широкой полосой от р. Рабы (приток Вислы в западной Галиции) до р. Чемоша (граница восточной Галиции с Буковиной) на протяжении примерно 365 км. Разработка нефтеносного района в Галиции шли только в нескольких пунктах и в мировой добыче нефти доля Галиции составляла 5%.

Переработка нефти велась фактически за пределами Галиции. Хотя формально в Галиции было сосредоточено 70% всех австрийских нефтеперегонных заводов, но, в основном, это были мелкие предприятия. В 1910 г. был открыт казённый нефтеперерабатывающий завод в Дрогобыче, на котором стало перерабатываться 54% нефти, добываемой во всей Австро-Венгрии. К началу Первой мировой войны добыча и переработка нефти являлась одним из самых главных доходных занятий галицийского населения. С нефтепромыслом была связана практически вся экономическая жизнь южной половины Восточной Галиции. Организации и регулированию этой деятельности местная областная и государственная австрийская власти уделяли значительное внимание (93).

Отступая в сентябре 1914 г., австрийцы оставили нефтяной завод нетронутым. Но, как отмечалось позднее в отчёте представителя Министерства торговли и промышленности, при занятии Дрогобычского района русскими войсками последним не было дано никаких указаний, относительно чрезвычайной важности Дрогобычского нефтеперерабатывающего завода. В результате “вся бухгалтерия и канцелярия завода были разгромлены, документы уничтожены, ценная лаборатория разгромлена, телеграфная и телефонная сеть завода и его отделений уничтожена” (94).

Для изучения на месте вопроса о дальнейшей эксплуатации завода в Галицию был командирован представитель горного департамента Министерства торговли и промышленности, действительный статский советник Марковский. По его оценкам, на складах самого крупного из нефтеочистительных заводов Галиции находилось 10 млн. пудов сырой нефти. Марковский считал, что эксплуатация завода казёнными средствами

неосуществима. Поэтому он предлагал передать завод в аренду частным предпринимателями под контролем со стороны русского правительства. Концессию Марковский предлагал предоставить до конца 1915 г. (95).

Предложение Марковского обсуждалось 14 октября 1914 г. Для этого генерал-губернатор собрал во Львове совещание из представителей местной администрации и командированных в Галицию чиновников Министерства финансов и Министерства торговли и промышленности. Никаких определённых решений совещание не приняло. Предложение Марковского вызвало категорические возражения со стороны министра финансов и начальника Штаба Верховного главнокомандующего. По этому поводу министр финансов обратился к И.Л. Горемыкину. 28 октября 1914 г. он писал, что Дрогобычский завод – “не рядовое промышленное предприятие, запас нефти в его складах не случайный наличный запас такого предприятия, а материальный фонд для регулирования всего нефтяного производства” (96). Министр финансов отмечал, что нефтяная промышленность является той отраслью, деятельность которой необходимо регулировать. Значительные запасы нефти Дрогобычского завода, их быстрая переработка (а министр финансов справедливо полагал, что именно этим займутся частные предприниматели) и выпуск на рынок без предварительного обследования состояния нефтепромышленности в Галиции могут нарушить экономическое равновесие. Он также отмечал, что частные нефтяные заводы в Галиции не работают, поскольку нет официального разрешения русской администрации на возобновление их деятельности. При таких условиях реализация предложения Марковского может привести только к монополизации в частных руках переработки нефти и торговли нефтяными продуктами, что может дезорганизовать основной промысел населения, когда вместо целого ряда нефтеперегонных заводов останется один завод-монополист. Новая администрация может оказаться еще перед одной проблемой – проблемой занятости местных жителей.

Министр финансов также напомнил Горемыкину о том, что в нефтяной промышленности Галиции значительная доля принадлежит иностранному капиталу, в том числе английскому. Передача Дрогобычского завода в аренду и превращение его в монополиста в такой ситуации может вызвать также нежелательные дипломатические осложнения. Исходя из всего вышеизложенного, министр предлагал сперва рассмотреть вопрос о том, “нельзя ли продолжить нам установленную австрийской властью систему ведения дел на этом заводе и командировать туда чиновника акцизного надзора” (97).

В итоге, на основании распоряжения военного генерал-губернатора Галиции управление Дрогобычским заводом было поручено со-

стоящему при генерал-губернаторе представителю Министерства торговли и промышленности Остроградскому. Он должен был придерживаться в своей деятельности следующих принципов:

- “завод не будет требовать никаких казённых ассигнований;
- основное внимание будет сосредоточено на работах по снабжению необходимым топливом железных дорог Галиции;
- на заводе будут работать представители местного населения” (98).

Остроградский приступил к выполнению своих задач в конце ноября–начале декабря 1915 г. Он предпринял попытку восстановить работу завода и начать переработку нефти. Но сразу же столкнулся с весьма неожиданной проблемой: хотя завод в Дрогобыче относился к числу тех предприятий, на которых была занята большая часть местного населения, рабочие отказывались возвращаться на завод, несмотря на тяжёлые условия жизни и рост цен.

Дрогобыч находился недалеко от театра военных действий, и мирные жители вполне обоснованно боялись возвращения австрийских войск и возможных репрессий за поддержку русских. В течение трёх месяцев основная работа на Дрогобычском заводе была сведена к выдаче топлива для железных дорог и некоторых предприятий Львова (городского газового завода, городского электрического завода). Только в марте 1915 г. Остроградскому удалось нанять 200 человек рабочих, которые приступили к ремонтным работам. Завод планировалось полностью пустить в эксплуатацию в мае 1915 г. Но в связи с начавшимся австрийским наступлением 27 апреля военный генерал-губернатор получил приказ главнокомандующего Юго-Западным фронтом об эвакуации Дрогобычского района и уничтожении казённых и частно-владельческих заводов и запасов нефти и нефтепродуктов. Нефтяные запасы были частично уничтожены, частично вывезены во Львов, туда же была эвакуирована часть оборудования завода.

Не меньшее внимание правительственные круги Российской Империи в 1914 г. уделяли вопросу об эксплуатации лесных богатств Галиции. Значительную часть казённых имуществ в Галиции составляли леса. Попытки эксплуатации лесных богатств Восточной Галиции были предприняты вскоре после прихода русских войск. Русской администрации предстояло сохранить оборудование лесопильных заводов и узкоколейных дорог для перевозки леса, а также организовать использование лесоматериалов для нужд военных и местного населения. Для решения этих вопросов требовались специалисты, и Г.А. Бобринский обратился в Главное управление землеустройства и земледелия с просьбой командировать в Галицию соответствующих специалистов. В распоряжение генерал-губернатора были командированы три человека –

начальник уфимского Управления земледелия и государственных имуществ, действительный статский советник Д. В. Родзевич, лесничий 1-го разряда Тамбовской губернии коллежский асессор Наумов и помощник делопроизводителя И. Л. Волков. 1 октября 1914 г. они прибыли во Львов. Командированные чиновники предполагали организовать управление казёнными лесами в Галиции, а также по возможности наладить их эксплуатацию и получение прибыли.

С самого начала было ясно, что трёх человек (позднее были командированы ещё двое) для того, чтобы организовать управление и использование казенных лесов Галиции явно недостаточно. Поэтому попытались использовать местные силы. В Львове осталось местное управление государственными имуществами и большая часть чиновников во главе с главным директором Марианом Малачинским. Сохранилась документация. Но собственно леса, которые предполагалось эксплуатировать, находились в зоне военных действий. Поэтому основное внимание было сосредоточено на текущих нуждах: охране лесов и снабжении военных и городского населения топливом.

Несколько человек, командированных из России, разумеется, не могли выполнить даже эти скромные задачи. Д. В. Родзевич разработал положение и штаты будущего управления государственными имуществами Галиции. Но даже проектируемые штаты далеко уступали тем, что были до войны. Состав новой администрации был меньше прежнего на 20%. В реальности, ещё меньше.

Первое, что нужно было сделать, это обследовать дровяные склады и изыскать топливо для Львова. Оказалось, что находившиеся там запасы дров расходуются без всякого учёта. После прихода русских войск местная австрийская администрация на дровяных складах была отстранена от выполнения своих обязанностей. Её заменили русские военные, которые стали выдавать дрова и лесные материалы со складов без всякого учёта и бесплатно. Причём эта практика распространилась как на войска, так и на местных жителей. Для начала представители Главного управления землеустройства распорядились отпускать топливо бесплатно, но по письменным требованиям войсковых частей. Затем дровяные склады были переданы в ведение военного генерал-губернаторства.

В ноябре 1914 г. вопрос о топливе стал одним из самых насущных. Различные учреждения Львова, военные постоянно обращались к Г. А. Бобринскому с просьбами о получении топлива: Был установлен следующий порядок снабжения казёнными дровами: в первую очередь снабжались войсковые части, расквартированные во Львове, во вторую – организации Красного Креста и в третью – население Львова. Отменял-

ся бесплатный отпуск дров для всех организаций и учреждений. Предполагалось отправить во Львов 12288,7 куб. саженой дров и получить чистой прибылью 153607 руб. От планируемого объёма поставки дров в Львов было отправлено только 10,3%. из-за нехватки вагонов.

В январе–феврале 1915 г. представители русской администрации во Львове не получили ни одного вагона, и организованный подвоз дров в город был приостановлен. О какой-либо прибыли от реализации топлива также говорить не приходилось. Учреждения, которые снабжались дровами, предпочитали по-прежнему за дрова не платить.

Помимо организации использования имущества австрийской казны, русским властям предстояло определить основные направления экономической политики в крае. Перспектива присоединения Восточной Галиции к Российской Империи заставляла задуматься о серьёзнейших проблемах экономического развития этой территории. Для изучения экономики края в целом была создана междуведомственная комиссия для обследования финансово-экономического состояния Галиции.

Одним из наиболее важных для местного населения был аграрный вопрос. Изучением состояния крестьянских хозяйств занялся член комиссии, ревизор Главного управления земледелия и землеустройства А. А. Кофод. Он пришёл к выводу, что крестьянское землевладение находится в плачевном состоянии из-за незначительных наделов (не более 3-х десятин на душу). Кофод отмечал, что “в случае закрепления Галиции за Россией ведомству земледелия предстоит значительная работа по устройству крестьян” (99). Основные мероприятия, по мнению Кофода, должны быть направлены на покупку через отделения Крестьянского банка земель у помещиков и евреев и передачу их крестьянам. Позицию Кофода разделяли далеко не все члены комиссии. Некоторые считали, что эта мера не даст должного результата из-за местных особенностей. Они заключались в следующем: во-первых, в Галиции отсутствовали казённые земли, которые можно было бы дополнительно использовать для расширения крестьянских наделов, во-вторых, в Восточной Галиции 260 тыс. крестьянских хозяйств имели только по 2 га земли, когда как для более или менее нормального ведения хозяйства было необходимо минимум 5 га, т. е. очевидна была необходимость увеличения крестьянского землевладения более чем в два раза; в-третьих, цены на землю в Галиции не соответствовали её доходности, поскольку были очень высокими именно под влиянием безземелья (1 га земли стоил 600 рублей). Поэтому скупку земель через Крестьянский банк многие члены комиссии считали недостаточной и предлагали решить вопрос о переселении крестьянского населения из Галиции на сибирские земли (100).

Осенью 1914 г. также была предпринята попытка организовать налогообложение населения Галиции. Но уже в октябре 1914 г. было очевидно, что мирные жители разорены войной. “Во всём крае торгово-промышленная жизнь затихла, фабрики и заводы приостановили свою деятельность, значительные капиталы были вывезены банками и имущей частью населения вглубь Австрии. В более крупных населённых пунктах скопилось значительное количество лиц, существование которых поддерживается только благотворительной помощью”, – говорилось в отчёте генерал-губернатора Бобринского (101). Поэтому решено было начать сбор налогов в Львове и Тернопольской губернии, где положение населения было несколько лучше, чем в других районах. Министерство финансов в свою очередь приступило к разработке временного положения о налогах в Галиции и порядке их взимания. Но этот проект, как и попытки организовать сбор прямых налогов, фактически реализовать не удалось как из-за бедности населения, так и из-за отсутствия соответствующих учреждений и чиновников. Нехватка кадров сказалась и в этом вопросе. Также была предпринята попытка взимания косвенных налогов за счёт использования австрийских казённых монополий – табачной и соляной. Табачная монополия в Австрии являлась источником крупных государственных доходов. В занятых районах Галиции было четыре табачных фабрики, но только одна из них не пострадала во время военных действий. Вопрос о восстановлении табачных фабрик даже не поднимался. Шла лишь реализация старых запасов. Соляная монополия также давала крупный доход австрийской казне. Пять казённых заводов продолжали действовать. По мнению генерал-губернатора Г.А. Бобринского, русским властям удалось наладить в Галиции производство соли и даже получить прибыль (102). Но, в целом, взимание косвенных налогов оказалось возможным лишь в самых ограниченных пределах, так как основные предметы обложения – спирт, пиво и сахар – не производились. Налоги можно было получить лишь за счёт продажи остатков продукции. Попытки местной администрации и Министерства финансов организовать в Галиции систему налогообложения были негативно оценены зарубежной и российской общественностью, считавшей такие меры преждевременными. В целом, попытки организации экономической жизни края носили весьма фрагментарный характер, сводились к удовлетворению насущных нужд как военных, так и местного населения и каких-либо осязаемых прибылей российской казне не принесли.

Бедственное положение большей части населения Восточной Галиции привело к тому, что русские власти не только не смогли обеспечить какие-либо реальные прибыли для российской казны, но и оказались перед необходимостью организовать помощь мирным жителям.

С конца лета 1914 г. территория Галиции представляла собой прифронтовой район, через который постоянно проходили русские войска, и население оказывалось перед угрозой массовых грабежей, реквизиций скота и т.д. Уже при вступлении русских войск на территорию Австро-Венгрии командование пыталось оградить мирное население от насилия и грабежей. В приказе по 8-ой армии от 7 августа генерал А. А. Брусилов, обращаясь к офицерам, писал: “Приказываю объяснить нижним чинам, что мы вступаем в Галицию, хотя и составляющую теперь часть Австро-Венгрии, но это исконная русская земля, населённая главным образом русским же народом... Я выражаю полную уверенность, что никто из чинов, имеющих честь принадлежать к армии, не позволит себе какого-либо насилия над мирным жителем и не осрамит имя русского солдата” (103).

Более подробные рекомендации по поведению русских войск в Галиции были даны Главнокомандующим Юго-Западного фронта генерал-адъютантом Ивановым от 10 августа 1914 г. В приказе говорилось, что доброжелательное отношение к населению может выразиться в следующем:

- особой осторожности при реквизиции;
- уважении к местным святыням, в связи с чем рекомендуются русским солдатам посещение униатских храмов, а также желательна раздача населению крестиков и икон из Киева и Почаева;
- усвоении некоторых местных русских обычаев, например, приветствии при встрече: “Слава Иисусу Христу” и ответе: “Слава на веки” (104).

Но, несмотря на усилия высшего командования, уже с первых дней пребывания русских солдат в Восточной Галиции, были отмечены случаи откровенных грабежей (особенно этим отличались представители казачьих частей), притеснений местного населения. Несмотря на приказы Брусилова, грабежи не прекращались. Местные жители пытались жаловаться гражданским властям. Поток жалоб был довольно большим, и 24 ноября 1914 г. военный генерал-губернатор Г. А. Бобринский опубликовал специальное обращение к населению. В обращении говорилось: “Ввиду поступающих ко мне жалоб от местных владельцев и крестьян на материальные убытки, причинённые им проходившими русскими частями и командами, объявляю для всеобщего сведения, что все жалобы и претензии от частных лиц, материально пострадавших от незаконных действий войсковых частей или вследствие неуплаты денег за взятые у них для нужд армии продукты или материалы, будут своевременно рассмотрены особой для того назначенной комиссией” (105).

В итоге, довольно сложно говорить о реальных масштабах реквизиций фуража и продовольствия, т.к. каждая сторона считала себя правой и пыталась преувеличить преступления другой.

Один из чиновников российского Министерства иностранных дел, посетивший Галицию в сентябре, писал о том, как выглядела эта территория осенью 1914 г. Он отмечал, что “нередко обнаруживаются признаки разграбления”, но, по его мнению, грабёжом занимались не столько русские войска, сколько само местное население, “которое ничем нельзя было удержать от нападения на дома евреев и помещиков” (106).

Антиправительственная российская периодическая печать стремилась представить насилия над местным населением как массовое явление. В приказах Брусилова от 11 августа, 9 сентября, 16 ноября 1914 г. по поводу грабёжей говорится как об отдельных случаях, которые воспринимаются как всеобщее явление. Хотя отдельные факты, действительно, говорят о том, что русские солдаты в отношении населения Галиции не всегда придерживались строжайшей дисциплины. Необходимо также заметить, что помимо русских солдат, на этой же территории оставались скрывавшиеся в лесах австрийские солдаты, совершавшие ночами набеги на местное население и т.д. (107).

Помимо вопросов, связанных с защитой мирных жителей, уже осенью 1914 г. появились и другие задачи. Главными в 1914–1915 гг. стали: организация продовольственной помощи, поддержка крестьянских хозяйств во время весеннего сева 1915 г. и создание приютов для детей-сирот.

Уже в сентябре 1914 г. во Львове был создан городской продовольственный благотворительный комитет под председательством генерал-майора Эйхе. Комитет занимался распределением продовольственных запасов в городе и помощью беднейшему населению. Снабжение Львова продуктами шло как из районов Галиции, откуда поставлялось, в основном, зерно, так и из российских губерний. Комитет заключал контракты с поставщиками продуктов, организовывал их доставку во Львов по железной дороге и гужевым транспортом. Комитет также занимался благотворительностью. Осенью 1914 г. во Львове насчитывалось более 25 тыс. семей, оставшихся без средств к существованию. Чрезвычайно тяжёлым оказалось положение служащих частных и правительственных учреждений. Только в одном Львове насчитывалось около 12 тыс. семей австрийских чиновников. Положение этой части населения привлекло внимание львовской городской общественности. Львовский магистрат предложил уплатить чиновникам жалование за три месяца. Консорциум местных банков в свою очередь предложил ссу-

дить городу для этой цели 1 млн. 350 тыс. крон, если русское правительство даст обещание поднять вопрос о возврате банкам этой суммы при заключении мирного договора с Австро-Венгрией. Вопрос обсуждался российским МИД'ом, был доведён до сведения императора, и 16 декабря 1914 г. Николай II согласился на такой способ поддержки австрийских чиновников.

Помимо австрийских чиновников во Львове также находились не имевшие средств к существованию беженцы из прифронтовых районов, число которых постоянно увеличивалось. Для них львовский продовольственный благотворительный комитет открывал столовые (к апрелю 1915 г. действовало 83 столовые), организовывал помощь продуктами и деньгами. Только в октябре 1914 г. было выдано около 15 тыс. удостоверений на получение бесплатной помощи. К весне 1915 г. члены Комитета пришли к выводу о том, что положение в городе улучшилось, что беднейшее население города может найти себе работу и сократили размеры помощи.

Весной 1915 г. центром внимания русских властей стало сельское население. Если в городах обстановка, действительно, несколько стабилизировалась, то деревня оказалась перед целым рядом проблем в связи с началом сева. Не хватало семян, отсутствовал рабочий скот. Благотворительной помощи было явно недостаточно, и с февраля 1915 г. этими вопросами стал заниматься продовольственный отдел в управлении генерал-губернатора. Отдел возглавил сначала генерал-майор Доброправов, затем В. А. Бобринский. Российское Министерство внутренних дел выделило 11 млн. рублей на оказание семенной помощи населению Галиции. Непосредственную закупку семян Главное управление землеустройства и земледелия поручило областному комитету земств юго-западных губерний. Комитет к началу посева зерно не поставил, и закупки начал проводить продовольственный отдел генерал-губернаторства, но уже с опозданием. Только с 18 апреля 1915 г. в Галицию стало прибывать зерно от комитета юго-западных земств. Всего в Галицию предполагалось отправить 449 715 пудов зерна. Реально прибыло 166 549 пудов. Часть семенного зерна была уничтожена прямо на складах при отступлении русских войск.

Населению зерно продавалось со складов или за наличные деньги, или в рассрочку до 1 марта 1916 г. при условии уплаты при покупке 25% его стоимости. Беднейшие жители могли приобретать зерно в кредит без задатка.

В апреле 1915 г. в Галицию из России стал прибывать рабочий скот, в основном, лошади, которые были в таком плохом состоянии, что,

несмотря на льготы при покупке, крестьяне приобретали их крайне неохотно.

В прифронтовых районах благотворительные учреждения (в частности, Галицко-русское общество) занимались организацией приютов для детей-сирот, которые во время отступления русских войск были вывезены в Россию. Рядом политиков и общественных деятелей создание этих приютов было оценено как одна из форм русификации местного населения (108). Но, пожалуй, именно в этом случае члены Галицко-русского общества действовали как представители благотворительной, а не политической организации. Представители общества работали в прифронтовой местности, организуя приюты, питательные пункты. В марте 1915 г. один из членов общества сообщал в Петроград, что он “проектирует открытие питательных пунктов [в] разорённых и сожжённых сёлах..., нужда страшная. Дети ходят без белья и сапог по сёлам, надо кормить и кормить, чтобы не развились эпидемии...” (109). Приюты открывались, в основном, в городах. Например, во Львове были приюты на 250 детей, 50 девушек, в Станиславове на 100 детей. И всё это ещё раз свидетельствовало о неоднозначном характере российской политики в Восточной Галиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Лемке М.К.* 250 дней в царской Ставке. – М.-Л., 1920. С.202.
2. Там же.
3. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.158. Л.2–3.
4. Положение о полевом управлении войск в военное время. – Пг., 1914. С.2.
5. Подробнее об особенностях Положения о полевом управлении войск в военное время см.: *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* Российская государственность и первая мировая война //Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. – М., 1997. С.11–13.
6. Там же. С.11.
7. *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. – М., 1937. С.650.
8. *Яхонтов А.Н.* Тяжёлые дни //Архив русской революции. – Берлин, 1926. Т.XVIII. С.21.
9. *Флоринский М.Ф.* Кризис государственного управления в России в годы первой мировой войны (Совет министров в 1914–1917 гг.). – Л., 1988. С.158.
10. Бобринский (Бобринской) Георгий Александрович (1863–1928) – граф, брат графа А.А. Бобринского, генерал-адъютант, генерал-лейтенант, с 26 мая 1910 г. состоящий в распоряжении военного министра.
11. РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.896. Л.1–2.
12. Манухин Сергей Сергеевич (1856–1921) – тайный советник, член Государственного совета по назначению, сенатор. С 15 июня 1914 г. по 14 июля 1915 г. исполнял обязанности вице-председателя Государственного совета.

13. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.159. Л.15.

14. Там же. Л.23 об.

15. РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.895. Л.38.

16. РГВИА. Ф.2005. Оп.1. Д.1. Л.13 об.

17. Там же. Л.43.

18. Там же. Л.45.

19. Там же. Л.60.

20. Евреинов Сергей Дмитриевич (1869–?) камер-юнкер высочайшего двора, статский советник.

21. Отчёт временного военного генерал-губернатора Галиции по управлению краем за время с 1-го сентября 1914 г. по 1-е июля 1915 г. – Киев, 1916. С.4.

22. РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.895. Л.8.

23. РГВИА. Ф.2005. Оп.1. Д.12. Л.21.

24. РГИА. Ф.1576. Оп.1. Д.204. Л.1 об.

25. Отчёт деятельности штаба временного военного генерал-губернатора Галиции в период времени с 19 августа 1914 г. по 1-е июля 1915 г. – Киев, 1916. С.36.

26. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.163.

27. РГВИА. Ф.2005. Оп.1. Д.12. Л.81.

28. Отчёт временного военного генерал-губернатора Галиции в период времени с 19 августа 1914 г. по 1-е июля 1915 г. – Киев, 1916. С.4.

29. Там же.

30. РГВИА. Ф.2005. Оп.1. Д.12. Л.131 об.

31. Там же. Л.94.

32. Там же. Л.131 об.

33. РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.895. Л.109.

34. //Русское слово. 1916. № 98.

35. //Украинская жизнь. 1916. № 4–5. С.131.

36. //Украинская жизнь. 1916. № 6. С.73.

37. Судебная система в Галиции действовала на основании Закона 7 августа 1850 г., общих положений “Основного закона о судебной власти” 21 декабря 1867 г. и закона 27 ноября 1896 г. Согласно основному закону правосудие отправлялось от имени верховной власти, от которой зависело пожизненное назначение судей. Судья исполнял свои обязанности самостоятельно и независимо и смещался или перемещался против желания только в предусмотренных законом случаях и не иначе, как в силу судебного решения. Уголовные и политические преступления рассматривались присяжными заседателями. Во всех инстанциях суд отделялся от административного управления.

38. Сверх того, высшему суду принадлежали некоторые функции судебно-административного характера. По гражданским делам высший суд был уполномочен рассматривать в кассационном порядке некоторые решения апелляционных судов и жалобы на решения апелляционных судов. По уголовным делам к ведению высшего суда относилось рассмотрение в кассационном порядке приговоров судов первой инстанции, вынесенных с участием или без участия присяжных заседателей. При этом высший суд имел право не только утверждать или отменять приговор, с передачей его для нового рассмотрения в другой суд первой инстанции, но и выносить оправдательный или обвинительный приговор самостоятельно. Высший суд рассматривал также кассационные жалобы и апелляционные жалобы на приговоры судов второй инстанции. В качестве дисциплинарного суда высший суд был единственной инстанцией для рассмотрения дел, касающихся председателей департаментов высшего суда и других чиновников судебного ведомства.

39. В сфере гражданской юрисдикции к ведению судов второй инстанции относилось рассмотрение в апелляционном порядке дел по жалобам на решения краевых, коммерческих и морских судов, вынесенных ими в качестве судов первой инстанции. По уголов-

ным делам суды второй инстанции служили апелляционной инстанцией для дел красных судов (с участием или без участия присяжных заседателей) по вопросам определения размера наказания и вознаграждения за вред и убытки. Также они выполняли функцию дисциплинарных судов для служащих красных и окружных судов. Суды второй инстанции наделялись административными функциями по организации деятельности красных и окружных судов, прокурорского надзора, нотариата и адвокатуры.

40. В сферу подсудности единоличных судей входили гражданские и уголовные дела, не относящиеся к ведению высших инстанций. Например, дела об утверждении в правах наследства, за исключением случаев, когда предмет наследства составляли некоторые виды земельных имуществ, дела об учреждении опеки. По уголовным делам, как правило, единоличный судья исполнял следственные функции под наблюдением краевого суда.

41. РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.908. Л.18.

42. Там же. Л.19.

43. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.170. Л.38 об.

44. Там же. Л.3.

45. Там же. Л.3.

46. Там же. Д.159. Л.51.

47. Там же. Д.170. Л.5–5 об.

48. РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.908. Л.4 об.; АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.159. Л.52 об.

49. Там же.

50. РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.908. Л.1.

51. //Украинская жизнь. 1914. № 11–12. С.98.

52. РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.908. Л.30.

53. Там же. Л.21.

54. Там же. Л.30.

55. //Украинская жизнь. 1915. № 34. С.165–166.

56. РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.908. Л.31 об.

57. РГВИА. Ф.2005. Оп.1. Д.17. Л.19–20.

58. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.170. Л.20.

59. Там же.

60. РГВИА. Ф.2005. оп.1. Д.17. Л.19.

61. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.170. Л.17 об.

62. //Международные отношения... – М., Т.8. Ч.1. С.11.

63. Отчёт временного военного генерал-губернатора Галиции по управлению краем за время с 1-го сентября 1914 г. по 1 июля 1915 г. – Киев, 1916. С.18.

64. Приказы войскам временного военного генерал-губернаторства Галиции. – Б.м., 1915. Т.2. С.41–166.

65. РГВИА. Ф.2005. Оп.1. Д.12. Л.11.

66. РГИА. Ф.821. Оп.150. Д.38. Л.43–43 об.

67. Там же.

68. Деревецкий (Деревицкий) Алексей Николаевич (1859–?) – тайный советник, доктор греческой словесности, попечитель Киевского учебного округа (1910–1915). Попечитель Оренбургского учебного округа (1915–1917). С 1 января 1917 г. – член Государственного совета по назначению (вошёл в группу правых).

69. //Львовский вестник. 1915. 27 марта.

70. РГИА. Ф.821. Оп.150. Д.38. Л.48 об.

71. //Прикарпатская Русь. 1914. 22 сентября.

72. Там же.

73. //Прикарпатская Русь. 1914. 11 октября.

74. РГВИА. Ф.2005. Оп.1. Д.13. Л.38.

75. Там же. Л.19.

76. Там же. Л.23.
77. Там же. Л.38.
78. Отчёт временного военного генерал-губернатора Галиции по управлению краем за время с 1-го сентября 1914 г. по 1 июля 1915 г. – Киев, 1916. С.33.
79. Правительственный вестник. 1914. 26 сентября.
80. Отчёт временного военного генерал-губернатора Галиции по управлению краем за время с 1-го сентября 1914 г. по 1 июля 1915 г. – Киев, 1916. С.33.
81. //Львовский Вестник. 1915. 27 марта.
82. //Прикарпатская Русь. 1914. 4 декабря; //Львовский вестник. 1915. 27 марта.
83. //Львовский вестник. 1915. 2 мая.
84. Там же.
85. Совет министров Российской Империи в годы первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. – СПб., 1999. С.117, 386
86. //Украинская жизнь. 1915. № 1. С.81.
87. См.: Украинская жизнь. 1914. № 8–10. С.104.
88. РГВИА. Ф.2005. Оп.1. Д.13. Л.17 об.
89. Там же. Л.4 об.
90. РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.878. Л.9, 17.
91. //Прикарпатская Русь. 23 октября. 1914.
92. РГВИА. Ф.2005. Оп.1. Д.13. Л.10 об.
93. РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.895. Л.100.
94. Отчёт представителя Министерства торговли и промышленности о нефтяной промышленности Галиции и казённом заводе в Дрогобыче. – Киев, 1915. С.5.
95. РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.895. Л.99.
96. Там же. Л.101–101 об.
97. Там же.
98. Отчёт представителя Министерства торговли и промышленности о нефтяной промышленности Галиции и казённом заводе в Дрогобыче. – Киев, 1915. С.7.
99. //Львовский вестник. 10 марта. 1915.
100. //Львовский вестник. 14 марта. 1915.
101. Отчёт временного военного генерал-губернатора Галиции по управлению краем за время с 1-го сентября 1914 г. по 1 июля 1915 г. – Киев, 1916. С.24.
102. Там же. С.25.
103. См.: Лемке М.К. 250 дней в царской Ставке. – М.-Л., 1920. С.199.
104. Там же. С.200.
105. //Львовское военное слово. 1914. 25 ноября.
106. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.163. Л.5 об.
107. РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.895. Л.111.
108. Петрович І. Галичина під час російської окупації. – Львів, 1915. С.63.
109. РГИА. Ф.465. Оп.1. Д.18. Л.87.

Часть II

УНИЯ И ПРАВОСЛАВИЕ
В ВОСТОЧНОЙ ГАЛИЦИИ

ГЛАВА I УНИАТСКАЯ ЦЕРКОВЬ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Помимо распространения в Галиции русского языка, литературы, поддержки “москвофильского” течения накануне Первой мировой войны не менее насущным стал вопрос религиозный. В числе мер по усилению “русской партии” далеко не последнее место занимали попытки распространения православия среди униатского населения Галиции. Эта задача выходила далёко за рамки политической борьбы и затрагивала взаимоотношения униатской, православной и католической церквей, которые на протяжении многих столетий были чрезвычайно сложными. С момента разделения церквей Рим начинает предпринимать шаги к воссоединению. Но уже в XI в. стало очевидным, что достичь соединения со всей православной церковью (именуемой в Риме “схизматической”) не удастся. И тогда явилась идея унии – подчинения православной церкви католической при сохранении православного обряда.

В XV столетии, когда Византийская империя доживала последние годы, император Иоанн Палеолог принял предложение Рима о заключении церковной унии, и сам лично со многими епископами восточной церкви отправился в 1438 г. на Ферраро-Флорентийский собор, созванный папой Евгением IV. После продолжительных споров уния была принята с признанием первенства папы римского над церковью и с принятием католического учения об исхождении Духа Святого от Отца и Сына, о чистилище, при сохранении православных обрядов, греческого языка при богослужении, брака священников и причащения под обоими видами. Но и тогда значительная часть епископата православного Востока была против унии. В 1443 г. епископы, не принявшие воссоединения с Римом, собрались на собор в Иерусалиме и предали флорентийскую унию проклятию. Таким образом, Флорентийский собор 1439–1440 гг. был лишь временным успехом Рима, поскольку православный

Восток не признал постановлений собора. Пожалуй, уже с этого момента определилась дальнейшая историческая роль унии не как особой церкви, а как переходной ступени в деле объединения церквей под главенством Рима. После того, как решения собора были отвергнуты и в Московской Руси, римская политика унии избрала своим объектом православную Церковь на территории Польско-Литовского государства.

В 1596 г. Брестский собор принял унию, распространив её действие на юго-западные русские земли, вошедшие к тому времени в состав католической Польши. Там усилия Рима привели к успеху, который, однако, не был окончательным. Во-первых, новосозданная униатская церковь росла слишком медленно, во-вторых, часть православных с самого начала оказала сопротивление унии.

После Андрусовского мира 1667 г., отдавшего в руки Москвы восточную Украину и Киев, распространение унии на Волыни, Подолии и Белоруссии пошло более быстрыми темпами. Но установление Римом унии в западнорусских землях было процессом весьма болезненным и продолжительным. Там постоянно возникали противоречия между православием и католичеством. В дальнейшем постоянно имело место движение за возвращение из унии в православие. Так, необычайно сильным было народное движение за возвращение из унии в 60-е гг. XVIII в. в малорусских землях, входивших тогда в состав Речи Посполитой.

Буллы об унии папы Климента VIII сохраняла за униатской церковью её греческий обряд. Но с течением времени католический епископат начинает проводить свою собственную политику, направленную на изменение восточного обряда униатской церкви и сближение его с обрядом католическим. Этот процесс вошёл в историю под названием "латинизации униатской церкви". Основной целью латинизации была окончательная ликвидация внешних различий между унией и католичеством, что в перспективе должно было затруднить переход униатов в православие. Апогеем латинизации стал Собор в Замостье в 1720 г.

Собор был созван униатским митрополитом Львом Кишкой. На этом соборе уния была провозглашена единственной законной церковью наряду с католической в пределах Речи Посполитой. Собор в Замостье стал своеобразным итогом успешной политики полонизации и латинизации униатского населения Речи Посполитой. На основе решений этого собора возникло то, что позднее получило название русинской церкви (*ruthenische Kirche*) и русинского обряда (*ruthenischer ritus*). Хотя в решения собора была включена оговорка, что собор не отменяет ни одного декрета прежних пап и ни одного постановления предшествующих соборов о принятых в греческой церкви обрядах, но, по сути, собор в Замостье изменил обряд, утверждённый для униатов папой

Климентом VIII. Решения собора 1720 г. означали не что иное как ускоренную латинизацию. После этого началось деятельное преследование православия. С 1732 по 1743 г. было обращено в унию 128 православных монастырей (1). При этом униатские епископы, вероятно, полагали, что окатоличивание литургической жизни униатской церкви приведёт к её уравниванию с римской. В течение десятков лет в греко-католические храмы вводились элементы католического богослужения, что отражалось и на порядке совершения богослужений и на убранстве храмов. Но при этом, почти с самого начала существования унии католический епископат не желал рассматривать униатскую церковь как полноправную составляющую католической церкви, а был озабочен, в конечном итоге, только расширением последней.

В XVIII в. в связи с изменением границ Российской Империи, расширением её территории на Запад часть униатов становятся российскими подданными и воссоединяются с православием. В 1772 г. по первому разделу Польши единственная в Польше православная епархия была присоединена к России. К ней же после последующих разделов, кроме Галиции, отошли области с преобладанием православного населения. Оставшиеся за пределами Российской Империи православные церкви и монастыри оказались в крайне тяжёлом положении и постепенно вытеснялись католиками и униатами. В итоге, униатское население было “поделено” между Россией и Австрией, и с конца XVIII в. униатская церковь существовала на территории этих государств в совершенно разных условиях.

После перехода части польских земель в состав Российской Империи начинается воссоединение униатов с православием. Но выход из унии населения западнорусских земель при наличии традиционного тяготения к православию не был непрерывным. Более того, периодически это стремление угасало. Как это было, например, в конце XVIII – начале XIX в. после перехода к Российской Империи Литвы, Гроднинщины, Холмщины и других земель. В конце XVIII в. при императоре Павле I переходы из унии в православие почти прекратились. Управление униатскими церквями было передано в руки римско-католической коллегии. Особенное внимание на дела униатской церкви было снова обращено в 30-е гг. XIX в. В 1828 г. для управления делами униатской церкви была учреждена особая греко-униатская коллегия, в Гродненской губернии была открыта семинария для образования униатского духовенства, закрыта часть базилианских (униатских) монастырей. Все эти меры имели одну конкретную цель – понизить в униатской церкви влияние католичества за счёт укрепления и распространения в ней восточного обряда.

Постепенность правительственных мероприятий по приближению унии к православной церкви была нарушена польским восстанием 1830–1831 гг. Для российского самодержавия всегда несомненным было влияние католицизма на антирусские настроения в Царстве Польском. Считалось также, что уния последовательно исползуется Ватиканом для окатоличивания населения юго-западных и западных территорий Российской Империи. Активная же проповедь католического духовенства, в свою очередь, служит для обоснования притязаний поляков на эти территории как исконно польские и населённые исключительно католиками. Именно такими соображениями руководствовалось самодержавие во второй трети XIX в. Эта позиция подтолкнула российское самодержавие в середине 30-х гг. XIX в к ускорению воссоединения унии с православием, которое состоялось в 1839 г. на церковном соборе в Полоцке (2).

Эти события показали, что не только для католической, но и для православной церкви уния была некоей промежуточной ступенью на пути к соединению с той или иной церковью. И если в XVIII в. уния рассматривалась в большей степени как вопрос сугубо религиозный, как проблема межконфессиональных отношений, то в 30-е гг. XIX в. в Российской Империи окончательно формируется не только церковная, но и политическая позиция в отношении унии, а проблема сближения униатов с католичеством или православием приобретает всё более “светское” звучание.

В правление Николая I основными средствами достижения единства Российской Империи считались единство власти и веры (“православие, самодержавие, народность”). В контексте теории “официальной народности” воссоединение униатов с православием становится не просто возвращением к вере предков, а средством укрепления духовного единства российского государства.

Граф М. К. Муравьев в письме к графу Д. Н. Блудову от 12 октября 1834 г. писал, что не занимаясь вплотную униатским вопросом, “правительство упускает из вида важнейший предмет возрождения здесь (т. е. в Литве и Белоруссии – А. Б.) истинной российской народности, сие сильнейшее оружие, могущее со временем уничтожить господствующие здесь ложные и превратные понятия и ускорить время слияния сей страны с древним отечеством” (3). Действительно, к середине 30-х гг. XIX в. крупнейшие правительственные чиновники смотрели на ликвидацию унии как на политическое средство установления более тесных связей западнорусских территорий с имперским центром. Правительственная позиция в отношении к унии сохранялась на протяжении всего последующего периода.

К середине XIX в. на территории Российской Империи уния сохранилась только в пределах Люблинской и Седлецкой губерний, входивших в состав Царства Польского. Польское восстание 1863 г. послужило новым толчком к ликвидации остатков унии, что и произошло в 1875 г. Таким образом во второй половине XIX столетия уния прекратила своё существование на территории Российской Империи. Обусловлено это было целым рядом факторов, нередко прямо противоположного характера: стремлением униатского населения к православию, волонтаристскими действиями русских властей, направленными, как уже было сказано выше, на объединение государства не только в территориальном, но и в духовном плане. К началу XX в. униатская церковь практически сохранилась только на территории Австро-Венгрии. И в это время и в Ватикане, и в С.-Петербурге униатскую церковь не рассматривали как полноправную конфессию, а только как переходную ступень к католицизму или православию.

Уния в Галиции утвердилась несколько позже. В 1696 г. принял унию Перемышльский епископ Иннокентий Виницкий и в 1700 г. – Галицко-Львовский и Подольский епископ Иосиф Шумлянский. Утверждение унии на этих землях практически совпало с процессами её активной латинизации. Начиная с XVIII в. стала проводиться политика окатоличивания этих земель за счёт постоянного расширения прав польского населения Галиции и укрепления католической обрядности в униатской церкви.

Международный трактат 1772 г. выделил из Польши епархии – Перемышльскую, Львовскую (без части Подолии) и значительную часть Холмской и Луцкой. Все они принадлежали к Киевской митрополии. После окончательного раздела Польши и урегулирования вопроса о границах между Австрией и Россией в Австрии было отменено отдельное существование Холмской и Луцкой епархий, остатки их присоединены к Перемышльской и Львовской, а от последней был отделён округ Каменец-Подольска, хотя львовские архиепископы и удержали титул епископа Каменецкого. Кроме политических мотивов на эти перемены имела влияние и судьба униатской церкви в России. Когда в России в 1795 г. была уничтожена униатская митрополия, австрийское правительство в 1808 г. восстановило прежний сан галицкого митрополита и дало его львовскому архиепископу.

Население территории, присоединённой Австрией в 1772 г., на две трети составляли русины, т.е. униаты. Национальная и религиозная обособленность большинства населения присоединённой Польши была до определённой степени новостью для австрийского правительства. Это обстоятельство было удобным для Вены при формировании политики

в отношении польской шляхты. К этому моменту униатская церковь в Галиции находилась в крайнем упадке. Этот кризис был следствием латинизации унии и активного распространения католичества на территории Речи Посполитой в предшествующие годы.

Присоединение части Польши к Австрии оживило жизнь униатской церкви. Руководствуясь политическими соображениями, стремлением нейтрализовать активность польской шляхты, а также необходимостью урегулировать самые разнообразные стороны жизни новой территории, австрийское правительство провело ряд реформ, улучшивших положение униатского духовенства. Реформы подняли материальный и образовательный уровень униатских священников, а назначение митрополита повысило престиж униатской церкви.

Массовое воссоединение униатов с православием в России в первой половине XIX в. заставило римскую курию изменить своё отношение к галицийским униатам и отказаться от политики, направленной на ликвидацию унии, сохранять её в качестве трамплина для реализации в будущем планов воссоединения церквей. В 1856 г. униатскому митрополиту Михаилу Левицкому был дан титул кардинала, в 1863 г. было подтверждено запрещение перехода униатов в латинский обряд и т. д.

Меры австрийского правительства и позднее римской курии, направленные на укрепление униатской церкви, объективно способствовали денационализации духовенства, а затем и его паствы. Получение униатскими священниками высшего образования вело к ополчению духовенства, активному восприятию им польского языка и культуры. С протестом против такой аномалии выступило духовенство Перемышльской епархии, находившейся в 1818–1847 гг. под управлением епископа Ивана Снигурского. С этого момента можно говорить о начале развития национального самосознания униатского духовенства и паствы. Фактически выявляется важнейшая особенность развития униатской церкви в Галиции: уния становится для русинов “национальной” церковью. При этом отличие от католиков видится именно в сохранении восточного обряда. Неискушенное в богословских вопросах крестьянское русинское население воспринимало именно внешние отличия, плохо понимая, что основа – догматика – едина и у униатов, и у католиков. В сознании массы русинов уния к середине XIX в. была самостоятельной церковью, отличной от католической. Такое положение озаботило Ватикан. Австрийское правительство во второй половине XIX в. также было солидарно с римской курией, так как к этому времени весьма дорожило лояльностью поляков в Галиции. В итоге в этот период начинается новая волна латинизации галицийских униатов.

К началу XX в. в латинизации восточного обряда были достигнуты существенные успехи: введён культ сердца Иисуса и сердца Пресвятой Девы Марии, латинский чин благословения Святых Даров, “тихие литургии”, продолжавшиеся 20–30 минут, католические престолы в храмах, некоторые католические праздники и т. д. Причём в каждом случае эти изменения были весьма индивидуальны. Писатель М. И. Пришвин, посетивший Львов зимой 1915 г., писал, что там идёт “тайная война” между восточным и западным обрядом. “И в церквах, посещаемых мною в это утро, я везде встречал отголоски этой войны: тут боролись между собой различные формы поклонов, перстосложений, напевов, цветов на свечах. Смотря по тому, кто был патроном церкви, она имела вид то католической, то восточной; скамьи для сиденья, то очень большие заполняли как в костёлах всё пространство для молящихся, то сокращались до половины, то вовсе исчезали, и только маленькие, незаметные лепились у самых стен. Иконостасы то закрывали алтарь доверху, то ажурные и узенькие делали видимой всю службу, как у католиков... Тициановские слащавые пухленькие лица... боролись с греческими постными ликами, хоровое пение с органными звуками, колокольчики – с тимпанами” (4). Помимо латинизации обряда к началу XX столетия были существенным образом реформированы униатские монастыри.

Униатское монашество с начала XVII в. было объединено в братство или Базилианский орден с центром при виленской Свято-Троицкой обители. Орден был учрежден в 1617 г. униатским митрополитом Иосифом Рутским. Подчинялся орден непосредственно Папе. В состав Базилианского ордена могли вступать также и католики. Избранные и поставленные из числа базилиан епископы обязывались навсегда оставаться членам ордена и в своих епархиях служить его задачам. В Риме орден имел особого прокуратора, через которого получал все распоряжения Папы.

Оценка значения Базилианского ордена в литературе была и остаётся очень разной. В отечественной литературе начала XX в., придерживавшейся консервативного направления, утвердился взгляд на Базилианский орден как основу православного монашества в Галиции, именно поэтому разгромленный впоследствии иезуитами. Существует также противоположное мнение, сводящееся к тому, что Базилианский орден не был собственно орденом монашеским, а представлял из себя обычное церковное братство, а собственно монашеская жизнь в ордене к середине XIX в. прекратилась окончательно. И реформа ордена второй половины XIX столетия, предпринятая папой Львом XIII (5), была направлена именно на подъём монашества в униатской церкви.

В 1882 г. была издана папская булла, согласно которой все базилианские монастыри передавались в управление и под опеку иезуитов с изъятием их из-под власти епархиальных архиереев (6). С этого момента внутри ордена, несмотря на его принадлежность униатской церкви, утвердилась католическая монашеская традиция.

Латинизация униатской церкви в Австро-Венгрии к началу XX в. привела к тому, что весьма частыми стали переходы из унии в латинство, поскольку население переставало видеть какие-либо существенные различия между униатской и католической церковью. По некоторым данным во Львове в 1903–1908 гг. число обращающихся в католичество возросло с 15% до 80% от всех переходов из одного исповедания в другое за указанный период. Но в целом большинство населения Восточной Галиции к началу XX в. принадлежало к униатской церкви.

Галицкая греко-католическая (униатская) церковь признавала своим главой папу римского. Он обладал правом утверждения (“преконизации”) галицкого митрополита, являвшегося иерархическим представителем галицкой униатской церкви и имевшего официальный титул: “Божиею милостию и святого апостольского престола благословением митрополит Галицкий, архиепископ Львовский, епископ Каменецкий, член палаты вельмож австрийской державной думы, член и вице-маршал сейма королевства Галичины и Володимерии с великим княжеством Краковским”. Митрополит утверждал епископов Перемышльского и Станиславовского, состоял председателем церковного суда. При каждой епископской кафедре в Галиции существовал капитул, состоящий из представителей духовенства города, где расположены кафедры, консистория. Вспомогательными органами епархиального управления являлись деканы и вице-деканы. Всего в трёх епархиях Галиции было 115 деканатов, в которых насчитывалось 1873 самостоятельных прихода. Кроме того, при этих приходах имелось свыше тысячи приписных, так называемых дочерних церквей с 2325 священниками. К началу XX в. в Галиции было более 4 млн униатских священников, которые руководили более чем 3,5-миллионной паствой. Одной из причин стабильности униатской церкви в Галиции было то, что греко-католическое духовенство пользовалось колоссальным авторитетом. Во многом это было связано с тем, что положение приходского священника достигалось весьма постепенно.

Во-первых, существовал высокий образовательный ценз. Будущие священники обучались на богословском факультете Львовского университета. Только после окончания курса богословского факультета и сдачи специального экзамена кандидат в священники получал право на рукоположение в сан. Система университетского образования стави-

ла униатского священника на одну ступень с интеллигенцией, значительно ослабляла сословное обособление духовенства, укрепляя его связи с паствой.

Во-вторых, прежде чем получить самостоятельный приход, необходимо было прослужить несколько лет в должности помощника приходского священника. Все эти правила строго соблюдались, и результатом было то, что приходскими священниками становились люди с достаточным образованием и опытом. Галицийское духовенство принимало активное участие не только в духовной, но и социально-культурной жизни своей паствы. Это участие широко поощрялось епископатом и рассматривалось как необходимая составляющая пастырской деятельности. “Мы, всечестные отцы, – обращаясь к галицийскому духовенству митрополит Андрей Шептицкий, – должны во всём сблизиться с народом... Сближаясь с народом, мы должны, как граждане, а тем более как пастыри, поддерживать всякое культурно-экономическое стремление, к которому наши люди рвутся” (7). Крестьяне в Галиции на вопрос о священнике нередко отвечали, что “бацюшка у нас решительно везде голова: и в церкви и вне церкви” (8).

В начале XX в. на территории Галиции, помимо униатов, насчитывалось около 2 тыс. православных. В основном, это было население граничащих с Россией уездов – Бродского и т.д. Сохранение принадлежности к православной церкви незначительной части населения Галиции было обусловлено традиционными прочными связями с Почаевской Лаврой, где периодически униаты из Галиции принимали православие. Количество таких переходов было невелико: по данным конца XIX в., одно–два обращения в год. Именно эти люди и их потомки составляли православное население Галиции.

Хотя в указанный период в Восточной Галиции были зафиксированы случаи перехода из унии в православие, но всё-таки население Галиции стремилось остаться в унии, поскольку вероисповедание для населения Галиции означало и национальную принадлежность. По мнению подробно изучавшего этот вопрос Н.В. Кабузана, переход с украинского языка на польский при сохранении униатской конфессии не вёл непосредственно к перемене этнической принадлежности (9). По его подсчётам, языковая ассимиляция украинского населения Восточной Галиции начиная с 1890 г. была гораздо более быстрой, чем ассимиляция конфессиональная. Поэтому в начале XX в. на фоне усиления украинофильского движения в Восточной Галиции как никогда возросло значение греко-католического обряда именно как средства национальной самоидентификации. Помимо этого, упрочение униатской церкви в Галиции было в эти годы связано с активной деятельностью митрополита Андрея Шептицкого.

21 апреля 1900 г. скончался галицкий митрополит Юлиан Куиловский. На его место 17 декабря 1900 г. был назначен епископ Андрей Шептицкий. Митрополит униатской церкви в Галиции Андрей Шептицкий был сыном польского графа Яна Шептицкого и его жены Софьи, дочери польского драматурга графа Александра Фредро. Он родился 29 июля 1865 г. в родовом имении отца в селе Прилбичи и был назван Роман-Александр-Мария. По рождению Шептицкий был католиком. Но род Шептицких вплоть до 1700 г. принадлежал к греко-католическому исповеданию. Дед будущего митрополита перешёл в католичество. В роду Шептицких были иерархи униатской церкви, причём трое из представителей этого рода в XVIII в. занимали епископскую кафедру Львова: митрополит Лев Шептицкий (1748–1778 гг.), основатель собора святого Юра; Анастасий Шептицкий, в 1715–1746 гг. епископ Перемышльский и позднее Львовский, и архимандрит Варлаам Шептицкий, бывший в 1710–1715 гг. епископом во Львове. Образование будущий митрополит Андрей Шептицкий получил в Кракове. После окончания краковской гимназии он был призван на военную службу. В австрийской армии Шептицкий служил в 1883–1884 гг., затем продолжил образование в Краковском университете, окончив его с дипломом доктора права в 1887 г.

Согласно официальной версии, решение принять монашеский постриг возникло у Шептицкого ещё до поступления в университет. Но для родителей, особенно для отца, было полной неожиданностью решение сына стать не католическим, а униатским священником. Отец Шептицкого был категорически против решения сына вступить в орден базилиан и настоял на отсрочке, потребовав, чтобы сын сначала окончил университет и получил диплом юриста.

Будучи в университете, Шептицкий слушал лекции в Бреслау, Мюнхене и Вене. Кроме того, период, предшествовавший постригу был отмечен частыми поездками Шептицкого в Рим, Венецию и Киев. Последней в этом ряду была поездка в Рим в 1888 г. (10). С 1886 г. духовником Романа Шептицкого, у которого он находился в полном послушании, был духовник его матери Генрих Яцковский (11). Он был членом ордена иезуитов, а с 1882 г. занимался по поручению Папы Льва XIII реформированием ордена базилиан.

После окончания университета молодой граф Шептицкий стал послушником в базилианском монастыре и перешёл в униатство. Сразу же после этого граф Роман Шептицкий принял монашество с именем Андрей. После пострига молодой монах провёл несколько лет в базилианском греко-католическом монастыре в Добромиле (12). В 1892–1894 гг. получил богословское образование в Кракове.

Каковы были причины столь резкого поворота в судьбе молодого польского аристократа, сказать сложно. Официальная версия, появившаяся в газетах уже после того, как Шептицкий стал униатским митрополитом, гласила, что он во время службы в армии тяжело заболел и дал обет, что, если выздоровеет, то возвратится к вере своих предков и примет монашество. Русская периодическая печать и публицистика в начале XX в. опровергала версию искреннего обращения Шептицкого, намекая на то, что его переход в греко-католичество был хитроумным маневром иезуитов, стремившихся к окончательному воссоединению галицких униатов с католичеством.

Современная зарубежная историография также не даёт определённого ответа на этот вопрос. С одной стороны, ряд исследователей утверждает, что отец Шептицкого воспитал в сыне уважение к знаменитым предкам, чувствуя свои украинские корни: “Богатое прошлое семьи разбудило в Романе желание последовать по стопам своих предков, вернуться к своему народу, к своей церкви и служить им в качестве священника и монаха”, – пишет Иван Мижучка в своей работе “Шептицкий в Российской Империи” (13). С другой стороны, тот же Мижучка не берёт на себя смелость отрицать, что отцы-иезуиты были частыми гостями в поместье Шептицких и также имели влияние на молодого графа (14).

Относительно перехода графа Романа Шептицкого в униатство, принявшего постриг в базилианском монастыре в Добромиле, к настоящему моменту сложились две версии. Согласно первой – переход этот был итогом сложного духовного пути графа Шептицкого, по второй – итогом не менее сложных политических ходов отцов иезуитов, стремившихся к ликвидации униатской церкви самыми разнообразными средствами. В целом, ни версия о целенаправленной политике ордена иезуитов по внедрению своего ставленника в греко-католическую иерархию, ни версия об искреннем возвращении к вере предков не имеют достаточных аргументов, подтверждаемых широким кругом источников, и можно с уверенностью говорить лишь о факте перехода Шептицкого из католичества в униатство, разрешённом Ватиканом.

При этом, следует отметить, что споры вокруг целей перехода Шептицкого в униатство во многом излишни. Для униатского и католического духовенства уния не являлась самостоятельной, отличной конфессией. Единство католической догматики, составлявшее смысл унии, ставило знак равенства между ними. Любой священник прекрасно понимал, что конфессиональные различия между унией и лагитством отсутствуют, существует лишь разница в обрядах, которая является чисто внешней. Поэтому решение Шептицкого стать униатским священником

ни в коей мере не было сменой вероисповедания. Он менял лишь обряд, оставаясь как и прежде католиком.

В 1899 г. Шептицкий, которому было 34 года, стал епископом Станиславовским. За время управления своей епархией он приобрёл широкую известность и репутацию последовательного защитника интересов униатской церкви. Будучи в Станиславове, он предпринял целый ряд мер к сохранению чистоты греко-католического обряда и памятников церковной старины: с этой целью он издавал распоряжения о том, чтобы униатское духовенство не уничтожало и не продавало старинных вещей – богослужебных книг, облачений и т. п.; учредил в Станиславове музей. Станиславовский епископ Андрей Шептицкий стал последовательным противником подчинения галицкой униатской церкви в Риме конгрегации (15) *propagandae di fide*, существующей для распространения католичества между язычниками. Подчинение данной конгрегации, по мнению станиславовского епископа, принижало достоинство униатской церкви в Галиции, о чём он неоднократно высказывался. Всего за год управления епархией епископ Шептицкий приобрёл огромную популярность и любовь своей паствы.

В российской публицистике начала XX в. неоднократно отмечалось, что когда епископ Андрей Шептицкий стал митрополитом, его отношение к вопросу о чистоте восточного обряда изменилось. О роли митрополита Шептицкого в униатской церкви в России чаще всего писали так: "... для ловкого польского графа-католика и украинофильство, и уния есть только средство к ослаблению русской народности в Галиции и подчинению её полякам. Он сочувствует украинофильству лишь постольку, поскольку эта немецкая выдумка разъединяет русский народ и даёт возможность «пустить русина на русина». И самую унию он ценит лишь как орудие для этого разъединения и мост для перехода к чистому католичеству, для каковой цели он постепенно, но неуклонно латинизирует восточный униатский обряд" (16). Но изменения в богослужении униатской церкви нередко приписываемые русской периодической печатью начала века исключительно деятельности митрополита Шептицкого, происходили в течение XIX – начала XX столетий. Деятельность же Шептицкого как главы униатской церкви в Галиции была более сложной и выходила далеко за пределы пастырских задач главы Львовской митрополии.

Взаимоотношения между русской православной церковью и римско-католической с XVIII в. и вплоть до 1917 г. были весьма сложными и "омрачены взаимными антипатиями" (17). Католическая церковь не раз пыталась привлечь русскую православную церковь предложениями унии, но эти предложения неизменно отвергались. При этом, Рим не

всегда обращался к епископату русской православной церкви, а часто действовал обходными путями.

Но, несмотря на отрицательное отношение к римско-католической церкви, внутри некоторой части русского общества и православного духовенства периодически возникало стремление к воссоединению церквей, правда, без признания примата папы римского. Но отдельные частные мнения никоим образом нельзя отождествлять с позицией, доминировавшей в русских церковных кругах. Православное духовенство не считало возможным вступить в какие-либо переговоры с римско-католической церковью по вопросу об объединении. Наиболее активная пропаганда католицизма в России пришлась на первую половину XIX в. После этого интерес к католицизму значительно уменьшился. Начиная с 30-х гг. XIX в. Россия подверглась влияниям совсем другого рода – влиянию социалистических учений и гегелевской философии, которые стали вытеснять религиозные интересы из общественной мысли. Одновременно оживился и интерес к собственной истории, разгорелась полемика между западниками и славянофилами. Обсуждение темы “Россия и Европа” открыло простор для критики европейского пути в истории – пути, по которому пошла католическая церковь. Внутриполитическое развитие России после реформ Александра II окончательно отвлекло внимание общества от католицизма (18). Интерес к нему, как и полемика против него почти полностью утасли.

Но к началу XX столетия взаимоотношения России и Ватикана несколько оживились. Вызвано это было чисто религиозными и политическими проблемами. В начале XX столетия перед католической и православной церквями встала весьма сложная проблема, связанная с активным развитием протестантизма. Это течение в политическом плане представляло существенную опасность для Ватикана, так как его распространение в Европе и Америке имело своим непосредственным итогом потерю лидирующей роли католической церкви во многих государствах. Это обстоятельство заставляло Рим искать союзников в борьбе против протестантов.

В секретном донесении представителя Петроградского телеграфного агентства В. Сватковского в российское Министерство иностранных дел от 13 октября 1916 г. сообщалось о частной беседе с одним из высших иерархов католической церкви о сотрудничестве католической и православной церквей “для совместной кампании... против протестантизма” (19), в которой последний заметил, что протестантизм – враг, “непримиримый враг христианской веры” (20). Но собственно предложение объединения усилий для борьбы с протестантизмом даже в частной беседе было ни чем иным как предложением заключить унию

с Римом. “Догматические различия, по мнению католического сановника, никоим образом не должны мешать сближению, по крайней мере, в глазах католической церкви... Обрядовые различия в наше просвещённое время значения не имеют...”, – сказал католический иерарх в беседе со Сватковским (21). Такой “прогрессивный” подход к проблеме взаимоотношений православной и католической церквей был ни чем иным как одной из многочисленных попыток начать новые переговоры об унии.

Не менее важным для Ватикана к началу XX в. стало установление контактов не только в православной церковью, но и с российским правительством. В конце XIX столетия папа Лев XIII выступил с инициативой установления тесных дипломатических связей Ватикана с Россией и учреждения в Российской Империи нунциатуры (22). Переговоры об учреждении нунциатуры вскоре зашли в тупик вследствие активного противодействия Святейшего Синода, возглавляемого тогда К.Г. Победоносцевым. Немецкий историк Э. Винтер считает, что это стремление папы Льва XIII было вызвано целым рядом причин далеко не церковного характера. Папа Лев XIII в своей политике активно поддерживал Францию и хотел, в первую очередь, обеспечить установление франко-русского дипломатического союза. Дипломатические инициативы папы Льва XIII в 90-х гг. XIX столетия получили определённую поддержку со стороны России. На Ватикан рассчитывали как на опору в урегулировании польской проблемы, своеобразную идеологическую поддержку в борьбе с польским национальным движением.

В 1903 г. папа Лев XIII скончался. На папский престол в 1903 г. взошёл итальянский кардинал Джузеппе Сарто под именем Пия X (23). Новый папа был выходцем из северо-восточной Италии и с большим почтением относился к дому Габсбургов. Косвенное участие австро-венгерского правительства в избрании Пия X на папский престол было несомненно. И вскоре Пий X заверил австро-венгерского посла при папском престоле в своей готовности “обращать особое внимание на сохранение лучших отношений с Австро-Венгрией и ... по возможности выполнять... обоюдные желания” (24). В целом, и на этом сходятся большинство исследователей различных направлений, с 1903 г. стало возможным говорить о новой политике Ватикана. Одним из элементов этой политики стало изменение отношения к Франции и России и тенденция к поддержке Австро-Венгрии (25). Это обстоятельство осложнило взаимоотношения Российской Империи и Ватикана, но не прекратило их. Своеобразным связующим звеном для дальнейшего развития связей с Ватиканом стало отношение папы Пия X к Польше.

Пий X вообще не одобрял славянские национальные течения. Это распространялось и на Польшу. Когда возникли трудности из-за языка, на котором должно было вестись преподавание католической религии на польской территории Пруссии, папа в беседе с одним прелатом, сказал: “Ох, эти поляки! Они прежде всего – поляки, затем – снова поляки и, в третьих, поляки, и только потом немного католики”. Об этом высказывании сообщил М.Ф. Шиллинг в своём донесении министру иностранных дел А.П. Извольскому от 1 октября 1907 г. (26). Заинтересованность в возможной поддержке Ватиканом русской политики в Царстве Польском была одним из существенных факторов, заставлявшим официальный Петербург откликаться на предложения Рима. Но наиболее широкие возможности для активной деятельности в России католическая церковь получила в апреле 1905 г.

Указ от 17 апреля 1905 г. “Об укреплении начал веротерпимости” облегчил возможность перехода из одного исповедания в другое, а также, по сути, лишил православную церковь исключительного права проповеди своего учения на территории Российской Империи. Весной 1905 г. значительное число бывших униатов северо- и юго-западных губерний Российской Империи, считавшиеся к тому моменту православными, выразили желание изменить исповедание. По официальным отчётам обер-прокурора Святейшего Синода, в течение 1905–1907 гг. 170935 бывших униатов перешли в римско-католическую церковь, поскольку уния в России официально не существовала. Такой очевидный успех заставил задуматься о перспективах деятельности католической церкви на западных окраинах России. Здесь, по мнению Ватикана, огромное значение могло сыграть не распространение католицизма в чистом виде, а именно унии, сохраняющей привычные для русского населения внешние признаки богослужения.

И именно униатской церкви в Восточной Галиции и её тогдашнему главе – митрополиту Андрею Шептицкому в начале XX столетия отводилась важнейшая роль в восстановлении унии на территории Российской Империи. В качестве главы униатской Церкви в австрийской Галиции митрополит Андрей Шептицкий был страстным поборником унии, но в то же время и противником последовательной латинизации униатской церкви, что вызвало к нему антипатию в польских католических кругах, особенно среди епископата. Митрополит Андрей считал, что “общее благо Церкви... требует, чтобы восточные христиане, т.е. православные, возвращаясь к церковному единству, не чувствовали себя в католической Церкви чужими... До тех пор, пока православные должны будут при воссоединении с нею приспособливаться к латинским обрядам..., о Вселенской Церкви у них образуется неверное искажённое

представление, они будут видеть в ней противника своей национальности и своих традиций..." (27). Он был не только сторонником укрепления униатской церкви в Галиции, но и её восстановления в Российской Империи. Шептицкий видел в привлечении населения юго-западных и северо-западных губерний России к унии важнейший шаг на пути воссоединения церквей под главенством Рима.

В 1907 г. митрополит Андрей посетил Рим и во время беседы с папой Пием X изложил ему свой взгляд на современную проблему унии. По мнению Щептицкого, необходимо было пойти по пути создания в России греко-католической иерархии как основы для восстановления униатской епархии или епархий. Правда, на первом этапе необходимо было соблюдать полнейшую секретность, чтобы избежать, с одной стороны, вмешательства католического духовенства в России, которое вряд ли сможет удержаться от введения своего обряда, и, с другой стороны, осложнений во взаимоотношениях русского правительства с Государственным секретариатом в Ватикане. Он считал и пытался отстаивать своё мнение в Ватикане, что пропаганду унии теперь надо строить на новой основе. Шептицкий утверждал, что не следует вводить латинских обрядов, к которым униаты, независимо от национальной принадлежности, в основном, испытывают сильную неприязнь. Следует создавать особую обрядность, в которой были бы сохранены православная литургия и другие богослужения. Главное – это признание примата папы, заключающееся в поминании его имени как главы Церкви. В ответ на предложения Щептицкого Пий X сказал: "Utere jure tuo (Пользуйся своим правом)". Но при этом, не дал никаких официальных полномочий униатскому митрополиту (28).

Это течение в католической церкви, одним из сторонников и ярчайших представителей которого был митрополит Андрей Шептицкий, получило название движения за византийский, или византийско-славянский, или восточный обряд римско-католической церкви (29). Причины возникновения этого движения выходили далеко за рамки проблем развития униатской церкви в Галиции и затрагивали как чисто конфессиональные вопросы взаимоотношений католической и православной церквей, так и политические интересы Российской Империи и Австро-Венгрии. Расчитывая на укрепление позиций католической церкви в Российской Империи, особенно после указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г., Ватикан принял ряд мер, которые должны были облегчить распространение католичества в России. Папским декретом от 22 июня 1907 г. русский язык был признан вторым церковным языком в римско-католической церкви в России. Конгрегация, в ведении которой находились вопросы обрядности, в 1906 г. дала разрешение служить литургию

в католических церквях России на церковно-славянском языке. Помимо распространения католичества в чистом виде целесообразным признавалось распространение унии, сохраняющей восточный обряд в богослужении.

Как было сказано выше, сторонником такого подхода стал митрополит Андрей Шептицкий. Формальным основанием для восстановления унии в Российской Империи должно было послужить существование униатской Каменецкой епархии на Украине. Львовская митрополия имела в своем составе Каменецкую епархию, находившуюся на территории Подольской губернии, в правобережной Украине. Хотя униатского населения после активной воссоединительной политики российских властей там почти не осталось, но статус епархии в униатской церкви был сохранён. Галицкий митрополит был одновременно архиепископом Львовским и епископом Каменец-Подольским. Униатские епархии, ликвидированные в России после воссоединения униатов, на основании норм канонического права можно было рассматривать как существующие: если кафедра остаётся незамещённой после смерти епископа, то епархия продолжает канонически существовать ещё целое столетие. На этом основании митрополит Андрей делал вывод, что униатские епархии, фактически ликвидированные русским правительством, канонически ещё существуют, а он, как епископ Каменец-Подольский, имеет право действовать и на территории Российской Империи. Российские власти относились к этому обстоятельству как к пустой формальности, но в Ватикане и Львовской митрополии рассматривали этот факт по-иному.

В 1896 г. православный священник Алексей Зерчанинов заявил о своей приверженности католической церкви, за что был послан по повелению Святейшего Синода в суздальский Спасо-Евфимиев монастырь. В 1901 г. влиятельные друзья выхлопотали ему освобождение при условии проживания под полицейским надзором в небольшом имении в Нижегородской губернии. Будучи в ссылке, Зерчанинов не утратил связей с католическим духовенством в России и за рубежом. В 1905 г. он посетил Шептицкого во Львове, а двумя годами позже, в мае 1907 г., писал ему, что считает его своим непосредственным руководителем в вопросах веры и думает о каноническом образовании греко-католической епархии в России “с гарантией полной религиозной свободы для католиков греко-католического обряда, в согласии с местными традициями” (30).

Зерчанинов фактически просил униатского митрополита стать во главе русской греко-католической общины. К этому моменту митрополит Андрей Шептицкий провёл соответствующие переговоры в Риме. Поэтому, когда священник Зерчанинов послал своё письмо униатскому

митрополиту, то Шептицкий, имевший благословение папы, официально назначил Зерчанинова своим представителем, обязанным осуществлять духовное окормление греко-католиков не только в Каменецкой епархии, но и в Российской Империи в целом. 29 июня 1907 г. митрополит Андрей подписал грамоту о назначении Зерчанинова своим заместителем в Каменецкой епархии (31).

1908 год был весьма богат событиями в плане стабилизации положения сторонников византийско-славянского обряда католической церкви в Российской Империи. Во-первых, в феврале 1908 г. Шептицкий вновь посетил Рим. Он попросил папу подписать ряд документов, подтверждавших его права относительно верующих греко-католиков в Российской Империи. Пий X предоставил митрополиту соответствующие документы, прося его сохранять всё в секрете (32). В этом же году Шептицкий инкогнито, по чужому паспорту, посетил Москву, С.-Петербург и Киев, стремясь установить контакты, в первую очередь, с духовенством, которое бы склонилось к союзу с Римом. Весьма успешно была начата деятельность священника Зерчанинова после назначения его заместителем митрополита Галицкого в Каменец-Подольской епархии. Зерчанинов получил разрешение вернуться в Петербург и в 1908 г. открыл там домашнюю церковь нового обряда. Но, несмотря на успешное начало, Зерчанинов столкнулся со значительными трудностями: церковь нового обряда не удалось официально зарегистрировать, и в перспективе проблему сложно было решить, так как не удавалось набрать необходимого количества подписей (не менее 50) для подачи прошения.

Русская католическая община в Петербурге была мала и почти не увеличивалась. Но среди её членов было несколько весьма влиятельных представителей петербургского высшего общества и именно на них, а не на Зерчанинова возлагал свои надежды митрополит Шептицкий, стремясь к легализации византийско-славянского обряда католической церкви в России.

Среди наиболее активных членов петербургской русской католической общины была Наталия Сергеевна Ушакова. Одно время она находилась под сильным влиянием княгини Елизаветы Григорьевны Волконской, перешедшей в католичество, и в начале XX в. стала одним из лидеров русского католичества. Ушакова занимала весьма значительное положение в петербургском высшем обществе и использовала свои связи и средства для создания русской католической общины восточного обряда. Она была двоюродной сестрой тогдашнего председателя Совета министров П.А. Столыпина. Именно от него она пыталась добиться официального признания новой католической общины. К переговорам

со Столыпиным её подталкивал и митрополит Андрей. В частном письме Н.С. Ушаковой в начале 1908 г. он писал: "... Прошу Вас...

3) употребить решительно всё свое влияние на кузена Вашего (т.е. П.А. Столыпина – А.Б.), чтобы нашему священному обряду была дана не меньшая свобода, чем латинскому...

4) спросить у кузена, на что могут надеяться русские восточного обряда со временем (т.е. какие законы предполагается ввести) и на что они могут рассчитывать теперь, – узнанное прошу подробно не отказать сообщить...

6) настоящее к Вам письмо прошу сохранить в совершенной тайне, принимая между прочим во внимание, что моя юрисдикция негласная, а потому её надо хранить в тайне...

Наталия Сергеевна! Дело идёт о весьма важном; если Россия сохранит свой великолепный обряд и постепенно обратится к единству, то и св. Церковь будет украшена, и Россия будет влиять через Рим на весь мир и обновит весь Восток, ибо от России зависит всё на Востоке. Затем действуйте энергично, осторожно" (33).

На просьбы Ушаковой Столыпин отвечал категорическим отказом. Единственное, на что он согласился, по свидетельству Ушаковой, это не замечать того, что делают русские католики. В частной беседе Столыпин сказал Наталье Сергеевне: "Существуйте, как существуете, делайте, что делаете, я буду смотреть сквозь пальцы" (34). Позиция Столыпина была более чем оправдана. Русская католическая община, на легализации которой настаивала Ушакова, в том виде, в каком она существовала в Петербурге в 1908 г., реальной опасности для государственной власти, для православия не представляла. Она была слишком мала, авторитет Зерчанинова как пастыря был невысок.

Но официальное признание этой общины стало бы ни чем иным как созданием базы для начала активной деятельности униатского духовенства в столице империи, с одной стороны; с другой, породило бы целый ряд новых вопросов в отношениях с Австро-Венгрией уже потому, что по своему официальному статусу митрополит Галицкий был сановником австрийского двора и являлся для русских властей представителем Австро-Венгерского правительства. Кроме того, царское правительство не столько волновала сама идея создания русско-католической церкви, сколько тот факт, что во главе этого движения будет стоять митрополит Андрей Шептицкий, который считался проводником австрийской политики, направленной на отделение Украины от России. Эта точка зрения присутствовала во всех документах российских министерств (МВД, МИД, Святейший Синод) (35). Все эти моменты были непоняты Ушаковой, вполне искренне заботившейся о развитии общины.

В частном письме она отмечала: “Что касается моего приезда во Львов, то он совершенно невозможен, так как если бы узнали как-нибудь, что я была там, тогда то малое, что я могу сделать для нашего дела в России, было бы бесповоротно кончено. Пока мы держимся только добрым или равнодушным отношением ко мне Столыпина. Против Львова и особенно владыки он и всё правительство очень враждебно настроены и, несмотря на мою горячую защиту митрополита, мне не удалось поколебать недоверие Петра Аркадьевича к нему, и он мне сказал очень резко: «Если хотите, чтобы дело шло, не надо никаких отношений со Львовом»” (36).

Пастырская деятельность священника Алексея Зерчанинова к 1911 г. несколько расширилась. Он имел в Петербурге довольно большую церковь, в которой служил по-прежнему неофициально, пользуясь нейтральным отношением П.А. Столыпина. После убийства Столыпина (3 сентября 1911 г.) эта церковь была закрыта. Поводом для её закрытия в 1913 г. послужило заключение о ветхости здания, которое могло в любой момент обвалиться (37).

В 1908 г. Шептицкий попытался вступить в контакт с русскими государственными деятелями и даже написал письмо Николаю II, подписав его “русский митрополит Андрей” (38), но ощутимых результатов не добился. Несмотря на неудачу в Петербурге, стремление Шептицкого создать и укрепить греко-католическую епархию в Российской Империи не ослабло. Были предприняты новые попытки создания не только духовной, но и материальной основы для существования новой епархии. Осенью 1908 г. граф Красицкий, видимо по просьбе митрополита Шептицкого, обратился к председателю Совета министров П.А. Столыпину с просьбой предоставить галицкому митрополиту право приобретения в отдельных районах Российской империи земельных участков для перепродажи галичанам-переселенцам. У автора записки графа Красицкого было два основных аргумента в поддержку этой просьбы. Во-первых, Россия может предоставить кров братьям, руководствуясь “соображениями чисто идейного, панславянского характера”. Во-вторых, “русские галичане, воспитанники культуры Запада, умеют возделывать почву лучше коренных русских крестьян, почему и составляют для России весьма и весьма желательный элемент... Принимая русин в свои пределы, Россия приобретает практически опытных, даровых деревенских инструкторов, даже ловких деревенских ремесленников, успешно борющихся в Галиции с недобросовестными евреями” (39). Записка Красицкого была составлена так, чтобы наверняка заинтересовать Столыпина, апеллируя к самым животрепещущим вопросам его политического курса: национальное единство Российской Империи и укрепление русской

народности на западных окраинах, и развитие культурных крестьянских хозяйств. Предлагая русскому правительству озаботиться приёмом эмигрантов из Галиции, автор записки обещал и идейные и материальные выгоды. Столыпин заинтересовался этим предложением, но понимая всю сложность проблемы и её международное значение, попросил министра иностранных дел А.П. Извольского представить заключение по данному вопросу, учитывая отношения России с Австро-Венгрией и “оценки означенного населения Галиции в смысле желательности привлечения его в Россию” (40). Были запрошены российский посол в Вене князь Урусов и российское консульство во Львове. В полученной из Львова подробной характеристике деятельности митрополита Шептицкого, в частности, говорилось: “Намерение гр. Шептицкого закупить земельные участки в губерниях, где много помещиков-поляков, ни что иное как хитро задуманный план, имеющий целью образовать, почти в центре Империи своего рода колонию русских и польских униатов, которая могла бы служить базой василианам (т.е. базилианам – А.Б.) для пропаганды унии и украинцам для сепаратистской агитации... Средств на это предприятие имеет граф Шептицкий достаточно.

Распространение унии и украинства в России одинаково является желательным как для Рима, так и для Вены, и на осуществление плана митрополита Андрея ни австрийское правительство, ни Ватикан денег не пожалеют...” (41). Занимавший тогда пост товарища министра иностранных дел С.Д. Сазонов письмом от 22 июня 1909 г. сообщал Столыпину, что “осуществление предприятия гр. Шептицкого по всей вероятности создало бы в России живой очаг пропаганды унии, польского и украинского дела” (42). В итоге, в просьбе предоставить униатскому митрополиту право покупки земель в России было отказано. Но попытки распространения унии в России не прекратились. В 1909 г. Шептицкий поручил одному из своих помощников установить контакты с бывшими белорусскими униатами с целью склонить их к возвращению в унию (43).

Активная деятельность сторонников унии на территории Российской Империи не могла оставить безучастным правительство. И, хотя были сделаны некоторые уступки сторонникам византийско-славянского обряда, (например, священнику Зерчанинову было разрешено совершать богослужения в Петербурге), в целом, отношение к подобной деятельности было весьма и весьма настороженное.

Таким образом, в начале XX в. Галиция стала базой для распространения унии, основой для реализации устремлений Ватикана в деле воссоединения церквей. Несмотря на то, что практический итог деятельности митрополита Шептицкого по восстановлению униатской

церкви в России в начале XX в. был весьма и весьма скромным, его действия не могли оставить безучастными ни правительственные верхи, ни Святейший Синод. Особую опасность пропаганда унии представляла для населения северо-западных и юго-западных губерний России, которое, несмотря на формальную принадлежность к православию, нередко тяготело к унии или католицизму. Российские правящие круги всячески стремились оградить население этих областей от “полонизации” и “окаатоличивания”. Любые попытки по распространению унии в этих губерниях воспринимались крайне негативно. Ответная реакция на них была однозначной: усиление позиций православной церкви и активное противодействие католическому влиянию. Укрепление православия на западных границах должно было, в первую очередь, способствовать национальной, культурной, духовной консолидации Империи. В решении этих задач на западных окраинах России особое значение государством отводилось православной церкви.

Центром православной жизни в указанном регионе была Почаевская Лавра. Основателем Почаевского монастыря был преподобный Иов, канонизированный Православной церковью. После собора в Замостье инок Почаевской обители были причислены к Базилианскому ордену, и с 1720 по 1831 гг. монастырь был униатским. Униаты и католики на протяжении этого времени благоговейно почитали Почаевскую икону Божией Матери. В 1773 г. икона была коронована. По смыслу церковной практики католической церкви коронация чудотворных икон значит то же самое, что канонизация по отношению к святым, – формальное каноническое признание данного образа чудотворным. Поэтому с 1773 г. Почаевская икона Божией Матери стала святыней не только для православной, но и римско-католической церкви (44). В эти годы Почаевский монастырь стал местом, одинаково почитаемым православными и католиками. В начале XX в. он призван был служить распространению православия в западно-русских землях. Миссионерской деятельностью обители придавалось огромное значение.

В 1902 г. в Житомир на Волынскую кафедру был назначен епископ Антоний Храповицкий. Прибыв в епархию, население которой много десятилетий находилось под польским и католическим влиянием, владыка обратил внимание на необходимость оживления церковной жизни и особенно на улучшение положения православной церкви в районе границы с Австро-Венгрией – в Почаевской Лавре. Там владыкой было организовано типографское братство, которое развило широкую просветительскую деятельность в народе через специальные народные издания. Владыка Антоний приложил массу усилий, чтобы повысить значение Почаевской Лавры как крупнейшего православного центра на западных границах Российской Империи.

Епископ Антоний понимал, что ничто так не привлекает верующих крестьян (а крестьянское население составляло большинство среди униатов Восточной Галиции), как торжественное богослужение и возможность поклониться святыням. Поэтому он сделал очень много для того, чтобы праздничные богослужения в Почаевской Лавре, действительно, стали торжеством православия в западных пределах Российской Империи. Он получил разрешение выносить из подземной пещеры раку с нетленными мощами преподобного Иова Почаевского, которая один раз в году попадала в храм, обносила́сь вокруг храма и на глазах всего народа при стократном пении “Господи помилуй” высоко поднималась и опускалась. Затем владыка организовал в Лавре постройку тёплого Троицкого собора, а также нового удобного помещения для паломников.

Под влиянием этих и других мер религиозное значение Почаевской Лавры быстро возросло. Она привлекала множество паломников не только из юго-западных губерний Российской Империи, но и из соседней Галиции (45). Возможность более или менее свободно пересекать австро-венгерскую границу позволяла местному населению совершать паломничества в Киев и Почаев. Жители пограничного Бродского уезда нередко имели родственников “за границей”, в России. Всё это способствовало проникновению православия в Галицию, особенно в приграничные уезды.

Паломничества галичан-униатов в Почаевскую Лавру обеспокоили греко-католическое духовенство и заставили принять ряд мер, ограждающих их паству от общения с православными в России. Митрополитом Андреем Шептицким были изданы многочисленные послания униатскому приходскому духовенству, в которых он требовал от местных пастырей “неуклонно и систематически выяснять народу злобедность православной церкви”, отговаривать прихожан от “душегубительного” паломничества в Почаев и Киев. Во исполнение этих инструкций, благочинный Бродского уезда требовал, например, чтобы крестьяне, прежде чем отправляться в Россию давали публично в церкви присягу, что они останутся верными католической церкви и будут держать себя вдали от всякого общения с православными святынями (46). Усилия Шептицкого в этом направлении увенчались успехом. Если в конце XIX в. число паломников из Галиции в Почаев составляло около 1000 человек в год, то к 1914 г. только 300–400 (47). В целом, до 1910 г. отношения между православием и католичеством на приграничных землях Австро-Венгрии и России не выходили за рамки обычных межконфессиональных отношений. В основе вероисповедной политики той и другой стороны лежало стремление оградить своё население от внешних влияний. При этом, распространение православия в Восточной Галиции, как

и католичества византийско-славянского обряда в России, шло весьма медленными темпами. Но затем и та, и другая стороны пристальное внимание начали уделять работе за границей. Уже говорилось о попытках Шептицкого восстановить в России униатскую епархию и добиться официального признания католических приходов восточного обряда. В это же время началось создание православных приходов в Галиции. К этому моменту в Галиции имелись крайне немногочисленные православные общины. Их существование поддерживалось за счёт близости Почаевской Лавры и тесной связи с лаврским духовенством. Основной проблемой в жизни этих общин было отсутствие священников. Эти общины ещё в 1903 г. обратились к архиепископу Антонию с прошением о принятии их под архипастырское управление. Тогда это прошение осталось без движения, поскольку официально православные общины Галиции находились под юрисдикцией Константинопольского патриархата. Но в 1910 г. вопросом распространения православия в Галиции и перспективами, которые открывало учреждение тех православных приходов, заинтересовалось Министерство внутренних дел.

14 февраля 1910 г. в российское консульство во Львове обратился с письмом директор департамента духовных дел МВД А.Н. Харузин. Он просил сообщить о том, какова “интенсивность русско-национальных влияний в Галиции” и о той роли, “которую играет в действительности религиозная агитация в пользу православия среди галицко-русских униатов”. По мнению Харузина, движение в пользу православия в Галиции можно было использовать против католицизма и полонизма в юго-западных губерниях Российской империи. Он считал, что для противостояния полонизму необходимо встречное националистическое движение в формировании и развитии которого важную роль может сыграть духовенство. Для этого Харузин предполагал организовать подготовку галичан-униатов в российских римско-католических семинариях для губерний юго-западного края. Эта мера, считал он, позволит иметь в России священнико-католиков “с русской идеей”, которые будут оберегать свою паству от полонизации (48). Из Львова Харузину ответили, что в Галиции существует “агитация к православной как национальной русской церкви”, что это движение имеет не столько религиозный, сколько национально-культурный характер, но, при этом, заметили, что в юго-западных губерниях России проживают, в основном, белорусы-католики, а “галицкие русские” – униаты, и вряд ли они захотят приехать в Россию для обучения в католических семинариях (49). Внимание МВД к вопросу о распространении православия в Галиции было обусловлено, в первую очередь, внутривластными задачами.

И, собрав интересующую информацию, ведомство внутренних дел активных действий не предпринимало.

Но, видимо, интерес министерских кругов к религиозным вопросам в Галиции повлиял на позицию Святейшего Синода, по инициативе которого в 1911 г. Вселенский патриарх разрешил трём православным священникам, галицким уроженцам, получившим православную хиротонию от патриаршего экзарха архиепископа Антония Волынского, явиться в Галицию. В с. Залучье приехал священник Иоанн Гудима, окончивший Львовскую семинарию и перешедший в православие, в с. Теляж – священник Иоанн Илечко, в с. Граб – священник Максим Сандович, окончивший Житомирскую духовную семинарию. Непосредственное попечение о православном духовенстве и его пастве было поручено Константинопольским патриархом с веденя Св. Синода архиепископу волынскому Антонию (Храповицкому). Выполняя возложенные на него обязанности, архиепископ Антоний незадолго до начала Первой мировой войны пытался увеличить число православных священников в Галиции до 25 и во время аудиенции у императора Николая II просил для этого ежегодную субсидию. По словам архиепископа Антония, император одобрил эту просьбу и передал дело В.Н. Кокковцову, тогдашнему министру финансов, где оно осталось без движения (50). Заметим, что в 1914 г., несмотря на разрешение патриарха, православный буковинский митрополит Владимир Репта издал через черновицкую консисторию распоряжение, в котором указывал, что церковная юрисдикция над Галицией принадлежит ему, и поэтому ни один рукоположенный в России священник не имеет права совершать там литургию и требы по православному обряду.

Появление в Галиции православных священников, создание приходов, распространение православной литературы обеспокоили как униатское духовенство, так и австрийские власти.

По этому поводу 31 марта 1910 г. галицкие епископы по благословению митрополита Андрея Шептицкого обратились с посланием к клиру, где отмечали, что в Галиции активно распространяются различные православные издания, особенно литература, направленная против канонизированного греко-католической церковью Иосафата Кунцевича, которого православные считают врагом Восточной церкви. В послании отмечалось, что “схизматическая (т.е. православная – А.Б.) агитация, смещающая понятия нашего народа... тем более опасна, что простым людям она кажется непротивной вере и церкви и может даже принимать форму набожности и патриотизма” (51).

Создание православных приходов в Галиции совпало с активизацией деятельности Галицко-русского общества и галицких “москвофилов”.

Распространение там православия в противовес униатству признавалось ими не менее важной задачей, чем работа по культурно-языковому сближению Галиции с Россией. В 1912–1913 гг. Галицко-русское общество стало оказывать материальную помощь переходящим в православие галицким униатам (52). Российские правительственные верхи как и в вопросе о культурно-языковой пропаганде старались или занимать нейтральную позицию, или, по крайней мере, не афишировать свое участие в этом процессе. Но осложнение внешнеполитической ситуации накануне войны привело к тому, что правительство стало более заинтересованно относиться к распространению православия в Галиции, видя в нём один из способов укрепления позиций России на территории потенциального противника. В 1913 г. этим направлением заинтересовался С. Д. Сазонов и пробовал привлечь к нему Святейший Синод Русской Православной Церкви. В конце 1913 г. Сазонов и обер-прокурор Святейшего Синода В. К. Саблер попытались разработать программу помощи православным священникам в Галиции и Буковине, рассчитанную на несколько лет. По подсчетам В. К. Саблера, на помощь православному духовенству необходимо было затратить 29 тысяч рублей. При этом, Саблер считал, что необходимо вести работу среди униатского духовенства, чтобы “иметь в числе православных священников в Галиции несколько человек из наиболее выдающихся священников, пока пребывающих в унии, но готовых перейти в Православие, если они будут материально обеспечены, т. е. если им можно будет отпускать приблизительно по 2 тысячи рублей в год” (53).

Австрийское правительство расценило создание православных приходов в Галиции как попытку утверждения российского влияния на своей территории и постаралось принять ответные меры.

В 1912 г. православным священникам было предъявлено обвинение в шпионаже в пользу России, на основании которого были заключены в тюрьму (54) о. Максим Сандович и Игнатий Гудима. Сандович помимо шпионажа обвинялся в том, что в 1911 г. произнёс проповедь, оскорблявшую католическую церковь. Помимо священников были арестованы журналист, библиотекарь Народного дома во Львове С. Ю. Бендасюк и студент В. А. Колдра. Им также сначала предъявили обвинение в шпионаже в пользу России, а затем в государственной измене. Процесс по делу обвиняемых священников Максима Сандовича, Игнатия Гудимы и С. Ю. Бендасюка и В. А. Колдры состоялся в первой половине 1914 г. В числе пунктов обвинения фигурировали связи подсудимых с общественными деятелями в России, получение оттуда книг и пожертвований, составление русской грамматики, приглашение из России учителей русского языка (55). Процесс завершился в мае 1914 г. Присяж-

ные отклонили 20 пунктов обвинения единогласно и один – большинством голосов. Российская консервативная печать комментировала решение присяжных, отмечая, что оправдательный приговор убедительно доказывает абсурдность мнения о наличии в Галиции русской агентуры и попытках со стороны России влиять на распространение православия, русского языка и вести среди галичан русофильскую пропаганду.

Русские правительственные чиновники смотрели на итог процесса более объективно. Российский посол в Вене Н.Н. Шебеко в депеше министру иностранных дел С.Д. Сазонову от 15 июня 1914 г. отмечал, что “состоявшийся приговор не успел снять с обвиняемых всякое подозрение в глазах общественного мнения Австрии. Самый вердикт присяжных... многими объясняется как сознательный манёвр присяжных заседателей-поляков: вердикт этот будто бы, главным образом, основан на счёте, что оправдательный приговор нанесёт удар слишком усилившемуся за последнее время мазепинству и, усилив русскую партию, сослужит службу полякам, закрепив раскол среди галичан... Хотя такая оценка судей совести как бы набрасывает на них некоторую тень и доказана быть не может, но она не лишена правдоподобия”. Кроме того, Шебеко отмечал, что “центральное правительство, по видимому скорее довольно исходом львовского процесса. Оно рассчитывает для острастки обвиняемых на будущее на более чем достаточно продолжительное предварительное их заключение в тюрьме. Оправдание же их служит достаточным ответом на обвинение в несправедливости, царящей в Австрии по отношению к некоторым народностям. Правительству, также несомненно озабоченному улучшением отношений с Россией, не безразлично благоприятное впечатление, произведённое у нас исходом процесса” (56).

Этот процесс и предшествующие события позволяют говорить о том, что уния и православие как в Восточной Галиции, так и в западных губерниях Российской Империи стали средством политической борьбы. Русская и австрийская стороны при участии духовенства стремились использовать промежуточный характер униатской церкви в привлечении украинского населения на свою сторону. Но при этом довольно слабо учитывались особенности развития унии в Галиции, где она являлась не только частью католической церкви, но и приобрела черты церкви национальной. Русинское население в течение многих лет определяло свою национальную принадлежность, своё отличие как от поляков, так и от русских не столько через язык, сколько через принадлежность к унии. При этом понимание сущности унии было различным в среде духовенства и крестьянской массе. Для духовенства, вследствие единства догматики, уния была частью католичества; для крестьянства,

воспринимавшего, в первую очередь, обрядовую сторону, уния была близка в равной степени и к католицизму и православию. “Промежуточный” характер униатской церкви побуждал российскую сторону рассматривать её не только как основу для распространения католицизма, но позволял рассчитывать на успех православной миссии среди униатов.

Это обстоятельство давало основания надеяться не только на успешное распространение православия в Галиции, но и на приближение её к России. При этом, к началу Первой мировой войны практически отсутствовало чёткое понимание того, что даже став православными, галицийские униаты не перестанут быть и считать себя в национальном плане отличающимися от русских, и возможная смена конфессии вряд ли повлечёт за собой отказ от родного языка и культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Христианство. Энциклопедический словарь. – М., 1993. Т.3. С.60.
2. Подробнее о воссоединении униатов с православием в 1839 г. см.: Воспоминания о митрополите Литовском и Виленском Иосифе и об уничтожении унии в России // *Семевский М.И.* Исторические и юридические акты XVII и XVIII столетий. – М., 1870. С.159–197; Иосиф (Семашко) митрополит Литовский, как поборник русских интересов в Северо-западном крае. – Вильна, 1886; *Китрианович Г.А.* Высокопреосвященный Иосиф Семашко, митрополит литовский и Виленский. Очерк его жизни и деятельности по воссоединению униатов с православной церковью в 1839 г. – Вильна, 1894; *Сушков Н.В.* Воспоминания о митрополите Литовском и Виленском Иосифе и об уничтожении унии в России. – М., 1869; *Чистович И.А.* Очерк истории западно-русской церкви. – СПб., 1882–1884; *Он же.* Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения с Православною Церквю западно-русских униатов. – СПб., 1889.
3. Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения с Православною Церковью западно-русских униатов. Соборные деяния и торжественные служения в 1839 году. – СПб., 1889. С.47.
4. //Русские ведомости. 1915. 14 января.
5. Лев XIII – римский папа (1810–1903), годы понтификата – 1878–1903.
6. *Зноско К.* Исторический очерк церковной унии. – М., 1993. С.141–142.
7. Цит. по: //Украинская жизнь. 1904. № 8–10. С.30–31.
8. Там же.
9. *Кабузан Н.В.* Этнодемографическая ситуация в Галиции и на Буковине в конце XVIII – начале XX в. //Проблемы исторической демографии СССР и Западной Европы. – Кишинёв, 1991. С.93.
10. Биография Шептицкого подробнее см.: *Prokoptschuk G.* Der Metropolit. – Munchen, 1955.
11. *Василь, ЧСВ.* Леонид Федоров. Жизнь и деятельность. – Рим, 1966. С.15–17.
12. Там же.
13. *Morality and Reality.* – Toronto, 1983. P.314.
14. Там же.

15. Конгрегации – учреждения, входящие в состав Римской курии; являются центральными органами управления католической церковью и Ватиканом.
16. Прибавления к церковным ведомостям. 1910. № 9. С.436.
17. *Смолич И.К.* История русской церкви. 1700–1917. – М., 1997. Ч.2. С.284.
18. Там же. С.310.
19. АВПРИ. Ф.136. Оп.890. Д.104. Л.9.
20. Там же. Л.11.
21. Там же. Л.10.
22. Нунциатура – постоянное дипломатическое представительство Ватикана в иностранных государствах.
23. Пий X – римский папа (1835–1914), годы понтификата – 1903–1914.
24. *Винтер Э.* Папство и царизм. – М., 1964. С.430–433.
25. Там же. С.434–440.
26. Там же. С.449.
27. См.: *Василий ЧСВ.* Леонид Федоров. Жизнь и деятельность. – Рим, 1966. С.81.
28. Там же. С.82.
29. *Смолич И.К.* История русской церкви. 1700–1917. – М., 1997. Ч.2. С.311.
30. *Morality and Reality.* – Toronto, 1983. P.314–315.
31. Полный текст документа см.: *Василий ЧСВ.* Леонид Федоров. Жизнь и деятельность. – Рим, 1966. С.83–85.
32. Подробнее см.: *Sonyu A. Quitslund Beauvain: A Prophet Vindicated.* – New York, 1973. P.86.
33. Цит. по: *Василий ЧСВ.* Леонид Федоров. Жизнь и деятельность. – Рим, 1966. С.110–112.
34. Там же. С.95.
35. *Винтер Э.* Папство и царизм. – М., 1964. С.454.
36. См.: *Василий ЧСВ.* Леонид Федоров. Жизнь и деятельность. – Рим, 1966. С.113.
37. *Смолич И.К.* История русской церкви. 1700–1917. – М., 1997. С.311.
38. АВПРИ. Ф.151. Оп.482. Д.3420. Л.13 об.
39. Там же. Л.2–2 об.
40. Там же. Л.1.
41. Там же. Л.14.
42. РГИА. Ф.821. Оп.125. Д.3310. Л.2.
43. АВПРИ. Ф.151. Оп.482. Д.3420. Л.16.
44. *Крыжановский Г.* Историческое и общественное значение Почаевской Лавры. – Почаев, 1899. С.48.
45. *Епископ Никон (Рклицкий).* Краткое жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. – Белград, 1935. С.28–30.
46. РГИА. Ф.821. Оп.150. Д.38. Л.30.
47. //Червоная Русь. 1914. № 3. С.1.
48. РГИА. Ф.821. Оп.125. Д.3310. Л.10–11, 22–23.
49. Там же. Л.24.
50. РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.855. Л.1.
51. Послание галицких епископов //Прибавления к церковным ведомостям. 1910. № 23. С.944.
52. АВПРИ. Ф.133. Оп.470. Д.15. Л.6 об.
53. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.155. Л.41 об.
54. *Троицкий С.* Православие, уния и католичество у славян и румын в Австро-Венгрии. – Пг., 1914. С.47.
55. Церковные ведомости. 1914. № 23. С.1047.
56. Международные отношения в эпоху империализма. – М., 1933. Сер.3. Т.3. С.308–309.

ГЛАВА 2

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ВОСТОЧНОЙ ГАЛИЦИИ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Начиная с момента вступления русских войск на территорию Австро-Венгрии расчёт на присоединение Восточной Галиции к Российской Империи требовал проведения на этой территории политики, направленной на укрепление не только стратегических, но и государственных позиций России.

Русские власти прекрасно осознавали, что ставя перед собой задачу присоединения Галиции к Российской Империи, невозможно игнорировать религиозный вопрос и проблему духовного объединения территорий. Архиепископ Евлогий в обращении “К галицко-русскому народу и духовенству” призывал к тому, чтобы предстоящее объединение было “не государственное только, но и внутреннее, духовное..., не в области только управления, законодательства и вообще устройства внешних форм, но да сольются души наши в единстве мыслей, чувств, настроений и всего более в единении веры и молитвы, как главной основе единения духа народного” (1). Правительственные чиновники, чины Ставки, пожалуй, не всегда мыслили такими категориями, но и у них не было сомнения в том, что единство веры в России и на вновь присоединяемой территории чрезвычайно важно. Необходимость объединения галицийских униатов с православной церковью диктовалась целым рядом соображений внутривластного порядка. При этом необходимо было учитывать следующие моменты:

– во-первых, сохранение унии в Галиции в случае её присоединения к Российской Империи означало восстановление униатства, ликвидированного в России ещё в конце XIX столетия;

– во-вторых, неустойчивая в конфессиональном плане позиция значительной части населения западных губерний России, активно пе-

реходившего в католичество после указа 17 апреля 1905 г. заставляла задуматься о возможных обращениях не только униатов в православие, но и православных Российской Империи в унию в случае присоединения Галиции к России;

– в-третьих, казавшееся недалёким начало мирных переговоров подталкивало российские правящие круги к тому, чтобы максимально укрепить позиции России в Восточной Галиции, оградить себя от возможных притязаний поляков на эти земли. По поводу общегосударственного значения вероисповедной политики в Восточной Галиции архиепископ Евлогий в январе 1915 г. писал министру внутренних дел Н. А. Маклакову: "... ведь государственное объединение Галичины с Россией тогда только будет прочно, когда она объединится и в нашей родной православной вере. Если же... она останется в унии, то она будет таким опасным гнездом украинско-мазепинского сепаратизма, который доставит нашему Правительству много забот, мы приобретём вторую Финляндию" (2).

Масса самых разнообразных причин толкала к проведению активной конфессиональной политики, направленной, в конечном итоге, на воссоединение галицийских униатов с православием.

Накопленный десятилетиями опыт воссоединения униатов с православием заставлял обратить самое пристальное внимание на епископат и приходское духовенство греко-католической церкви. Согласие униатского духовенства на переход в православие практически решило бы проблему. Учитывая то колоссальное влияние, которое имели униатские священники, можно было быть уверенными, что им удастся убедить свою паству в необходимости отказа от унии. Об этом свидетельствовал и опыт предшествующих переходов российских униатов в православие. В 30-х и 70-х гг. XIX в. этот процесс начинался именно с воссоединения с православной церковью греко-католического епископата, затем рядового духовенства, а население следовало за своими пастырями.

В начале войны униатские епископы во главе с митрополитом Андреем Шептицким играли весьма активную политическую роль: объясняя униатской пастве сущность происходящих событий, они, по сути, формировали отношение населения к противнику Австро-Венгрии – России. Особенно часто обращался к верующим в проповедях и посланиях сам митрополит Андрей. В послании к пастве от 8 августа 1914 г. он писал: "Происходит война между нашим Императором и Царём Москвы. Войну ведут за нас, ибо московский Царь не мог стерпеть того, что в Австрийском государстве у нас есть свобода веры и народности..." (3). О каких-либо религиозных вопросах в послании ничего не говорилось, а основная его мысль заключалась в призыве к верующим униатам соблюдать присягу австрийскому императору.

С вступлением русских войск на территорию Австро-Венгрии политические и религиозные взгляды униатского епископата остались прежними. Русские военные власти во время наступления, взятия Львова прекрасно понимали роль и значение униатской иерархии на территории Восточной Галиции. С наступлением русской армии начался отъезд значительной части австро-венгерских чиновников вглубь империи. Среди немногих оставшихся на территории Восточной Галиции, были униатские епископы во главе в митрополитом Андреем Шептицким, но фактически именно они олицетворяли собой не только церковную, но и политическую власть в крае. Например, как глава Львовской митрополии митрополит Андрей Шептицкий входил в австрийский парламент и сейм Галиции. Все перечисленные обстоятельства требовали пристального внимания русских властей к униатскому духовенству.

Но уже осенью 1914 г. стала очевидной практически полная бесперспективность политики привлечения униатского духовенства к Православной церкви. В одной из своих докладных записок, направленных в Св. Синод, архиепископ Евлогий отмечал, что униатские священники в Галиции “в большинстве не на стороне православных” и “подают мало надежды на присоединение к Православной Церкви” (4). Особенно твёрдую антиправославную позицию, по мнению архиепископа Евлогия, занимал епископат униатской церкви.

Аналогичного мнения относительно позиции униатского духовенства придерживались и российские чиновники. Департамент духовных дел МВД осенью 1914 г. направил в Галицию специальную комиссию. В задачи комиссии входило изучение вероисповедной ситуации в крае и выяснение настроений униатского епископата и рядового духовенства. Сразу же после начала работы комиссии один из её членов сообщил в Министерство внутренних дел о том, что если часть униатских епископов, оставшихся в восточной части Галиции, готова сохранить лояльность по отношению к русской власти, то в отношении возможного перехода в православие позиция епископата единодушная. Все они были категорически против смены конфессии: “всё это (т.е. униатское духовенство – А. Б.) элементы, на которые в некоторых случаях можно было бы еще опереться как на сотрудников в проведении общерусских идей, но не в насаждении Православия” – заявлял чиновник МВД И. Драгомирецкий (5)

Сразу после вступления русских войск на территорию Восточной Галиции, назначенный военным губернатором генерал Шереметьев прибыл во Львов и посетил митрополита Андрея. Вслед за ним явились офицеры из штаба 8-ой армии и после ухода генерала предложили Шептицкому отправиться вместе с ними в штаб командующего армией гене-

рала Брусилова, находившегося тогда в Бобрке, около 50 км к юго-востоку от Львова. Стремясь как можно лучше и быстрее выполнить распоряжение Брусилова, офицеры доставили митрополита в Ставку ночью, разбудив генерала, который, по его собственным словам, вовсе не одобрил чрезмерной ревности подчиненных. Генерал Брусилов принял униатского митрополита и сообщил, что произошло недоразумение: он не получал никакого приказа об аресте митрополита Шептицкого, а хотел только ему сообщить, что делает его ответственным за поведение населения в отношении русских властей, после чего митрополиту было позволено отслужить литургию в Бобрке и вернуться в Львов.

Эту версию первой встречи митрополита Андрея Шептицкого с русскими военными властями приводит в своей статье профессор Д. Дорошенко, ссылаясь на свои беседы с митрополитом об обстоятельствах ареста последнего в 1917 г. (6). О встрече с митрополитом Андреем Шептицким Брусилов позднее в своих воспоминаниях написал следующее: “Униатский митрополит граф Шептицкий, явный враг России. С давних пор неизменно агитировавший против нас, по вступлении русских войск во Львов был по моему приказанию предварительно подвергнут домашнему аресту. Я его потребовал к себе с предложением дать честное слово, что он никаких враждебных действий, как явных, так и тайных, против нас предпринимать не будет; в таком случае я брал на себя разрешить ему оставаться во Львове для исполнения его духовных обязанностей. Он охотно дал мне это слово, но, к сожалению, вслед за сим начал опять мутить и произносить церковные проповеди, явно нам враждебные. Ввиду этого я его выслал в Киев в распоряжение главнокомандующего” (7).

Генерал-губернатор Бобринский также свидетельствовал, что с митрополита при встрече было взято слово, что он прекратит какие бы то ни было политические выступления. Под политическими выступлениями, в первую очередь, подразумевались обращения Шептицкого к пастве, носящие антиправославный и антирусский характер, подобные тем, которые звучали в первые дни войны. Естественно, что русские военные власти опасались влияния Шептицкого на настроения местного населения. Но при этом, отпуская митрополита “под честное слово”, военные власти, видимо, рассчитывали на то, что в случае лояльной позиции митрополита Андрея по отношению к русским удастся впоследствии использовать его авторитет в интересах России.

Получив разрешение Брусилова продолжить служение 6 сентября 1914 г. в Успенской церкви, старейшем храме Львова, митрополит Андрей отслужил молебен и по окончании службы обратился к народу с проповедью (8). В частности, он сказал: “Теперь, когда попущением Божиим

пали границы, используем представившуюся нам возможность познакомиться ближе друг с другом; может быть мы будем даже в состоянии кое-что дать одни другим. Вы можете, например, поделиться с нами своей набожностью и глубоким благочестием. И мы тоже не останемся у вас в долгу. Но прежде всего мы должны подойти поближе друг к другу, хотя во многом мы и так уже близки. У вас то же богослужение, что и у нас. Вы называете себя «православными», и у нас тоже православная вера. Однако, наше «православие» – церковное, а ваше – государственное и, так сказать, «казённое». Это значит, что вы делаете опорой своего православия государственную власть. Мы же, напротив, черпаем духовную силу из нашего единства со Святой Католической Церковью, через которую исходит благодать Божия и в которой заключён подлинный источник спасения. Это-то мы и можем вам дать” (9).

Именно это место проповеди обратило на себя внимание присутствовавшего в храме жандармского ротмистра Ширмо-Щербинского, который сообщил об этих словах митрополита военному губернатору Львова, не искажая смысла сказанного. Это заявление было расценено как призыв к борьбе с русской властью в крае (10). Если у командования Юго-Западного фронта и были до этого какие-либо надежды на нейтральную позицию Шептицкого, то после проповеди в Успенском соборе они рассеялись окончательно. Стало более чем очевидно, что митрополит останется последовательным греко-католиком, сторонником Рима и ни на какие компромиссы церковного характера не пойдёт. После этого в Ставке был издан приказ об аресте униатского митрополита. Такова была официальная версия, которую изложил Г.А. Бобринский в интервью корреспонденту газеты “Русское слово” о причинах и обстоятельствах ареста митрополита Андрея Шептицкого и позднее подтвердил в своих мемуарах Брусилов.

В действительности решение об аресте Шептицкого было принято гораздо раньше. Официальный Петербург с самого начала войны не питал никаких иллюзий относительно позиции униатского митрополита. Его активная деятельность по распространению в России католичества восточного обряда накануне войны постоянно обращала на себя пристальное внимание Министерства внутренних дел и Департамента полиции. За сторонниками Шептицкого устанавливалось негласное наблюдение, прослеживались их связи со Львовом. Митрополит Шептицкий считался одним из серьёзнейших противников православия и одним из политических лидеров направления, преследующего свою цель – отторжение Украины от России.

В справке Департамента полиции от 15 сентября 1914 г. о деятельности Шептицкого говорилось, что он предпринимал попытки “вос-

становления унии в России (вербовка русских православных священников и старообрядческого духовенства в орден Базилиан; посредством подставных лиц занимался скупкой земель в пограничных с Галицией губерниях и в Белоруссии с целью переселения туда русских униатов из Галиции и пропаганды унии”, в Галиции “подвергал жестоким насилиям и преследованиям местных галицко-русских священников, принадлежавших к русской народной организации” и, наконец, “организовал на свои средства Украинско-мазепинские организации, направлял их деятельность против России, делал доклады императору Францу-Иосифу в противорусском духе и перед самой войной обмундировал целый отряд мазепинских стрелков” (11).

В итоге, на Шептицкого в русских бюрократических кругах смотрели как на крупнейшего политического деятеля, всецело преданного австрийским интересам и не способного на заключение компромисса с русской властью. Кроме того, в МВД прекрасно осознавали, какой популярностью пользуется этот иерарх среди местного верующего униатского населения. И, имея в виду впоследствии проведение курса на воссоединение униатов с православием, вполне естественным и необходимым было удаление униатского митрополита как силы, вокруг которой с успехом могли бы объединиться упорствующие униаты.

Поэтому задолго до распоряжения Ставки об аресте митрополита Шептицкого было издано распоряжение российского Министерства внутренних дел о его розыске и аресте. Распоряжение МВД было передано начальнику Штаба Ставки Верховного главнокомандующего генералу Н.Н. Янушкевичу. Ему было поручено ещё в августе 1914 г. найти и арестовать Шептицкого, а также наложить секвестр на его библиотеку и все его бумаги. В связи с возложенным на него поручением, Янушкевич в присутствии представителя МИД'а при Ставке князя Н. Кудашева сказал, что он “неукоснительно исполнит это поручение и живым или мёртвым доставит Шептицкого, а в случае надобности не постесняется приказать покончить с ним” (12). О столь решительном заявлении начальника штаба Кудашев не преминул немедленно сообщить в Министерство иностранных дел С.Д. Сазонову, а тот, в свою очередь, Николаю II. В записке на имя императора от 3 сентября 1914 г., с приложением письма Кудашева из Ставки Сазонов писал: “Деятельность униатского митрополита Шептицкого была до сих пор весьма вредной для нас и удаление его из края является поэтому вполне обоснованным. Но достигнуть этой цели следует не иначе как вполне законными и открытыми средствами, например, присуждением его к изгнанию; насильственное же устранение названного иерарха... может лишь придать ему ореол мученичества и сильно подорвать уважение к русской государственной

власти” (13). Николай II в резолюции написал Сазонову: “Вполне разделяю Ваши соображения” (14).

Министерство внутренних дел стремилось обосновать арест униатского митрополита, найти доказательства его антироссийской политической деятельности. В конце августа – начале сентября 1914 г. русские власти руководствовались текущими политическими соображениями и какими-либо вескими уликами его антироссийской деятельности не располагали. Но вопрос о них весьма волновал Министерство внутренних дел. 11 сентября 1914 г. жандармское управление военного генерал-губернаторства получило из Ставки телеграмму следующего содержания: “Гофмейстер Маклаков (15) сообщает, что Ватикан пытается восстановить унию в России с помощью униатского митрополита графа Шептицкого, участника совещания деятелей католицизма в Риме... Переписка, касающаяся причастности Шептицкого и Ватикана к развитию униатского движения в России, хранится в делах митрополичьего управления во Львове. МВД просит изъять из дел Шептицкого подлинную упомянутую переписку и передать её в министерство” (16).

Поиск документов митрополита Шептицкого занял важное место в деятельности жандармского управления военного генерал-губернаторства в Галиции. Часть документов митрополита Шептицкого была обнаружена сразу после занятия русскими войсками Львова. В основном, это были делопроизводственные документы митрополичьего управления. Личные документы митрополита Шептицкого, характеризующие его политическую и церковную деятельность, были обнаружены только в январе 1915 г. О том, как в подвале митрополичьего дома во Львове был найден тайник, сообщил начальник жандармского управления временного военного генерал-губернаторства в телеграмме от 12 февраля 1915 г.

Жандармскому управлению удалось установить, что в августе 1914 г. в подвале дворца митрополита Шептицкого были замурованы различные документы и его переписка особо конспиративного характера с пропагандистской комиссией в Риме. По данным секретной агентуры, работы производил австрийский подданный Лев Гец. Он был арестован, допрошен и во время допроса указал место в подвале дома митрополита, где он, по приказанию митрополита Шептицкого, замуровал какое-то помещение. 11 февраля в указанном Гецем месте был произведён тщательный обыск. Начальник жандармского управления сообщал, что в результате обыска, “по открытии замурованного подвального помещения, в таковом обнаружено 28 мест. Все сундуки и бумаги отправлены в Департамент полиции” (17). В тайнике находились драгоценности, облачения, редкие богослужебные книги, а также некоторые бумаги.

Документы личного архива митрополита Шептицкого в тот момент, когда был обнаружен архив, никем подробно не изучались. Они были срочно вывезены из Львова в Петроград, хранились в Департаменте полиции и уцелели от разгрома в феврале 1917 г., когда были уничтожены документы многих административно-полицейских учреждений царской России. Архиву Шептицкого повезло, он сохранился, затем был передан в Академию Наук, а в апреле 1917 г. возвращён митрополиту Шептицкому во время его пребывания в Петрограде. Таким образом, архив Шептицкого состоял из двух частей: делопроизводство митрополичьего управления и личные документы митрополита. Вторая часть архива была возвращена владельцу. Делопроизводственные документы, среди которых также имелись бумаги за подписью Шептицкого, остались в России и сейчас хранятся в Российском государственном историческом архиве в С.-Петербурге. Пристальный интерес российских чиновников к бумагам митрополита, отсутствие подробной информации о содержании документов архива привели к тому, что и по сей день в историографии существуют разногласия по вопросу о том, каков был характер документов архива Шептицкого.

По этому поводу существует несколько версий. Первая основывается на свидетельстве Д. Дорошенко, который, будучи в то время областным комиссаром Временного правительства в Галиции и Буковине, весной 1917 г. ознакомился с бумагами Шептицкого, когда они были в Академии Наук. Дорошенко считал, что, хотя впоследствии жандармы и утверждали, будто при обыске у митрополита найдены документы, аттестовавшие митрополита как «самого главного и выдающегося руководителя мазепинского движения не только в Галичине, но и в Российской Украине...». Бумаги, захваченные у митрополита при обыске, были архивными документами, имеющими большую историческую ценность: официальная и частная переписка митрополита, не содержащая даже и намёка на какую-либо «революционно-террористическую деятельность» (18). Сразу следует заметить, что высказывания Дорошенко по этому поводу, в первую очередь, порождение эпохи. Действительно, митрополит вряд ли был главой террористической группы. И вполне естественно, что в то бурное время революционного комиссара Временного правительства Дорошенко интересовало именно это. Свидетельство Дорошенко весьма активно используется в историографии авторами, которые считают, что архив митрополита Шептицкого не содержал документов политического характера.

Но российские чиновники в 1915 г. искали документы не о деятельности «террористической группы», как писал Дорошенко. Их интересовали сведения другого рода. Министерство внутренних дел, в первую

очередь, интересовала организация католической пропаганды в юго-западных и северо-западных губерниях Российской Империи, роль Шептицкого в австро-венгерской политике в отношении Украины. Вопрос этот не был новым. Не один год Департамент полиции планомерно собирал сведения о сепаратистских настроениях в этих губерниях, о роли католической церкви в их формировании. В отчёте начальника жандармского управления военного генерал-губернаторства в Галиции также отмечалось, что перед управлением была поставлена задача розыска переписки Шептицкого с папским римским престолом, которая “должна была дать полное и действительное освещение деятельности митрополита как самого главного и выдающегося руководителя мазепинского движения не только в Галиции, но и в российской Украине” (19). Именно такие документы рассчитывали обнаружить в архиве Шептицкого. По свидетельству чинов Ставки, среди бумаг Шептицкого были такие, которые содержали подтверждение планомерной и продолжительной деятельности митрополита по устройству в Российской Империи униатской епископской кафедры, планы организации управления Малороссией в случае её захвата австро-венгерскими войсками, письма митрополита настоятелям униатских приходов, в частности, предписание митрополита настоятелю униатского прихода в с. Ляцком принять все меры “к искоренению замеченной... пропаганды Православия” и “неустанно молиться Господу Богу и всем святым, дабы Они помогли уничтожить эту язву и оберечь несчастный галицкий народ от этого несчастья” (20).

Немецкий историк Э. Винтер в своей монографии “Папство и цизмизм” со ссылкой на политический архив в Вене приводит извлечения из текста письма митрополита Шептицкого австрийскому императору Францу-Иосифу I, озаглавленному “Памятная записка архиепископа Андрея графа Шептицкого”. По мнению Винтера, эта записка представляла из себя развёрнутый план по присоединению Украины к Австро-Венгрии в случае успешных военных действий. Шептицкий писал императору о том, что “как только победоносная австрийская армия вступит на территорию русской Украины, нам предстоит решить тройную задачу: военной, правовой и церковной организации края. Решение этих задач должно отчасти предшествовать какой бы то ни было мирной конференции не только для того, чтобы благоприятствовать действиям нашей армии, но и для того, чтобы возможно полнее отторгнуть эти области от России” (21). Винтер также полагал, что в руки русских в августе 1914 г. попали наброски “Памятной записки”, и именно это обстоятельство и послужило причиной высылки Шептицкого из Галиции. Хотя аргументированных доказательств этого предположения Вин-

тер не приводит, но по ряду косвенных свидетельств точку зрения немецкого историка можно признать верной.

В переписке главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта Н.И. Иванова с министром внутренних дел Н.А. Маклаковым в 1915 г. отмечалось, что среди найденных документов Шептицкого “обращала на себя внимание собственноручная записка митрополита..., в которой он излагал план действий униатской церкви в имеющихся быть занятыми австрийцами русских областях” (22). Этот документ подтверждает высказанное Винтером предположение о том, что именно участие Шептицкого в составлении политических планов Австро-Венгрии в отношении России явилось основной причиной его ареста.

В сентябре 1914 г. митрополит Андрей Шептицкий был заключён под домашний арест. Оставшиеся на свободе униатские епископы придерживались тех же позиций в отношении униатской церкви, что и митрополит. Переход в православие был для них также невозможен, как и для Шептицкого.

И уже в начале сентября 1914 г. стало очевидным, что присоединение униатов Галиции к Православной церкви не “вписывается в привычную схему прошлого столетия, в основе которой лежало присоединение к православию униатского епископата и рядового духовенства. Тайная и явная оппозиция епископата Львовской митрополии Православной Церкви усугублялась политической ситуацией, условиями войны держав Антанты с государствами Тройственного союза, а также длительным политическим противостоянием Австро-Венгрии и Российской империи на рубеже XIX–XX столетий. Позиция униатского епископата и значительной части рядового духовенства в Галиции заставила задуматься русские военные, гражданские и церковные власти о путях распространения там православия и положении униатской церкви.

Архиепископ Евлогий осенью 1914 г. по этому поводу писал в Св. Синод из Галиции, что “*надеяться на переход из унии в православие всего русского населения Галиции оснований нет*” (курсив мой – А.Б.). Он отмечал, что при нормальном развитии взаимоотношений двух конфессий уния в Галиции, без сомнения, останется, “будучи поддержана отчасти духовенством, а отчасти монашескими организациями и самим Римом. Она будет располагать большими средствами” (23). Поэтому распространение православия в Галиции виделось архиепископу Евлогию как результат длительной миссионерской работы при условии параллельного существования униатской и православной церквей на этой территории. Позиция архиепископа Евлогия была поддержана Св. Синодом, и было решено начать переговоры с униатским епископатом об условиях существования двух церквей на занятой территории Австро-Венгрии.

Митрополит Антоний (Храповицкий) от имени Св. Синода вступил в переписку с митрополитом Андреем, предложив последнему разработать вопрос о параллельном существовании в Галиции греко-католической и православной церквей. Надо заметить, что митрополит Андрей видел эту проблему не только как чисто церковную, то и политическую. Такой подход был связан прежде всего с тем, что в Российской Империи существовал целый ряд законодательных ограничений, связанных с деятельностью католического духовенства, ордена иезуитов, Базилианского ордена, когда как в Галиции и иезуиты, и базилиане пользовались полной свободой. Поэтому митрополита Андрея Шептицкого, в первую очередь, заинтересовало будущее отношение русского правительства к украинцам в Восточной Галиции, условия сохранения в Галиции Базилианского ордена, формы охраны земельной собственности (24) как церковной, так и светской. И именно эти вопросы поднял униатский митрополит в переговорах с архиепископом Антонием. Последний не был уполномочен отвечать на эти вопросы и представил их на рассмотрение Св. Синода только в октябре 1914 г. Явная неторопливость в переговорах от имени Св. Синода с митрополитом Шептицким была связана с тем, что почти сразу же инициативу взяли в свои руки военные власти, смотревшие на митрополита не столько как на главу униатской церкви в Галиции, а как на крупнейшую политическую фигуру. Репутация верноподданного австрийского императора, которую Шептицкий имел ранее и подтвердил своими пастырскими посланиями в начале войны, способствовала тому, что на него смотрели как на потенциального политического лидера, способного объединить вокруг себя массы униатского населения в борьбе против русских властей. Требования митрополита Андрея, высказанные им архиепископу Антонию, политический оттенок которых был очевиден, подтверждали опасения русской администрации. В результате предложения архиепископа Евлогия о длительном параллельном сосуществовании унии и православия в Галиции реализованы не были.

19 сентября 1914 г. митрополит Андрей был отправлен в Киев. Из Киева митрополит Шептицкий был перевезён в Нижний Новгород, где провёл три дня, находясь под домашним арестом. Затем его перевезли в Курск. В Курске он содержался под строгим арестом. Правда, “строгость” вскоре стала вызывать сомнения у русских властей в Галиции. По сообщению чиновников МВД, находившихся в Галиции, “митрополит Шептицкий... фактически управляет епархией и постоянно сносится с Галицией через разных лиц” (25). Действительно, Шептицкого в Курске посетил епископ Боцян на основании официального разрешения военного генерал-губернатора Бобринского. Эти сообщения обеспокои-

ли МВД, и в сентябре 1916 г. Шептицкий был переведён в один из православных монастырей Суздаля. Перевод униатского митрополита в русскую “монастырскую тюрьму”, как определили это событие газеты, вызвал бурные протесты зарубежной прессы, в частности, католического направления. Вопрос обсуждался в Государственной думе по инициативе А. Керенского и в российской печати. В результате 18 декабря 1916 г. Шептицкий был переведен в Ярославль, где находился до 12 марта 1917 г. и был освобожден в связи с Февральской революцией.

Арест униатского митрополита был одним из первых шагов новой администрации на пути проведения в Галиции русской вероисповедной политики. Насколько удачным и дальновидным было подобное решение, судить весьма сложно. Арест митрополита Шептицкого, вызванный, по мнению русских военных и гражданских властей, исключительно политическими причинами, породил волну антирусских настроений не только в Галиции, но и за рубежом. Уже в ноябре 1914 г. российский посланник при папском престоле сообщал из Ватикана, что самые различные лица проявляют интерес к ссылке митрополита вглубь России и положению униатской церкви в Галиции. Особенно усилились выступления в прессе зимой–весной 1915 г., когда русские войска укрепили свои позиции, и направление политики в крае оформилось окончательно. В донесениях российских дипломатических представителей в Европе и Америке осенью 1914 – весной 1915 гг. отмечалось, что сторонники митрополита развернули активную кампанию в прессе с целью “возбудить против России общественное мнение Западной Европы и Америки” (26). Международный резонанс, вызванный арестом митрополита, был настолько заметным, что министр внутренних дел стал отрицать какое-либо участие своего ведомства в этом деле. В письме к Сазонову от 26 марта 1915 г. он отмечал, что “высылка митрополита Шептицкого состоялась по распоряжению высших военных властей...” (27).

Арест Шептицкого и его ссылка обеспокоили Ватикан. В ноябре 1914 г. с русским посланником в Ватикане о Шептицком говорил сам папа. Он подчеркнул, что хотел бы договориться с Сазоновым о том, чтобы митрополиту дали свободу передвижения (28). В секретной телеграмме от 31 января 1915 г. Нелидов сообщал, что “вопрос этот, судя по двукратным беседам Папы со мною и постоянным затрагиваниям его со стороны Ватикана в объяснениях с представителями дружественных нам держав, составляет чувствительное болезненное место” (29). В связи с этим министр иностранных дел рекомендовал Нелидову в случае необходимости пояснять, что митрополит Шептицкий “был удалён как политический агитатор и содержится в России в условиях, отвечающих его духовному сану” (30). В Ватикане были заинтересованы в освобождении

Шептицкого. Статс-секретарь кардинал Гаспарри передал в Петербург предложение дать возможность Шептицкому уехать в Канаду. Было предложено также обменять его на русских журналистов, взятых в плен австро-венгерской армией. Но официальный Петербург отклонил все эти предложения.

События, связанные с арестом Шептицкого, позиция униатского епископата показали, что расчёт на массовый переход униатов Восточной Галиции в православие сразу же после вступления туда русских войск не оправдался. Привычный порядок воссоединения униатов с православием прошлого столетия, осуществлявшийся при активном участии униатского духовенства, для восточной Галиции начала XX в. оказался неприменим: слишком отличной от предшествующего периода была политическая ситуация и отношение населения к униатской церкви было иным. Все это заставляло задуматься об иных способах привлечения галицийских униатов в православие. Бесперспективность опоры на униатское духовенство заставляла задуматься о путях привлечения к православию униатского населения. Но на этом пути предстояло решить, что будет лежать в основе русской вероисповедной политики в крае: длительная миссионерская работа или же политика активного прелазитизма.

Уже в августе 1914 г. представители Ставки обращали внимание правительства на то, что “веротерпимость” – это ни что иное как общий лозунг, конкретизировать который можно совершенно по-разному. Начальник главного штаба Н.Н. Янушкевич заявил об этом в своём запросе в Совет министров. Он писал, что “общее решение применять в Галиции веротерпимость и не допускать насильственного обращения униатов в православие может быть применено различным образом: власть наша может, сама тому открыто не содействуя, не препятствовать и даже косвенно помогать обращению галичан в православие; возможно и сохранение ею вполне выжидательного положения” (31). Запрос был сделан в конце августа 1914 г., но в Совете министров не обратили на него внимания. И инициатива по выработке программы конфессиональной политики в Восточной Галиции в августе 1914 г. практически полностью сосредоточилась в ведении духовного ведомства, а точнее – тогдашнего обер-прокурора В.К. Саблера.

Сразу же после вступления русских войск на территорию Восточной Галиции, 26 августа 1914 г., состоялось заседание Особого совещания Св. Синода, обсуждавшее вопросы об “устроении религиозно-нравственного быта русского населения Галиции” (32). Это обсуждение носило предварительный характер. Никаких конкретных решений члены Св. Синода 26 августа не приняли. Саблер составил всеподданейший

доклад, где предложил направить в Галицию православного архиепископа и возложить на него обязанности по удовлетворению нужд православного населения. Доклад был представлен Николаю II 28 августа 1914 г. Митрополит Евлогий позднее в своих воспоминаниях писал со слов В.К. Саблера, что в качестве возможной кандидатуры на аудиенции был назван архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий), но Николай II написал на докладе Саблера: “Поручить дело архиепископу Евлогию (33)”. Выбор императора был, по-видимому, не случаен. Архиепископ Антоний имел репутацию пламенного ревнителя православия и русской национальной идеи. Не исключено, что у Николая II возникли опасения как в плане возможного общественно-политического резонанса такого назначения, так и относительно того, насколько сдержан будет владыка в крайне непростой обстановке. Но может быть, император просто пошёл по формальному пути: архиепископ Евлогий в тот момент занимал Волынскую кафедру, и его епархия граничила с территорией Восточной Галиции.

Архиепископ Евлогий, направленный решением Св. Синода в Галицию осенью 1914 г., был одним из весьма известных русских иерархов. В 1892 году он окончил Московскую Духовную академию со степенью кандидата богословия. В январе 1895 г. был пострижен в монашество, а в 1897 г. он стал архимандритом, ректором Холмской семинарии.

Холм – уездный город Люблинской губернии – представлял собой чрезвычайно сложную в религиозном и национальном отношении местность. Длительное господство поляков и католической церкви (вплоть до конца XVIII в.) на этой территории привели, по мнению архиепископа Евлогия, к утрате русского национального самосознания в крестьянской среде. В своих воспоминаниях он позднее писал, что “религиозная и народная жизнь Холмщины была сложная. В ней скрещивались и переплетались разнородные религиозные течения, воздействия разных культурных наслоений, обусловленные всем историческим прошлыми этого края: Русь и православие – как исторический фундамент; Польша и католичество в виде унии – как дальнейшее наслоение, заглушавшее первоначальную стихию народной жизни и изломавшее душу народа, его язык, быт и весь уклад” (34).

Центром внимания архиепископа Евлогия во время его деятельности в Холме стало “пробуждение православного самосознания” (35) среди местного населения. В 1903 г. в Холме состоялась хиротония архимандрита Евлогия в епископа Люблинского, викария Холмско-Варшавской епархии. С 1905 г. он стал самостоятельным правящим епископом Холмским и Люблинским. Став правящим архиереем, владыка Евлогий приступил к активной работе по распространению и укреплению

православия в епархии. В Государственной думе III созыва, членом которой он был, архиепископ Евлогий выступил с инициативой выделения Холмщины из состава Царства Польского и образования самостоятельной Холмской губернии с целью защиты коренного русского населения от польско-католического влияния.

В 1912 г. проект о выделении Холма и образовании Холмской губернии был утверждён. 14 мая 1914 г. преосвященный Евлогий был назначен архиепископом Волынским и Житомирским. По сложившейся традиции он, будучи архиепископом Волынским, являлся также экзархом Константинопольского патриарха в Галиции и Карпатской Руси. Поэтому назначение архиепископа Евлогия в Галицию осенью 1914 г. было вполне закономерным и связанным с его местом в православной иерархии. Определённую роль в назначении архиепископа Евлогия сыграли также личный выбор императора и то обстоятельство, что он имел значительный опыт архипастырской деятельности на западнорусских территориях, представлял всю сложность проблем взаимодействия между православным, католическим и греко-католическим населением.

При отъезде в Галицию архиепископу Евлогию не было дано каких-либо конкретных указаний относительно его будущей деятельности в крае. Ему было предложено осуществлять “архипастырское попечение о православном населении Галиции”. Задача эта была по сути такой же общей как и ранее высказанное требование к военным властям соблюдать принцип веротерпимости. Неопределённость ситуации, недостаточная осведомлённость о том, что реально происходит на занятой русскими войсками территории Австро-Венгрии, не располагали Св. Синод к тому, чтобы ставить перед владыкой Евлогием более определённые задачи.

Архиепископ Евлогий направился в Галицию через Житомир и Почаев. К моменту прибытия его в Почаев три прихода приграничного Бродского уезда – Поповцы, Навакша и Борятин – были присоединены к православной церкви. По сообщениям периодической печати первое воссоединение униатов состоялось 28 августа 1914 г. В день празднования памяти преподобного Иова, игумена Почаевского, более 500 человек пришли крестным ходом из трёх сел. Обряд совершался епископом Кременецким Дионисием. 31 августа он совершил первое архиерейское богослужение в Галиции в храме одного из приграничных сел. После этого к православию присоединилось еще 1500 человек униатов (36). В Почаеве прибывшего архиепископа Евлогия встретили крестным ходом два местных прихода, уже присоединившиеся к православию. В Бродах состоялось архиерейское богослужение. Как сообщал архиепископ Евлогий в Св. Синод, торжество превзошло его ожидания. На-

кануне при въезде в Броды он был встречен крестным ходом. Вся масса народа с пением провожала архиепископа по улицам города до храма. Неподалеку от храма была поставлена арка, украшенная фонарями с надписью: "Благослови нас, Высокопреосвященнейший Владыка". У арки архиепископа встречали городской голова с хлебом, солью и два старейших священника-униата из Бродского уезда (37). Поведение населения приграничных сёл было вполне естественным, учитывая издавна существовавшие тесные связи тамошнего населения с Россией и почитание ими святынь Почаевской Лавры. Но уже в этом присоединении появились настораживающие моменты. Тогда им, видимо, не придали значения на фоне всеобщего торжества и энтузиазма. Позднее, глядя в прошлое, митрополит Евлогий ситуацию в воссоединившихся приходах описал так: "Епископ Дионисий предложил мне посетить сейчас же эти приходы, «... но только надо жандармов с собою взять, потому, что священники ключей от храма не дают, – надо будет их отобрать...». Смотрю, молоденький жандарм тут же неподалёку вертится. Меня всё это очень покорило. Присоединение к православию мне представлялось постепенным сознательным процессом, – не такими скоропалительными переходами, да ещё с участием жандармов" (38). Эта ситуация и нежелание священников-униатов отдавать ключи от храма говорили о молчаливом, но упорном сопротивлении униатского духовенства. Недовольство униатских священников усугубляли во многом не столько русские власти, сколько местные жители. Например, в одном из воссоединившихся приходов Бродского уезда униатских священников заменили братья Борецкие, выходцы из местных крестьян. Один из них окончил Житомирское пастырское училище. По мнению архиепископа Евлогия, "братья Борецкие, грубые, неприятные люди, по-видимому, воспользовались моментом, чтобы, отстранив прежних батюшек, занять их место..". Наблюдая эти картины в первые дни своего пребывания в Восточной Галиции, владыка Евлогий сделал вывод о том, что "православное самосознание держится, главным образом, в деревне" и "народ в огромной своей массе будет с православными" (39).

Следует заметить, что выводы о безусловной приверженности к православию крестьянского населения Галиции делались и накануне войны. Так, архиепископ Антоний (Храповицкий), выступая на заседании Галицко-русского благотворительного общества в 1914 г., говорил о том, что "униатское учение у наших галичан далеко не есть действительная уния, иначе говоря - приняв унию, они на самом деле не сделались настоящими униатами даже в теории... Галицкий народ душою своею остался в православии, формально числясь в унии" (40). События

конца августа – начала сентября 1914 г. в Восточной Галиции, свидетелем которых был архиепископ Евлогий, подтверждали эту точку зрения. Они укрепляли надежду на быстрый переход в православие массы галицийских крестьян и убеждали в необходимости миссионерской работы среди униатского населения. Но эти же события и приезд архиепископа Евлогия в Галицию с полуофициальной миссией “архипастырского попечения” вызвали совершенно противоположную реакцию значительной части униатского духовенства и общественно-политических деятелей Галиции и Российской Империи. Его появление в Восточной Галиции было воспринято как начало насильственного обращения местных униатов в православие. Значительное влияние на формирование общественного мнения оказала российская пресса. Там появились сообщения о том, что древняя митрополичья кафедра в Львове будет временно замещена православным архиепископом, до тех пор, пока патриарх Константинопольский не утвердит нового митрополита и не передаст Св. Синоду своих прав по высшему духовному управлению Галицией. В качестве будущего митрополита Львовского пресса называла архиепископа Антония Волынского. Сообщалось также о том, что в Галиции будут учреждены три епископские кафедры. Кандидатами называли ректора Петроградской Духовной академии епископа Ямбургского Анастасия, викария Оренбургской епархии епископа Дионисия и архиепископа Кишинёвского и Бессарабского Платона (41). Через несколько дней после назначения архиепископа Евлогия в периодической печати появилось сообщение Петроградского телеграфного агентства о том, что он “назначен церковным администратором завоёванной области”, что от прибыл из “Житомира в Почаев и Львов 6 сентября для присоединения к православию галичан” (42). Безапелляционный тон телеграммы, опубликованной в “Правительственном вестнике”, о миссии архиепископа Евлогия чрезвычайно обеспокоил С.Д. Сазонова. Он немедленно написал В.К. Саблеру, что подобные сообщения создают неверные представления о деятельности высокопреосвященного Евлогия, тогда как “входя в новый край, нам желательно создать в населении впечатление о том, что Россия применяет приёмы обратные тем, к коим прибегала Австрия” в вероисповедной политике (43). Чтобы прекратить распространение самых невероятных слухов относительно планов Св. Синода было опубликовано следующее сообщение: “За последнее время в некоторых органах печати появились сведения о том, что Св. Синод спешно занят вопросом об устройстве церковных дел в Галиции, что ... учреждаются в Галиции епископские кафедры... Все эти сведения не соответствуют действительности. Св. Синод поручил лишь архиепископу Волынскому Евлогию, епархия которого находится в ближайшем соседстве

с Галицией, иметь архипастырское попечение об удовлетворении духовных потребностей находящихся в Галиции православных” (44). Но, к сожалению, волну возмущения, направленную против архиепископа Евлогия, начало которой было во многом положено крайне неосторожным заявлением Петроградского телеграфного агентства в “Правительственном вестнике”, остановить не удалось.

В одной из польских газет появилась передовая статья, где высказывалась мысль о том, что этот акт “спасения душ восстановит против себя весь польский народ” и “правительство... обязано запретить архиепископу Евлогию «обращение христиан во Львове в христианство»” (45). Действительно, всеобщая увлеченность мыслью о том, что униаты в Галиции – это почти православные, привела к тому, что никто – ни духовенство, ни военные и гражданские власти в Галиции, ни правительственные чиновники не задумывались о том, что этот процесс затрагивает интересы католической церкви, а, следовательно, и польского населения. То обстоятельство, что униатская церковь находилась под юрисдикцией папы римского, приводило к тому, что значительная часть польского населения Галиции воспринимала процесс воссоединения униатов с православием именно как нарушение прав католиков и, как следствие, национальных прав поляков. Приезд архиепископа Евлогия усилил эти настроения.

Воспоминания об активной деятельности православного иерарха в 1905–1911 гг. по выделению Холма из состава Царства Польского и образованию самостоятельной Холмской губернии, о запоминающихся выступлениях в III Государственной думе по этому вопросу были еще свежи в памяти польской общественности. Приезд архиепископа Евлогия, независимо от его практической деятельности, польским населением края был воспринят как провозглашение начала антипольской и антикатолической политики на территории Восточной Галиции.

Недовольство поляков встревожило как местную администрацию, так и Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. Всего несколько недель назад он подписал многообещающее воззвание к полякам, гарантировавшее (в том числе и польскому народу) свободу вероисповедания. В связи с возванием политика русских в Галиции в отношении польского населения рассматривалась поляками в Российской Империи как своеобразный индикатор того, насколько собирается царское правительство выполнять свои обещания. Поскольку лояльности поляков в Царстве Польском в начале войны придавалось весьма большое значение как в стратегическом, так и внутри- и внешнеполитическом аспектах, то и возмущение поляков в Галиции было чрезвычайно нежелательным.

Недовольство польского населения края вероисповедной политикой, а точнее отсутствием чётко определённых её принципов, заставило военные и гражданские власти обратить пристальное внимание на конфессиональные вопросы. Совет министров осенью 1914 г., несмотря на запрос Янушкевича, никаких рекомендаций по вероисповедной политике в Галиции не дал, видимо, посчитав, что эта проблема полностью находится в компетенции Св. Синода. В Ставке же, наоборот, решили, что именно духовное ведомство и лично архиепископ Евлогий нуждаются в чётких указаниях от светских властей, поскольку дело касается не столько церковных вопросов, сколько проблемы стабильности тыла русской армии.

13 сентября 1914 г. Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич отправил Янушкевичу телеграмму, где приказывал обратить особое внимание на то, “чтобы наша духовная власть не чинила никаких притеснений униатам и униатскому духовенству. Политическая неблагонадежность на должна быть отождествлена с религиозною разъединённостью... права и интересы галицкого населения и духовенства должны быть строго оберегаемы нашими властями” (46). На следующий день великий князь телеграфировал Николаю II о том, что в Галиции очень остро стоит религиозная проблема. О деятельности архиепископа Евлогия великий князь сообщал, что “начались указания епархиальной власти о необходимости униатам и их пастырям переходить в православие, которые могут вызвать сильные волнения населения в тылу русских войск”. Под “указаниями епархиальной власти” великий князь Николай Николаевич, вероятно, подразумевал обращение владыки к населению Галиции и униатскому духовенству, в котором он призвал униатских священников вести свою паству “туда, куда влечет её совесть народная, к вере отцов ваших, к той вере, в которой жили и спасались святые родичи ваши... и все предки ваши до конца 17 века. Вместе с народом войдите под спасительный кров духовной матери нашей – святой православной Вселенской Церкви” (47).

Великий князь просил императора установить, что переход униатов в православие должен идти на добровольной основе и под контролем администрации. Император полностью поддержал Верховного главнокомандующего (48). 15 сентября в Ставке была получена высочайшая телеграмма. В ней император напоминал о необходимости соблюдать в Восточной Галиции принципы веротерпимости и просил повторить указания великого князя об основах конфессиональной политики архиепископу Евлогию от своего имени.

После этого в Ставке на архипастыря сразу стали смотреть как на человека, приехавшего заниматься активным обращением униатов. Ме-

стные военные и гражданские власти также отнеслись к приезду архиепископа Евлогия весьма настороженно. Генерал-губернатор Г.А. Бобринский, получив сообщение от архиепископа Евлогия о желании последнего приехать в Львов в связи с состоявшимся назначением, ответил, что “находит эту поездку преждевременной” (49), боясь недовольства польского населения, которое во Львове преобладало.

К этому моменту архиепископ Евлогий по согласованию со Св. Синодом разработал программу деятельности православного духовенства в Галиции. Предполагалось введение должности благочинного, чтобы организовать работу священников на местах, приезд в Галицию священников для удовлетворения потребностей новых православных приходов, создание миссионерской библиотеки, снабжение храмов богослужебными книгами, утварью, распространение религиозно-нравственной литературы в православном духе. Лично для себя архиепископ Евлогий просил освобождения его от текущих дел по управлению Волынской епархией, чтобы иметь возможность основное время посвятить работе в Галиции. Предложенная им программа была одобрена как Св. Синодом, так и лично Николаем II (50). Перечисленные мероприятия во многом были связаны с той миссионерской работой, к которой приступили еще в начале войны по инициативе архиепископа Антония (Храповицкого). Св. Синодом при Московской духовной академии был учрежден комитет для издания “политических листков об унии” под председательством архимандрита Иллариона (Троицкого). В листках печатались критические материалы об учебниках по Закону Божьему, по которым велось преподавание в народных школах Галиции для детей униатов и которые отличались чисто католическим содержанием. Кроме того, листки должны были знакомить галицких униатов с православным благочестием (51). Намечаемые мероприятия тоже можно было рассматривать как программу миссионерской деятельности, поскольку и Св. Синод, и архиепископ Евлогий исходили из того, что еще в течение долгого времени уния и православие в Восточной Галиции будут существовать параллельно.

Но как бы умеренна и осторожна не была программа работы в Галиции, осуществление её стало невозможным. 13 сентября архиепископу Евлогию была передана копия телеграммы Н.Н. Янушкевича на имя генерал-губернатора Г.А. Бобринского, в которой говорилось о том, чтобы “не было допускаемо никаких мер к обращению униатов в православие, исключая совершенно добровольного желания отдельных лиц, самостоятельно ими выраженного” (52). Эти указания через два дня подтвердил лично Николай II. Фактически уже в первой половине сентября 1914 г. архиепископ Евлогий оказался лишён какой-либо возможности

действовать самостоятельно и реализовывать намеченную Св. Синодом программу. Любая миссионерская работа могла быть расценена как “мера к обращению униатов в православие”.

Таким образом, серия распоряжений правительственной власти по вопросам вероисповедной политики наглядно продемонстрировала недоверие к православному духовенству и стремление сосредоточить конфессиональные вопросы в руках военной и гражданской администрации в Галиции. В итоге, попытки гражданских и военных властей в Восточной Галиции соблюдать принципы веротерпимости в сентябре 1914 г. свелись к нескольким декларативным распоряжениям и ограничению деятельности архиепископа Евлогия. Но в то же время никоим образом не была ограничена работа галицийских и русских националистов, изыскивавших пути скорейшей русификации края.

Сразу после получения архиепископом Евлогием упомянутых телеграмм, к нему приехали по поручению генерал-губернатора Г. А. Бобринского два члена Государственной думы – В. А. Бобринский и Д. Н. Чихачев. Первый представил архиепископу составленный им проект общей программы по устройству православной церкви в Галиции.

Программа мероприятий в отношении униатов и униатского духовенства разрабатывалась националистически настроенными общественными деятелями как в Галиции, так и в Петрограде. На заседании петроградского отделения Галицко-русского общества 14 сентября 1914 г. была принята подробная резолюция по религиозному вопросу в Галиции. Рекомендовалось строжайшее соблюдение принципа добровольности при переходе из униатства в православие с сохранением для воссоединившихся всей местной церковной обрядности. Наряду с этим предлагалось:

- немедленно прекратить в Галиции деятельность Базилианского ордена;
- отрешить от должности греко-католических епископов, стремившихся к латинизации восточного обряда;
- пресекать всякую агитацию против православия;
- изгонять униатских священников из сел, которые целиком перейдут в православие (53).

В октябре Галицко-русское общество приняло еще более радикальную резолюцию, где помимо ранее высказанных предложений, были следующие пожелания:

- “желательно, чтобы во все приходы Галичины, Буковины и Угорской Руси, охваченные православным движением ещё до войны и занятые теперь русскими войсками, были посланы православные священники и иеромонахи, знакомые с малорусским наречием и с нравами и обы-

чаями червонно-руссов, для удовлетворения религиозных потребностей населения;

– униатские храмы, где большая половина жителей воссоединилась с православием, должны быть переданы православным;

– необходимо упразднить существующий в Галичине и Буковине орден иезуитов как воспрещённое в Российской империи вредное и тайное сообщество...” (54).

Среди предлагавшихся Галицко-русским обществом мероприятий особенно примечателен пункт о фактической высылке униатских священников. Отметим, что пункт о постепенной замене униатского духовенства стал своеобразным центром вероисповедной программы националистов. Все они сходились на том, что местное население в большинстве своем малограмотно и инертно, достаточно плохо понимает суть различий между униатской и православной церковью, поэтому наиболее удобный и бесконфликтный путь присоединения униатов к православию – это не долгая миссионерская деятельность (как это планировалось в Св. Синоде), а активная замена местного униатского духовенства православным. Резолюции Галицко-русского общества были приняты в Петрограде и носили характер пожеланий правительству, но если в сентябре 1914 г. правительство относилось к пожеланиям общественности весьма осторожно, то национально-патриотические круги были полностью солидарны с программой Галицко-русского общества. В восточной Галиции сторонником и проводником этой программы стал граф В. А. Бобринский. С присущей ему энергией он начал проводить в жизнь идею постепенного вторжения православного духовенства в униатские храмы. Он составил обширную докладную записку на имя Верховного главнокомандующего, где описывая ситуацию в Галиции, отмечал, что “почти все униатские церкви Галиции остались без священников, потому, что 1) почти все священники «русофилы» арестованы и частью казнены, частью угнаны в тюрьмы Западной Австрии и Венгрии. Нашим войскам удалось освободить из тюрем не более 10 таких священников; 2) священники-мазепинцы бежали при приближении наших войск, и генерал-губернатор распорядился, чтобы они не допускались обратно в свои приходы. Эта мера вызвана тем, что духовенство украинской мазепинской партии было привлечено митрополитом Шептицким к яростной борьбе против русской идеи и к организации боевых дружин... Эти священники являлись главными доносчиками и подстрекателями” (55) к карательным мерам против русского населения в начале войны со стороны австрийских войск. Всё это, как сообщал В. А. Бобринский, привело к тому, что народ начал посещать костёлы, приглашать ксендзов для совершения треб. При этом, во всеобщей

неразберихе прифронтовой территории “ожидать формальных заявлений о переходе в православие нельзя”, уже хотя бы потому, что народ всегда считал и ныне считает себя православным, но местное население, по уверению Бобринского, охотно примет православных священников, если они начнут богослужения в брошенных униатских храмах, не меняя местной обрядности (56). Именно таким образом, по мнению Бобринского, легче всего начать распространение православия в крае, без громких шумных кампаний вокруг присоединения к православию униатов. Для этого Бобринский предлагал русским властям сделать следующие распоряжения:

- разрешить православным священникам служить на своих антиминсах в пустующих униатских церквях, не принуждая крестьян ходить в церкви;

- разрешить этим же священникам совершать требы, не требуя формального отречения народа от унии;

- разрешить униатским священникам принимать добровольно православие;

- предложить всем православным священникам придерживаться местной обрядности в той мере, в какой её придерживались униатские священники-русофилы (57).

Предложения Бобринского были первоначально одобрены протопресвитером военного и морского духовенства Шавельским и Верховным главнокомандующим (58). Этот перечень мероприятий был представлен В.А. Бобринским архиепископу Евлогию в тот момент, когда владыка был буквально поставлен в тупик многочисленными указаниями, ограничивающими его деятельность. То, что программа была одобрена великим князем Николаем Николаевичем, давало ей определённый официальный статус, чего нельзя было сказать о программе Св. Синода, которая к тому моменту ещё не была представлена императору. Архиепископ Евлогий считал, что программа В.А. Бобринского не лишена недостатков. Позднее он сообщал в Св. Синод, что “программа эта была составлена спешно и мало продумана, но так как она ослабляла силу неблагоприятных указаний, которые заключались в вышеупомянутой телеграмме, то я согласился с нею” (59). В результате, общественное мнение как в России, так и в Галиции теснейшим образом связало имя архиепископа Евлогия с деятельностью местных и российских националистов, сделало его ответственным за их ошибки и просчеты.

Как уже было сказано выше, центральным пунктом программы Бобринского была задача вытеснения униатского духовенства из приходов под разными предлогами и замена их православными священниками. Но при некотором размышлении решено было ввести формальный

порядок в дело замены униатского духовенства православным. 26 сентября 1914 г. был опубликован циркуляр военного генерал-губернатора Галиции Г.А. Бобринского, где наряду с предложением строго соблюдать полную веротерпимость, говорилось о том, что проезд православного священника в село возможен только тогда, когда об этом будут просить 75% населения. При этом, в циркуляре была сделана любопытная оговорка: запрещалось допускать обратно в села священнослужителей, выехавших при появлении русских войск (60). Поэтому циркуляр 26 сентября имел двойственное значение: генерал-губернатор, с одной стороны, отстаивал принципы веротерпимости, с другой, налагал ограничения на деятельность священников-униатов.

Тактики вытеснения униатского духовенства из приходов придерживались и местные интеллигенты-“русофилы”, стремившиеся с приходом русских войск принять активное участие в управлении краем. Глава местной русско-народной партии адвокат В.Ф. Дудыкевич в начале сентября 1914 г. предложил Г.А. Бобринскому свои услуги в проведении русофильской вероисповедной политики. Дудыкевич попросил у генерал-губернатора разрешения “повлиять на униатское духовенство, чтобы они добровольно отказались от исполнения своих обязанностей и освободили храмы, и тогда можно будет передать их церкви в ведение православного духовенства. Генерал-губернатор ответил отказом. По этому поводу он писал Н.Н. Янушкевичу: “Хотя Дудыкевич и уверял меня, что он проведёт это дело совсем миролюбиво и без всякого принуждения, однако, я просил его обождать хотя бы один месяц” (61).

Попытки генерал-губернатора Г.А. Бобринского ограничить активность общественно-политических деятелей были с неодобрением встречены националистами, которые, в частности, В.А. Бобринский, с сожалением констатировали, что в Галиции создались такие формальные и административные условия, которые ограничивают свободу православного вероисповедания, а точнее его распространение (62). Критически отнеслись к действиям генерал-губернатора и в Св. Синоде.

Во-первых, неудовольствие вызвал сам факт регламентации деятельности православного духовенства в Галиции без согласования со Св. Синодом. В связи с этим последним было отмечено, что “совершенно несоответственным с достоинством Православной церкви является... условие, в силу коего для назначения православного священника... необходимо 3/4 жителей. В делах веры и совести нет места арифметическим вычислениям” (63).

Во-вторых, указание циркуляра 26 сентября о порядке совершения богослужений в униатских храмах православными священниками тоже было расценено как nepозволительное вмешательство в компетенцию

Св. Синода. По его мнению, такого рода указания могли бы исходить “только от подлежащей духовной власти”. В итоге мнение Св. Синода о циркуляре Г.А. Бобринского сводилось к тому, что “такое решение вопроса представляется ныне и преждевременным, и несправедливым” (64).

В воспоминаниях митрополита Евлогия, который с недоумением воспринял распоряжение о проведении точного подсчёта населения, желающего приезда православного священника, приведены любопытные описания “голосования” в галицийских деревнях за присылку православного батюшки.

“В село въезжали власти в сопровождении жандармов и приступали к баллотировке. Населению раздавали горошинки, которые должны были играть роль баллотировочных записок. Тотчас же возникали недоразумения. Бабы горошинки теряли, в ожидании своей очереди их сгрызали; случалось, что самый факт баллотировки горохом вызывал протест: «Как можно на горохе мою веру ставить!» (65). Действовала здесь и вековая крестьянская осторожность: нежелание что-либо подписывать, боязнь всяческих бумаг и начальства.

Распоряжение местной администрации о соблюдении формальных условий при приглашении православных священников, позиция Св. Синода и личное мнение архиепископа Евлогия, считавших, что местное (особенно сельское население) стремится к переходу в православие, породили осенью 1914 г. массу слухов и сомнений. Господствовали три прямо противоположные точки зрения: первая гласила, что идёт насильственное обращение униатов в православие, чему активно способствует архиепископ Евлогий, другая – что начался массовый переход галичан из унии в православие, без всякого давления извне, и, наконец, третья сводилась к тому, что в Галиции русские власти выражают всемерную поддержку униатам в ущерб интересам православных. Основанием для более или менее объективных выводов о реальном содержании конфессиональной политики в Восточной Галиции во второй половине 1914 г. могут служить данные об интенсивности переходов из унии в православие в этот период. Правда, имеющаяся статистика о переходе галицийских униатов в православие весьма противоречива и в некоторой части политизирована.

Данные о количестве переходов из унии в православие на территории Восточной Галиции содержатся в периодической печати, отчётах архиепископа Евлогия, документах Совета министров. По данным опубликованным в “Церковно-общественном вестнике”, за два месяца оккупации Галиции из унии перешло в православие свыше 30 тыс. человек (66). Но, при этом, однако, необходимо учитывать, что перешед-

шими в православие в Восточной Галиции считали всех униатов, исповедавшихся и причастившихся в православном храме или у православного священника, когда как для местного населения посещение православно-го храма далеко не всегда означало отказ от унии. Статистические данные периодической печати частично подтверждаются другими источниками, где говорится о количестве образованных в 1914 г. на территории Восточной Галиции православных приходов. Приводятся данные о возникновении там 50–100 приходов. Все эти итоги российская пресса приводила вне сравнительного контекста, преимущественно упирая на внушительное сочетание десятков тысяч. Но если при этом учесть довоенную статистику, согласно которой в Галиции проживало более 3,5 млн. униатов, то даже по данным “Церковного вестника” в 1914 г. из унии в православие перешло 0,85% униатского населения. Цифра небольшая, но, несмотря на отсутствие более убедительной статистики, представляется вполне реальной.

Помимо газетных сообщений имеется значительное количество свидетельств современников о массовых переходах галичан в православие. Так, в ноябре 1914 г. священник Митрофан Митроцкий, член Государственной думы посетил Галицию и выступил с докладом на заседании Галицко-русского общества в Петрограде. В своём выступлении он сказал, что “масса населения... признавая себя вообще православными, обращается к архиепископу Евлогию с мольбами дать священников, таких «как в Киеве и Почаеве»” (67). Свидетельство такого рода – не единственное. Подобные утверждения, исходя из вышеприведенных статистических данных, представляются в большей степени восторженными отзывами, когда как даже весьма условные цифры не дают оснований для выводов о массовых переходах в православие. Но именно эти отклики, публиковавшиеся в газетах, формировали общественное мнение в Галиции и в России, создавали твёрдое убеждение в том, что обращение униатов в православие идёт полным ходом.

Официальные данные мало отличались от сообщений прессы. В январе 1915 г. по ходатайству архиепископа Евлогия Св. Синод утвердил 52 православных прихода в Галиции и принял постановление об отпуске средств на содержание там духовенства (68).

Однозначно можно, пожалуй, сказать только то, что действия местной русских военных и гражданских властей объективно способствовали тому, что наиболее активные националистические проявления ради скорейшего воссоединения униатов с православием осенью 1914 г. были приостановлены. Удалось до определённой степени успокоить поляков-католиков и особенно интеллигенцию Львова, убедив их, что насильственных обращений в православие не будет. Но всё же, несмотря на

успокоительные телеграммы и циркуляры по вероисповедным вопросам, местная администрация находила тактику националистов по неуклонному вытеснению униатского духовенства вполне оправданной и в ближайшей перспективе допустимой.

В ноябре 1914 г. в Галицию была командирована комиссия МВД, в которую входили М. М. Пуришкевич, Л. Д. Аксенов, А. В. Петров, Н. К. Васильев, В. А. Крыжановский. В число задач комиссии входило изучение вопроса о ходе обращения униатов в православие. Предполагалось, что комиссия выявит злоупотребления, проанализирует ситуацию и даст рекомендации в области вероисповедной политики. После встреч с местными крестьянами, изучения ситуации по делопроизводственным документам канцелярии галицкого генерал-губернатора было сделано заключение членом комиссии А. В. Петровым.

Комиссия работала в ноябре 1914 г., т.е. тогда, когда положение русских войск на Юго-Западном фронте и администрации временного генерал-губернатора стало довольно прочным. Не вызывали прежнего беспокойства и поляки, лояльные к властям Российской Империи. Всё это заставляло думать не только о реализации в Галиции принципов веротерпимости, но и о соблюдении в крае русских государственных интересов. И именно с таких позиций чиновник МВД А. В. Петров представил свои рекомендации по дальнейшей вероисповедной политике в Галиции. Он отметил, что в некоторых случаях неизбежен нажим на униатских священников, устранение их из приходов, “по возможности, добровольное” (69), с материальной компенсацией. На их места предлагалось присылать православных священников. Петров писал, что личные встречи с галицийскими крестьянами убедили его в неправильности применения метода опроса населения как основы для посылки в сёла православных священников. Он отмечал, что крестьяне при встречах “откровенно сознавались, что сами опасались, по вполне понятным местным отношениям, просить присылки православного священника, но если бы таковой был прислан, они бы охотно его приняли” (70). Особую опасность для проведения русской вероисповедной политики в Галиции, по мнению Петрова, представляла высшая греко-католическая иерархия. Её предлагалось “раскассировать”, чтобы лишить униатское приходское духовенство руководства (71). Говоря о стремлении галицийских крестьян к православию, Петров не привёл никаких конкретных цифр и даже не попытался хотя бы приблизительно оценить, много или мало униатов перешло в православие. Сопоставив текст записки с исходными материалами, которые находились в распоряжении А. В. Петрова, представляется, что у него не было вообще каких-либо конкрет-

ных цифр по этому вопросу и, видимо, на тот момент они просто отсутствовали.

Тем не менее работа комиссии МВД и некоторая стабилизация ситуации в Восточной Галиции привели к тому, что местные власти внесли некоторые коррективы в порядок взаимоотношений униатского и православного духовенства. 20 ноября 1914 г. генерал-губернатор Г. А. Бобринский издал новый циркуляр губернаторам Галиции, в котором были изменены условия приезда православных священников в униатские сельские приходы. В циркуляре говорилось: “В тех селах, где униатский священник бежал, и большинство населения просит о присылке православного священника, то присылать такового незамедлительно и предоставлять ему полное пользование униатской церковью”. Примечательно, что если месяц назад сохранение униатской обрядности при богослужении считалось весьма важным, то теперь рекомендовалось сохранять её “на первое время, по возможности” (72). Циркуляром запрещалось занимать униатские храмы, если в селе остался униатский священник, который не желает служить поочередно с православным, даже если 75% населения просили о присылке православного священника. В таких случаях предлагалось служить литургию на походных анитминсах. Передача храма православному священнику признавалась возможной только в случае, если униатский храм в течение месяца практически не посещался.

Циркуляр был предварительно согласован с Н. Н. Янушкевичем и протопресвитером Шавельским. Вышеперечисленные пункты циркуляра и особенно первый, разрешавший посылать православных священников в пустующие униатские приходы, были восприняты как официальная отмена ограничений на проповедь православия среди униатов. Православное духовенство расширило свою деятельность в Галиции. К концу декабря 1915 г. в Галиции было образовано 50 православных приходов, вместо пяти бывших ранее. В связи с этим архиепископ Евлогий обратился в Совет министров с ходатайством об организации финансирования православного приходского духовенства из казны, мотивируя это крайним обнищанием крестьянского населения Галиции. Ходатайство архиепископа Евлогия было удовлетворено.

10 января 1915 г. Николай II утвердил журнал Совета министров, где было постановлено ассигновать ведомству православного исповедания чрезвычайным сверхсметным кредитом 20 тысяч рублей на содержание причтов в новоучреждённых православных приходах Галиции из расчета по 100 рублей в месяц священнику и по 25 рублей в месяц псаломщикам. Отметим, что, во-первых, показателен сам факт включения причтов православных галицийских приходов в число лиц получавших

жалование от казны. В начале XX столетия в Российской Империи жалование получали лишь 2/3 причтов. Жалованье же, назначенное священно- и церковнослужителям в Галиции было не велико относительно средних цифр по Российской Империи (средний оклад священника в начале XX в. составлял 300 рублей, дьякона – 150 и псаломщика – 100) (73).

Начало деятельности православных священников в Галиции беспокоило Ватикан. В ноябре 1914 г. российский посланник при Святейшем престоле Нелидов сообщил в МИД о частной беседе с папой. В этой беседе папа римский коснулся вопроса о православном богослужении, совершаемом русским духовенством в униатских храмах Галиции. На это Нелидов ответил, что возможно имели место единичные случаи, но они ни в коем случае не отражают намерений императорского правительства. Папа, в свою очередь, заметил, что правительство он не обвиняет, но просит, чтобы были приняты меры, препятствующие “вторжению православных в униатские храмы” (74). Но обеспокоенность Ватикана положением униатов в Галиции не оказала влияния на позицию местной администрации, где к зиме 1914–1915 гг. окончательно возобладали националистические настроения.

Одновременно усилили свое участие в решении вероисповедных вопросов на территории Галиции и русские националисты. “Русская партия”, по замечанию архиепископа Евлогия, считала нужным устраивать яркие православно-русские манифестации для подъема настроения галицкого населения (75). Православное богослужение, особенно праздничные архиерейские службы, могли служить этим целям. И в декабре 1914 г. произошли события, имевшее далеко идущие последствия и значительный международный резонанс.

6 декабря 1914 г. архиепископ Евлогий прибыл во Львов. В этот же день “Прикарпатская Русь” опубликовала пастырское послание архиепископа Евлогия “К галицко-русскому народу и его духовенству”. В послании говорилось: “Добрые пастыри Галицкой Руси!.. Вы воспитались в традициях латинской унии, но она не могла заглушить в вас русского духа... В жизни вверенного вам народа совершается великий переворот, он вливается в общерусское русло... Ведите же его по пути этого органического слияния с великой Россией и особенно восстановите и закрепите его древнейший исторический союз с Православно Русскою Церковью” (76).

В этот же день граф Владимир Бобринский предложил ему отслужить литургию в самом большом униатском храме Львова, принадлежащем Ставропигийному институту. Было получено согласие института и настоятеля храма протоиерея Туркевича. Отметим, что ор-

ганизация богослужения вызвала длительные переговоры между генерал-губернатором Бобринским и униатским духовенством. Официальным поводом для православного богослужения в храме Ставропитийного института было то, что Львов переполнен русскими войсками, православный храм в городе один и не может вместить всех желающих. Но по окончании богослужения архиепископ Евлогий произнёс слово, которое произвело сильное впечатление на присутствовавших в храме русских солдат, офицеров, военных и гражданских чиновников, а также местных жителей. Архиепископ Евлогий 7 декабря 1914 г. в Преображенском соборе Львова сказал: "... народ галицкий, хотя и увлечён был в унию два века тому назад, но всегда сознавал и теперь сознаёт себя православным... Наша общая мать – великая православная Россия наша святая православная русская церковь раскрывают перед вами свои объятия..." (77). Отношение к словам архиепископа Евлогия было весьма неоднозначным.

"Москвофилы", по его собственному замечанию, "были в восторге от патриотического энтузиазма, охватившего толпу после... проповеди. Генерал-губернатор смущённо крутил ус: не очень ли громко мы заявляем австрийцам о нашем присутствии?" (78). В донесении дипломатического представителя российского МИДа при Ставке говорилось, что "архиепископ произнёс слово, которое произвело на всех молящихся сильное впечатление, среди галичан высказывалось даже мнение, что «после такого пастырского слова унии больше нет»" (79). Резко негативное отношение к призыву архиепископа Евлогия высказало униатское духовенство.

Группой униатских священников было подготовлено обращение к архиепископу Евлогию. В нём они открыто заявляли, что хотя архиепископ и призвал униатских священников к воссоединению с православной церковью вместе со своей паствой, но для них воссоединение является ничем иным как тяжким грехом. Поэтому униатское духовенство не может отступать от унии и будет всячески оберегать от этого свою паству.

Возражения униатского духовенства вызвали также слова архиепископа Евлогия о том, что "народ галицкий всегда осознавал и теперь сознаёт себя православным". В связи с этим униатские священники писали: "Мы решительно протестуем против этого утверждения и заявляем, что мы едины с православной церковью в обряде и народности, но совершенно различны во всём остальном, ибо общения церковного держимся с Римом и всеми римскими церквами... и заявляем, что соединение наше с Римом не насильственно... и верховное начальство Папы Римского не есть «чужое ярмо», а власть от Бога и Спасителя нашего св. Петра и его наследникам данная..." (80).

Представитель МИД'а при Ставке Верховного главнокомандующего, сообщая о взаимоотношениях русских властей с униатским населением зимой 1914 г., отмечал: "Сказать правду, архиепископу Евлогию не следовало в его проповеди касаться отношений между двумя религиями и как бы провозглашать воссоединение двух церквей, объясняя происшедшее разделение таковых случайным недоразумением. Особенно в чужом храме не надо было этого касаться..." (81).

Проповедь архиепископа Евлогия, произнесённая в униатском храме, пожалуй, как ни одно действие русских властей обеспокоила униатское духовенство. Оно отнеслось к ней как к провозглашению официального воссоединения унии с православием. Хотя, как отмечал митрополит Евлогий в своих воспоминаниях, вероисповедная политика русских властей в Галиции отличалась двойственностью: генерал-губернатор боялся раздражать местное население слишком яркими православно-русскими манифестациями, тогда как "русская партия" считала нужным устраивать такие демонстрации для подъёма настроения народа (82).

Но именно эта двойственность: достаточно либеральная позиция русских властей в вероисповедном вопросе, с одной стороны, и приезд православных священников в Галицию, с другой, обеспокоили униатское духовенство и заставили искать пути к сохранению унии. Приезд архиепископа Евлогия во Львов в начале декабря усилил эти процессы.

31 декабря 1914 г. в доме греко-католического митрополита во Львове состоялось экстренное тайное совещание, на котором, кроме членов униатского капитула, во главе которого стоял заместитель арестованного митрополита Шептицкого священник Белецкий, присутствовали римско-католический архиепископ Бильчевский и ксендз Сопух, член ордена иезуитов. На этом совещании обсуждались меры, необходимые для ограждения унии от грозящей ей опасности со стороны православной церкви.

В итоге, позиция униатского духовенства, относительная стабилизация положения в Восточной Галиции к началу 1915 г. изменили отношение местных властей к униатскому духовенству и к самой проблеме воссоединения униатов с православием. Зимой 1914–1915 гг. проблема перехода из унии в православие перестаёт рассматриваться местными властями как вопрос о вероисповедании, о свободе совести. Уния для местных властей и чиновников МВД теперь является основой украинского национализма и базой для организованного сопротивления русификации края.

Представитель МИД'а при Ставке отмечал в феврале 1915 г., что "униатская церковь стала во главе мазепинцев и, с другой стороны, это

движение стало опираться на униатскую церковь; другими словами, уния и украинство слились в одно целое и вместе работали против русской москвофильской партии. Поэтому провести границу между церковью и политикой... почти невозможно" (83) Греко-католические священники были весьма скоро отнесены к числу опасных агитаторов и "мазепинцев".

25 января 1915 г. генерал-губернатор Г. А. Бобринский издал новый циркуляр "По церковно-религиозному вопросу", которым разрешалось присылать в приходы, где нет постоянного униатского священника, православного, даже если об этом просит меньшинство населения. Циркуляр сохранял правило о присылке в приходы православных священников, если об этом просит не менее 75% населения. При этом, оговаривалось, что, назначенный по просьбе 75% прихожан православный священник должен предоставить оставшемуся униатскому священнику возможность совершать богослужения в храме и пользоваться церковной утварью. Для этого по взаимному согласию двух священников устанавливается очередь. В январском циркуляре содержался любопытный пункт, где говорилось: "*В случае перехода униатского священника в православие, он остаётся в своём приходе, если со стороны прихожан не последует жалобы...*" (84).

Бобринский вводил следующий порядок назначения духовенства в приходы: в случае просьбы населения о присылке православного священника местный православный епископ должен подобрать кандидата, сообщив об этом генерал-губернатору. Генерал-губернатор, в свою очередь, делал распоряжение о допущении православного священника в приход. Контроль генерал-губернатора устанавливался также за назначениями духовенства в униатские и католические приходы. Новые назначения делались соответствующей духовной властью с последующим утверждением генерал-губернатором (85).

Циркуляр, который казалось бы сохранял в неприкосновенности принцип веротерпимости, в силу непродуманности ряда пунктов, принятых, видимо, в спешке, оставил возможность особо ретивым местным администраторам толковать его по своему. Особенно это касалось пункта об оставлении униатского священника в своем приходе в случае перехода в православие. Многие местные чиновники, не глядя на другие пункты циркуляра, восприняли его как требование всем униатским священникам принимать православие или же покидать свои приходы. В результате, в приходах, где священники-униаты продолжали служение, им предлагали принять православие. Особенно усердствовали местные полицейские чины.

В феврале 1915 г. дополнительным циркуляром генерал-губернатора от 28 февраля была упрощена процедура назначения православных священников в приходы. Теперь прихожане, выразившие желание иметь православного священника, обращались к высокопреосвященному Евлогию, затем к начальнику уезда, который обязан был в 7-дневный срок провести баллотировку среди прихожан и на основании её результатов, решить вопрос о правомерности назначения православного священника.

Назначением православного духовенства в пустующие униатские храмы зимой 1915 г. ведали архиепископ Евлогий и генерал-губернатор. Священник, которому предстояло отправиться в пустующий приход, получал от архиепископа Евлогия соответствующее удостоверение. Этот документ он представлял в канцелярию генерал-губернатора, где ему выписывали новое удостоверение о допуске в указанный приход. Сперва процедура была очень быстрой. В день обращения выдавались все необходимые документы. Но вскоре были отмечены случаи, когда назначения делались в приходы, имевшие униатского священника и не желавшие переходить в православие. После этого канцелярия генерал-губернатора стала собирать сведения об униатских приходах, прежде чем выдать назначаемому священнику соответствующие документы (86). Чиновник департамента духовных дел МВД В.С. Драгомирецкий сообщал зимой 1915 г. о постоянно возникавших недоразумениях между местной администрацией и духовенством при назначении православных священников в приходы. Особое сопротивление крестьян, независимо от их отношения к переходу в православие, вызывало требование подписей. Как замечал Драгомирецкий, многие крестьяне при проверках заявляли, что ничего не подписывали или же, опасаясь преследований австрийских властей, сразу же отказывались от каких-либо официальных заявлений (87).

На почве переходов в православие расцвело невиданных размеров взяточничество. Местные полицейские чины брали взятки со сторонников унии, чтобы не допустить перехода крестьян в православие и тогда “поносили перед крестьянами Православие и заявляли им, что здесь не Россия и что им не позволят отступать от унии” (88). Взятки брались также и в случае отказа населения принять православного священника. По сообщению одного из католических ксендзов из Тарнопольской губернии “российский начальник закрыл и опечатал 4 униатские церкви в Войнилове. Униатские прихожане на предложение, что пришлёт им православного священника, отвечают отказом. Униаты русины... на различные предложения русских отвечают, что польский ксендз может также как униатский исполнять для них духовные нужды, и что они веры своих отцов не бросят” (89).

В “вакантных” приходах, откуда униатские священники по каким-либо причинам выехали или были арестованы, чаще всего по обвинению в украинофильской пропаганде, места занимали или приехавшие из западнорусских губерний православные священники, или местные священники-униаты, перешедшие в православие. Именно эти последние, как явствует из донесений военных властей и частной переписки, чаще всего прибегали к насильственным мерам при обращении своих прихожан в православие. При этом использовался один наиболее распространенный прием – обвинение всех оставшихся в униии во враждебных настроениях против России.

За 9 месяцев управления русскими властями территорией Восточной Галиции, по данным канцелярии военного генерал-губернатора, по разрешению Г.А. Бобринского было назначено в приходы 86 православных священников. Из них 35 по ходатайствам прихожан и 51 по удостоверениям архиепископа Евлогия. 75 человек получили назначения по Львовской губернии и 11 по Тарнопольской и Перемышльской (90). Эти данные несколько отличались от данных канцелярии архиепископа Евлогия, согласно которым к 4 апреля 1915 г. в приходах Восточной Галиции находилось 113 православных священников (91). Цифра относительно общего числа униатских приходов в Восточной Галиции весьма небольшая. Эти данные опять же не позволяют говорить о переходах галицийских униатов в православие как о массовом явлении.

Деятельность православного духовенства в новых приходах затруднялась целым рядом обстоятельств. Во-первых, практика пастырской работы униатского приходского духовенства существенно отличалась от того, что было принято в православных приходах Российской Империи. Православные священники, приехавшие в Галицию, были недостаточно осведомлены о традициях униатских приходов, особенностях политической и национальной жизни края. По преимуществу, это были “священники, совершенно не знакомые с религиозным и церковным вопросом в Галиции и чуждые столь шумевшему в России за последние годы русскому национальному движению в крае”. По мнению представителя МИД’а при Ставке Олферева, хотя в церкви не должно быть политики, но “считаться с политической жизнью паствы и вообще населения в крае, особенно в Галиции, существенно необходимо и духовенству, тем более, что здесь народ привык видеть в лице своего настоятеля прихода не только духовного пастыря, но и советчика и наставника, во всех вопросах столь сложной в политическом и национальном смысле жизни русского галичанина” (92). Во-вторых, православные священники, командируемые в Галицию, нередко оказывались в тяжёлом материальном положении. Они вынуждены были за свой счёт

приобретать предметы, необходимые для богослужения, жалование им выплачивалось крайне нерегулярно. И материальные трудности также не способствовали их успешной пастырской деятельности.

Распоряжения Г. А. Бобринского и действия местной администрации в вероисповедной политике стали достоянием не только российской, но и зарубежной общественности. В феврале 1915 г. российский посланник при святейшем престоле в Риме Нелидов сообщил в МИД: "Клерикальная печать начала недавно систематическую кампанию клеветы против действий императорских властей в Галиции, особенно относительно вопроса принуждения перехода в православие и непризнания законного существования униатства... Приводится... факт ссылки в Сибирь восьми униатских священников, а также повешение в местечке Олеско 4-х капуцинов вблизи австрийской границы" (93). Российский МИД оказался перед необходимостью как-то реагировать на кампанию в католической итальянской прессе. Нелидову было сообщено, что ссылки униатских священников носят исключительно политический характер и являются результатом активной антирусской деятельности высланных лиц. По поводу казни капуцинов МИД не мог сообщить нечего определённого, так как не удалось установить, было ли это в действительности или же явилось плодом журналистской фантазии (94). В дополнение к этому письму Нелидову был отправлен циркуляр, подписанный в январе 1915 г. генерал-губернатором Бобринским, чтобы посланник ознакомился с документом, вызвавшим бурю общественного негодования, наряду с общей политикой в крае. Нелидов счёл возможным сообщить содержание циркуляра в Ватикане. Высшее католическое духовенство крайне негативно отнеслось к этому документу, и негодование Рима усилилось, когда он получил документальное подтверждение своих опасений. Кардинал Пачелли, ознакомившись с текстом циркуляра, сразу же высказал свой протест, отметив, что ряд пунктов циркуляра нарушает права католической церкви. Униатские храмы, заметил кардинал, не могут становиться православными или же находиться в совместном пользовании, поскольку храм, несмотря ни на что, остаётся католическим.

С какой целью Нелидов довёл до сведения Ватикана текст циркуляра, остаётся не ясным. Министр иностранных дел С. Д. Сазонов был неприятно удивлен, узнав о неожиданных действиях Нелидова и устных протестах Ватикана. Он телеграфировал Нелидову 4 мая 1915 г.: "Циркуляр галицкого генерал-губернатора был доставлен Вам, как сказано в препроводительном письме «для вашего сведения». Предполагалось, что Вы используете его содержание при случае, наилучшим образом, но никогда не имелось в виду передавать его, хотя бы в качестве частной

записки в статс-секретариат (имеется в виду статс-секретариат Ватикана – А.Б.). Сожалею, что Вы таким образом вызвали последний на протест” (95).

Бурная реакция на вероисповедную политику российских властей в Галиции не только в Российской Империи, но и за её пределами, заставила искать виновников происходящего. В руководстве галицкого генерал-губернаторства, в Ставке, среди местной интеллигенции к весне 1915 г. сложилось твёрдое убеждение в том, что бурное и не всегда добровольное обращение униатов в православие – результат торопливой деятельности российского духовного ведомства и лично архиепископа Евлогия.

Протопресвитер армии и флота Георгий Шавельский писал по этому поводу: “Из писем своих петроградских друзей я знал, что архиепископ Евлогий в своих воссоединительных действиях вдохновляется другим, талантливым, но иногда плохо разбирающимся в обстоятельствах, архиепископом Антонием и всецело поддерживается и руководится своеобразным ревнителем православия В.К. Саблером” (96), которому, по мнению Шавельского, “нужны были громкие цифры воссоединённых и «домики» (имеются в виду здания митрополичьей резиденции – А.Б.) во Львове” (97). Шавельский также утверждал, что генерал-губернатор граф Бобринский в феврале 1915 г. “с раздражением говорил о «вредной политике» архиепископа Евлогия, своими воссоединениями волновавшего население и в большей части его вызывавшего озлобление. Граф Бобринский считал работу архиепископа Евлогия вредной для русского дела и опасной для местного населения” (98).

Но, как мы уже говорили выше, переход униатов в православие был стимулирован местными националистами еще до приезда архиепископа. Отмеченные случаи насильственного обращения униатов в Галиции, судя по сохранившимся донесениям в российское Министерство иностранных дел, как правило, были связаны с работой местной уездной администрации. Качество присылаемых в Галицию местных чиновников оставляло желать лучшего. Большинство из них отличалось выраженной склонностью к поборам с населения. Нередко переход или непереход в православие в масштабе отдельного села был связан с тем, какая именно сторона – униаты или православные – оказывалась в состоянии больше заплатить местному войту или даже уездному начальнику (99).

Однако, несмотря ни на что, пресса, общественно-политические круги, чины Ставки основным виновником неудачной политики воссоединения галицийских униатов продолжали считать епископа Евлогия.

В апреле 1915 г. Галицию посетил император Николай II. Эта поездка отнюдь не была осмотром завоёванных земель и вновь присоединяемых территорий, наоборот, она имела чисто деловой военный характер. Николай II и члены Ставки весьма демонстративно старались подчеркнуть, что визит императора никоим образом не связан с вопросами российской политики в Галиции, а император едет исключительно к войскам и с целью осмотра взятой русскими войсками крепости Перемышль. Положение русских войск в районе Перемышля было в тот момент чрезвычайно сложным. Противник готовился к наступлению.

Сложность обстановки на Юго-Западном фронте, по мнению генерала А. А. Брусилова, делала эту поездку несвоевременной. Позднее он писал: «Я находил эту поездку хуже чем несвоевременной, прямо глупой... Я относился к ней совершенно отрицательно по следующим причинам: всем хорошо известно, что подобные поездки царя отвлекали внимание не только начальствующих лиц, но и частей войск от боевых действий; во-вторых, это вносило некоторый сумбур в нашу боевую работу; в-третьих, Галиция нами была завоевана, но мы её ещё отнюдь не закрепили за собой, а неизбежные речи по поводу этого приезда царя, депутации от населения и ответные речи самого царя давали нашей политике в Галиции то направление, которое могло быть уместно лишь в том крае, которым мы овладели бы окончательно» (100). Но именно с этой поездкой было связано удаление епископа Евлогия из Галиции, по мнению протопресвитера Шавельского. В своих мемуарах он писал, что 12 апреля 1915 г. ему удалось побеседовать с императором на станции Броды и сообщить Николаю II своё мнение о воссоединении униатов в Галиции. «Я говорил с жаром и увлечением. Государь напряжённо слушал меня..

– Что же по-вашему надо сделать? – спросил меня Государь...

– Архиепископ Евлогий – достойнейший человек, но в данном случае он взял неверный курс, которого он не хочет изменить, так как, кажется, он крепко верит в правоту принятого им направления. Его поэтому надо вернуть в Волынскую епархию..., а униатское дело поручить другому...» (101).

О беседе с императором Шавельский рассказал Верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу и графу Г. А. Бобринскому. «Отлично!» – сказал великий князь, а граф Бобринский чуть не со слезами обнял меня. «Вы разрешили самый тяжёлый и запутанный вопрос в Галицийском управлении», – сказал он мне» (102).

По свидетельству Шавельского, именно после этой беседы протопресвитера с императором епископ Евлогий был удалён из Галиции с почётом: ему был пожалован крест на клобук, что было высокой наградой для молодого иерарха, которому было тогда 47 лет.

Не только протопресвитер Шавельский считал, что именно благодаря ему епископ Евлогий был устранен от работы в Галиции. Начальник Бродского уезда Б.Н. Евреинов в частном письме утверждал, что именно он рассказал Шавельскому о происходящем в Галиции, а последний затем пересказал эти сведения императору.

В изложении Евреинова ситуация выглядела так: “В день обратного проезда государя через Броды утром я имел доклад у графа Бобринского (о вероисповедной политике в Восточной Галиции – А.Б.) ...Граф был в восторге, так как это вполне совпадало с его взглядами и он немедленно познакомил меня с протопресвитером армии и флота, которому просил рассказать всё подробно. Вслед за сим на моих глазах государь дважды беседовал со Шавельским и результатом было предписание не притеснять униатов и, по-видимому, удаление отсюда архиепископа Евлогия, деятельность коего находят слишком кипучей. Во Львове надо мною потом смеялись, что я свалил Евлогия” (103). Но, по сути, деятельность епископа Евлогия в Галиции прекратила война. В мае 1915 г. русские войска оставили крепость Перемышль, затем Львов и всю Восточную Галицию.

Свидетельство протопресвитера Шавельского является, пожалуй, одним из самых ярких и до последнего времени наиболее доступных для историков. Подробное описание истории воссоединения галицийских униатов в годы Первой мировой войны и оценки протопресвитера, данные этому процессу, оказали огромное влияние на формирование позиции существующей историографии.

Подавляющее большинство историков, авторов работ по истории русской православной церкви, римско-католической церкви, истории Западной Украины, опубликованных в России и за рубежом, придерживаются того же взгляда на роль епископа Евлогия и Святейшего Синода, что и большинство современников, считая, что именно они были сторонниками и проводниками политики насильственного воссоединения галицийских униатов.

И.К. Смолич в своем фундаментальном труде “История русской церкви. 1700–1917 гг.” пишет, что “когда русские войска взяли Львов, обер-прокурор В.К. Саблер настоял на образовании церковного управления оккупированных областей..., армейское командование, в том числе и сам Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, телеграфировали государю о необходимости прекратить мероприятия по воссоединению униатов в Галиции; у генерал-губернатора руки были связаны, и он протестовал лишь в частных разговорах. Но обер-прокурор Саблер, опиравшийся на кружок императрицы и Распутина, оказался влиятельнее, чем слабавольный император Николай II” (104).

Автор работы по истории создания в России католического экархата дьякон Василий также пишет о лидирующей роли епископа Евлогия в воссоединении униатов в Галиции, используя формулировки типа “епископу Евлогию удалось овладеть”, “достижение епископа Евлогия” в деле воссоединения и т. п. (105). Такого рода высказываний в существующей литературе довольно много. Но необходимо заметить, что история вероисповедной политики в Галиции в 1914–1915 гг. не может считаться полной, если не учитывать роли местной администрации и националистически настроенных местных и российских общественно-политических деятелей, для которых воссоединение униатов с православной церковью было одним из важнейших моментов политической программы.

Вероисповедная политика русской администрации в Восточной Галиции в 1914–1915 гг., вызвавшая столько толков в периодической печати, протестов общественности, Ватикана, была теснейшим образом связана с вопросами не только конфессиональными, но и политическими. Фактически до зимы 1915 г. можно было говорить о том, что русской администрации удавалось до определённой степени сдерживать “энтузиазм” националистов и регулировать отношения униатской и православной церквей. При этом, местная администрация проявляла нерешительность и не всегда проводила последовательную политику. В той ситуации, которая сложилась в Галиции, любой повод к тому, что начинается насильственное обращение униатов в православие, мог иметь колоссальное значение. Таким поводом послужила проповедь архиепископа Евлогия. Заметим, что к этому моменту ситуация, вследствие неуёмной активности местных и российских националистов, была достаточно напряжённой, и слова архиепископа, которые в другой ситуации могли быть расценены как нейтральные, вызвали волну протеста среди униатского духовенства. Открытое письмо униатских священников архиепископу Евлогию подтолкнуло местную администрацию к ответным мерам репрессивного характера. Религиозная проблема превратилась в политическую, затрагивавшую как внутри-, так и внешне-политические интересы Российской Империи. Слияние в одном вопросе религиозной веры и государственной политики, наложенное на задачи укрепления тыла русской армии, повлекло за собой меры, которые современники могли оценить только как новую волну гонений на греко-католическую церковь. Немногочисленная и, возможно, неполная официальная статистика утверждает обратное. Формальное сопоставление цифр переходов униатов в православие относительно общего количества униатского населения Восточной Галиции показывает, что процент переходов был очень невысок. Основная масса населения продолжала

оставаться в униатской церкви. По некоторым данным только 20 священников в Восточной Галиции (всего их было около двух тысяч) перешли в православие. Православными стали около 100 приходов, причём часть из них за счёт того, что на пустовавшие по разным причинам священнические места были присланы православные священники (106). Поэтому основной причиной для возмущения конфессиональной политикой русских властей в Восточной Галиции были не её реальные итоги, а попытки "обращений" на местах, декларативные заявления местных националистов ("русофилов") и, наконец, общее негативное и изначально настроенное отношение местных общественно-политических деятелей (униатов и католиков) к самому факту появления православного духовенства на территории Галиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Евлогий*, архиепископ Волынский. Обращение к галицко-русскому народу и духовенству. – Б.м., 1914. С.1.
2. РГИА. Ф.821. Оп.12. Д.150. Л.70.
3. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.161. Л.23.
4. РГИА. Ф.797. Оп.84. Отд.2, Ст.3. № 510. Л.37 об.–38.
5. РГИА. Ф.821. Оп.12. Д.150. Л.135.
6. Подробнее см.: На чужой стороне. – Прага, 1925. № 13. С.163.
7. *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. – М., 1963. С.100.
8. Полный текст проповеди см.: *Василий*, дьякон. Леонид Федоров. Жизнь и деятельность. – Рим, 1966. С.288–289.
9. Цит. по: *Василий*, дьякон. Леонид Федоров. Жизнь и деятельность. – Рим, 1966. С.289.
10. //Украинская жизнь. 1914. № 8–10. С.102.
11. РГИА. Ф.821. Оп.12. Д.150. Л.16.
12. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.161. Л.8.
13. Там же. Л.3 об.
14. Там же. Л.4.
15. Имелся в виду министр внутренних дел (1912–1915 гг.) Н.А. Маклаков.
16. Цит. по: *Василий*, дьякон. Леонид Федоров. Жизнь и деятельность. – Рим, 1966. С.290.
17. Там же.
18. На чужой стороне. – Прага, 1925. № 13. С.164.
19. Отчёт о деятельности жандармского управления военного генерал-губернаторства Галиции с 25 ноября 1914 г. по 4 июня 1915 г. – Киев, 1915. С.7.
20. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.161. Л.43 об., 65–66.
21. Цит. по: *Винтер Э.* Папство и царизм. – М., 1964. С.490.
22. РГИА. Ф.821. Оп.12. Д.150. Л.125.
23. РГИА. Ф.797. Оп.84. Отд.2. Ст.3. № 510. Л.38 об.
24. //Украинская жизнь. 1914. № 8–10. С.103.
25. РГИА. Ф.821. Оп.12. Д.150. Л.60.

26. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.161. Л.54.
27. Там же.
28. *Винтер Э.* Папство и царизм. – М., 1964. С.492.
29. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.161. Л.38.
30. Там же. Л.122.
31. РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.896. Л.30 об.
32. Церковно-общественный вестник. 1914. № 35–36. С.10.
32. РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.855. Л.1.
32. Там же.
33. *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Путь моей жизни. – М., 1994. С.233.
34. Там же. С.91
35. Там же.
36. //Прикарпатская Русь. 1914. 15 сентября.
37. РГИА. Ф.797. Оп.84. Отд.2. Ст.3. № 510. Л.36–37.
38. *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Путь моей жизни. – М., 1994. С.237–238.
39. РГИА. Ф.797. Оп.84. Отд.2. Ст.3. № 510. Л.38 об.
40. //Червоная Русь. 1914. № 3. С.1.
41. //Украинская жизнь. 1914. № 8–10. С.100–101.
42. //Правительственный вестник. 1914. 9 сентября.
43. РГИА. Ф.797. Оп.84. Отд.2. Ст.3. № 510. Л.21 об.
44. //Украинская жизнь. 1914. № 8–10. С.102.
45. РГИА. Ф.821. Оп.150. Д.35. Л.13.
46. Там же. Д.37. Л.23.
47. *Евлогий, архиепископ.* Обращение к галицко-русскому народу и духовенству. – Б.м., 1914. С.3.
48. РГИА. Ф.797. Оп.84. Отд.2. Ст.3. № 510. Л.18–18 об.
49. РГИА. Ф.821. Оп.150. Д.38. Л.22 об.
50. РГИА. Ф.797. Оп.84. Отд.2. Ст.3. № 510. Л.39–40.
51. //Церковно-общественный вестник. 1916. №13.
52. Всеподданейший доклад обер-прокурора Св. Синода об устройстве Православной Церкви в завоеванной Россией частью Галиции. – Пг., 1915. С.16.
53. //Украинская жизнь. 1914. № 8–10. С.95–96.
54. //Прикарпатская Русь. 1914. 6 октября.
55. РГИА. Ф.821. Оп.150. Д.35. Л.22.
56. Там же. Л.23.
57. Там же. Л.23 об.
58. Там же. Л.24 об.
59. Всеподданейший доклад обер-прокурора Св. Синода об устройстве Православной Церкви в завоеванной Россией частью Галиции. – Пг., 1915. С.18.
60. РГИА. Ф.812. Оп.150. Д.37. Л.177.
61. Там же. Д.38. Л.22 об.
62. Отчёт Галицко-русского общества в Петрограде за 1914–1915 гг. – СПб., 1915. С.29.
63. //Приходской листок. 1914. 26 сентября.
64. Там же.
65. *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Путь моей жизни. – М., 1994. С.243.
66. //Церковно-общественный вестник. 1914. № 41. С.3.
67. Отчёт Галицко-русского общества в Петрограде за 1914–1915 гг. – СПб., 1915. С.22.
68. РГИА. Ф.797. Оп.84. Отд.2. Ст.3. № 510. Л.124.
69. РГИА. Ф.812. Оп.150. Д.39. Л.70.
70. Там же.
71. Там же. Л.70 об.

72. Там же. Д.37. Л.125.
73. Новый энциклопедический словарь. – СПб., б.г. Т.16. Стб.934.
74. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.161. Л.20.
75. *Евлогий (Георгиевский), митрополит*. Путь моей жизни. – М., 1994. С.242.
76. //Прикарпатская Русь. 1914. 8 декабря.
77. Там же.
78. *Евлогий (Георгиевский), митрополит*. Путь моей жизни. – М., 1994. С.242.
79. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.162. Л.20 об.
80. Там же. Л.50–51.
81. Там же. Л.44 об.
82. *Евлогий (Георгиевский), митрополит*. Путь моей жизни. – М., 1994. С.242.
83. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.162. Л.45 об.
84. АВПРИ. Ф.136. Оп.890. Д.59. Л.2 об.
85. Там же. Л.2 об.
86. Отчёт канцелярии временного военного генерал-губернатора Галиции в период времени с 28 августа 1914 г. по 1 июля 1915 г. – Киев, 1915. С.29, 73.
87. РГИА. Ф.821. Оп.12. Д.150. Л.59.
88. Там же. Л.59 об.
89. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.162. Л.57–57 об.
90. Отчёт канцелярии временного военного генерал-губернатора Галиции в период времени с 28 августа 1914 г. по 1 июля 1915 г. – Киев, 1915. С.29.
91. Там же.
92. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.162. Л.43 об.
93. АВПРИ. Ф.136. Оп.890. Д.59. Л.4.
94. Там же. Л.6.
95. Там же. Л.8.
96. *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. – Нью-Йорк, 1954. С.172.
97. Там же. С.170.
98. Там же. С.173.
99. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.159. Л.183.
100. *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. – М., 1963. С.152.
101. *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера российской армии и флота. – Нью-Йорк, 1954. С.180.
102. Там же. С.181.
103. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.159. Л.183 об.–184.
104. *Смолич И.К.* История русской церкви. 1700–1917 гг. – М., 1997. С.349.
105. *Василий, дьякон*. Леонид Федоров. Жизнь и деятельность. – Рим, 1966. С.295.
106. Там же. С.295–296.

Часть III
ПОЛИТИКА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В ГАЛИЦИИ.
1915–1917 гг.

ГЛАВА 1 ОТСТУПЛЕНИЕ РУССКИХ ВОЙСК ВЕСНОЙ–ЛЕТОМ 1915 г. БЕЖЕНЦЫ, “ВЫСЕЛЕНЦЫ”, ЗАЛОЖНИКИ

В конце мая 1915 г. русские войска сдали крепость Перемышль, и началось отступление с территории Австро-Венгрии.

Следом за отступавшими русскими войсками двинулось местное население. Епископ Евлогий в своих воспоминаниях писал об эвакуации галицийских беженцев: “Они двинулись табором, неорганизованным потоком, стар и млад, лошади, коровы, телеги, гружённые домашним скарбом... Положение галицийского каравана было ужасно. В пыли, грязи, под дождём и зноем, рожая и умирая в пути, двигался грандиозный табор беженцев, не зная, где и когда он оседет. Надо было кормить скот и самим кормиться. Наши крестьяне, оберегая свое достояние, на свои луга чужой скот не пускали, а кормиться самим в беженских условиях галичанам было тоже трудно” (1).

Отток местного населения из Галиции весной–летом 1915 г. был массовым явлением. По данным периодической печати, к августу 1915 г. в России насчитывалось около 100 тыс. беженцев из Галиции. Точный учёт прибывавшего из Галиции населения не всегда вёлся, и газеты пользовались округлёнными приблизительными данными. Как правило, в периодической печати фиксировались данные за какой-либо день или просто впечатления корреспондента. Так, газета “Утро России” 18 июня 1915 г. сообщала, что о количестве беженцев “свидетельствовало то, что каждые полчаса из Львова отходил поезд, увозивший их в Россию” (2). По данным “Киевской мысли”, 5 мая 1915 г. в Киев прибыло 1826 беженцев из Галиции (3), а 10 мая, по данным “Киевлянина”, из Перемышля – 3250 человек (4). Польские газеты, основываясь на данных о количестве выданных во Львове пропусков на въезд в Россию, считали, что ежедневно покидают Галицию 25943 человека (5).

По уточнённым данным Министерства внутренних дел, только в Киеве в конце августа находилось 12 тыс. беженцев из Галиции. Таким образом, даже по самым приблизительным подсчётам количество беженцев из Галиции летом 1915 г. исчислялось десятками тысяч человек.

В конце марта – начале апреля 1915 г. противник начал наступление. Спасаясь от военных действий, мирные жители стали приезжать во Львов и другие населённые пункты Восточной Галиции. В начале апреля число их было весьма значительно. Краевой благотворительный комитет во Львове под председательством В.А. Бобринского стал активно заниматься вопросами устройства беженцев. Первоначально беженцев размещали во Львове. Но уже очень скоро стало ясно, что количество их столь велико, что в одном городе всех прибывших поселить невозможно. Поэтому в конце апреля было решено начать эвакуацию беженцев дальше, в Киев. 3 мая 1915 г. В.А. Бобринский организовал отправку из Львова 2 тыс. беженцев. В Киеве их устройством должно было заниматься киевское отделение Галицко-русского благотворительного общества.

Момент для приезда беженцев был довольно благоприятный, так как во многих помещичьих имениях не хватало рабочих рук, и были шансы на быстрое устройство беженцев в экономиях Киевской, Волынской, Подольской, Черниговской и Полтавской губерний (6). По данным периодической печати, в мае 1915 г. из Львова в Киев было эвакуировано 18 тыс. беженцев из Карпат. К 20 мая их эвакуация была закончена (7).

В конце мая 1915 г. русские войска оставили крепость Перемышль. Началось отступление. Поток беженцев из Восточной Галиции увеличился.

Причины столь массового отъезда мирного населения на территорию Российской Империи были различны. Во-первых, население стремилось уйти дальше от театра военных действий, спасаясь от обстрелов. Во-вторых, часть населения покидала свои жилища, опасаясь расправ со стороны австрийцев за связи с русскими. Такие расправы имели место уже в 1914 – начале 1915 гг., особенно там, где велись активные военные действия, и отдельные местности периодически переходили в руки то к русским, то к австрийцам. В основном, это касалось крестьян из вновь образованных православных приходов. Но, как было показано выше, таких приходов было не так много. К числу тех, кто эвакуировался из Галиции, опасаясь расправ, относились также местные русофильски настроенные общественные деятели, организованные к тому времени русские приюты, школы.

В-третьих, огромные массы беженцев двинулись в Россию, так как русское командование стремилось оставить австрийцам пустынную

территорию и отдало для этого соответствующие распоряжения. Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал-адъютант Н.И. Иванов приказал: “Во избежание вербовки мужского населения Галиции в возрасте от 18 до 50 лет в ряды австро-венгерской армии в местностях, оставляемых русскими войсками, всех мужчин этого возраста высылать в Россию, в Волынскую губернию” (8). Выслаемым разрешалось брать с собой семьи, домашний скарб, рогатый скот и лошадей. Приказ генерала Иванова был подтверждён и дополнен приказом военного генерал-губернатора Галиции от 2 июня 1915 г. Г.А. Бобринский в дополнение к приказу Иванова предложил желающим выехать за свой счёт по железной дороге из Львова, для этого были организованы специальные поезда (9).

Многие из мирных жителей восприняли приказ об эвакуации в Россию как насилие, репрессивную меру русской власти. Далеко не все хотели оставлять родные места и пытались протестовать. В Министерство иностранных дел была отправлена телеграмма от жителей нескольких сёл Галиции, которые сообщали о том, что власти выселяют в качестве беженцев население оккупированных русскими властями селений, хозяйство пропадает, и просили “защиты, оставить нас в своих домах. Мы не винны” (10). МИД не принял никаких мер, передав полученную телеграмму в Ставку на усмотрение главнокомандующего.

Действия военной и гражданской администрации были вызваны, в первую очередь, требованиями войны, необходимостью максимально освободить район военных действий от мирного населения. Насколько была оправдана эта мера со стратегической точки зрения, судить довольно трудно. Но весной 1915 г. она представлялась просто необходимой.

Поток беженцев из Галиции был так велик, что сложно было поверить в то, что вся эта масса выезжает исключительно по требованию военных властей. Уполномоченный всероссийского союза городов Юго-Западного фронта князь С.Д. Урусов в интервью корреспонденту газеты “Киевская мысль” высказал свои соображения по этому поводу. Он считал, что выезд мирного населения из Галиции весной 1915 г. был инспирирован местными общественно-политическими деятелями, отдельными представителями русской администрации и православного духовенства. Урусов утверждал, что, расспрашивая беженцев, выслушивая их жалобы, ему удалось выяснить, что “главной причиной перехода в Россию послужили обещания, которые раздавали безответственные добровольцы, ведя определённую пропаганду” (11). Агитация, по утверждению князя Урусова, сводилась к тому, что галичанам обещали “чуть ли не готовые хозяйства, устроенные гнёзда. Эти обещания затуманили им головы... Многие из них серьёзно требовали по 1 рублю

в день, что им тоже обещали, спрашивали, где те хозяйства, которые конфискованы в их пользу” (12). Ему вторила газета “День”. О политике в Галиции в ней было напечатано следующее: “... политику направлял министр приготовительного класса г. Маклаков, а националисты в качестве его агентов организовывали по Галиции и сёлам смуту, которая нам так дорого обошлась. А теперь 100 тыс. беженцев... голодными глазами смотрят на нас и ждут” (13).

Интервью князя Урусова для газеты “Киевская мысль” было перепечатано рядом других изданий и послужило своеобразным толчком к тому, что в газетах появились более конкретные сообщения с указанием имён “виновника” происходящего. “Русское слово” и “Биржевые ведомости” сообщили, что “галицкие беженцы отказываются от предложения идти на работы или переселяться в другие губернии, ссылаясь на то, что архиепископ Евлогий будто бы обещал наделить их землёю в Волынской губернии за счёт секвестрованных колоний немецких колонистов” (14).

Имя архиепископа Евлогия как основного виновника массового выезда мирного населения Галиции в Россию было упомянуто без каких-либо весомых оснований. Для прессы 1914–1915 гг. (за исключением, пожалуй, крайне правых газет) вообще была характерна обличительная тенденция по отношению к православному духовенству. Деятельность архиепископа Евлогия в Восточной Галиции, независимо от её реальных целей и результатов, была чрезвычайно заманчивым объектом для обличительных репортажей. И именно этим настроением можно объяснить то, что “Русское слово” и “Биржевые ведомости” не назвали ни одного имени, кроме имени архиепископа Евлогия. Такое отношение было своего рода знамением времени – времени накануне массовых гонений на православную церковь и духовенство. Нигилистическое отношение к церкви, отсутствие должного пиетета к иерархии, отношение к архиереям как к обычным заурядным политикам или невежественным монахам формировалось задолго до появления декрета об отделении церкви от государства. И кампания в прессе против архиепископа Евлогия, основанная на слухах (чего сами корреспонденты не отрицали), была составной частью этого процесса.

Обвинение в том, что он является виновником появления массы галицийских беженцев в России, было опровергнуто архиепископом Евлогием. Он отправил письма в “Русское слово” и “Киевскую мысль”, где заявил, что “наплыв беженцев вызван вовсе не моим необдуманном обещанием, а прямым распоряжением русских властей в Галичине” (15).

Потрясение, вызванное этим обвинением, было, видимо, так сильно, что уже двадцать лет спустя, в 1935 г. в своих воспоминаниях

митрополит Евлогий вновь вернулся к этому событию, упомянув, что летом 1915 г. “в петроградских газетах началась против меня дикая травля...: я обманул галичан, я обещал 1 рубль каждому беженцу суточных, а в результате денег никаких не выдают, а всех обрекли на вымирание от холеры и т. д. Злая, нелепая клевета!” (16).

Епископ Евлогий принимал участие в эвакуации детских приютов и, частично, православных приходов. Значительную часть времени он посвятил собственно не тому, чтобы вывезти беженцев из Галиции, а их устройству уже в России. Одновременно с этим генерал-адъютант Иванов получил приказ о выселении немецких колонистов из Волынской губернии. Этим обстоятельством и воспользовался архиепископ Евлогий. В Волынской губернии, по подсчётам архиепископа Евлогия, находилось около 50 тыс. беженцев из Галиции. Они жили на военном полигоне. И архиепископ предложил генералу Иванову поселить их в деревнях, которые остаются пустыми. Иванов согласился. Беженцев стали расселять в покинутых домах немецких колонистов.

Именно этот эпизод дал возможность указанным газетам опубликовать заявление о том, что архиепископ Евлогий самыми разными обещаниями заставил галичан ехать в Россию. Распространению подобной информации способствовало также и то, что планы переселения беженцев из Галиции на земли немецких колонистов существовали. Летом 1915 г. в газете “Прикарпатская Русь” было опубликовано сообщение о том, что “вопрос о временном поселении наших крестьянских беженцев на землях немецких колонистов не был вовсе «необдуманным обещанием» (архиепископа Евлогия – А. Б.), а обсуждался очень и очень серьёзно как в военных, так и в военно-гражданских решающих кругах и, по имеющимся сведениям из очень авторитетных источников, был, по крайней мере, близок к благоприятному для наших крестьян разрешению” (17). Так или иначе, какие-то сведения об этом в Галиции распространились. В сочетании с приказом командования – эвакуировать трудоспособное мужское население с семьями – эти слухи вполне могли перерасти в убеждение в том, что предлагается переезд в обжитые сельскохозяйственные районы, а не эвакуация, вызванная стратегическими соображениями.

Заметим, что вопрос о расселении беженцев на землях немецких колонистов касался не только беженцев из Галиции, но и Царства Польского и других территорий. К началу 1916 г. из Волыни были высланы все немцы-колонисты. Был закончен секвестр их земель. Всего было секвестровано 98 тыс. десятин, не считая арендованных земель, не подвергшихся секвестру. На этих землях было расселено более 50 тыс. беженцев, из которых более 50% составляли беженцы из Галиции (18).

Массовый выезд мирного населения из Галиции в Россию был вызван общим ходом военных действий и целым рядом действий местной администрации. Проекты, связанные с идеей присоединения Галиции к Российской Империи, сыграли свою роль. План переселения галицийских крестьян, видимо, на уровне слухов проникнул в массы. Такие слухи, в свою очередь, поддерживали желание уехать в надежде на лучшее будущее. Для малоземельного крестьянства Галиции даже слухи о получении земли могли сыграть роль решающего аргумента.

Помимо беженцев на территории Российской Империи к лету 1915 г. оказались также весьма многочисленные группы так называемых галицийских выселенцев и заложников. Борясь с антирусскими и “мазепинскими” настроениями в крае, местная администрация к началу 1915 г. приступила к высылке в административном порядке “неблагонадёжных” элементов.

Выселением из Галиции занимались и гражданская администрация, и военные. Формально, право принимать решение о высылке предоставлялось командирам корпусов, но фактически такие распоряжения отдавали и командиры дивизий. Высылка производилась на основании российских правил о местностях, объявленных на военном положении. Основанием для неё могло служить распространение неблагоприятных для русской армии слухов, запугивание населения местью со стороны австрийцев, подозрение в шпионаже. Высылаемые передавались или в распоряжение гражданской администрации, или этапных комендантов. Первоначально они из Галиции направлялись на жительство в Томскую губернию, а в январе 1915 г. министр внутренних дел приказал направлять высылаемых в Симбирскую губернию. Весной того же года местом высылки на основании распоряжения начальника Штаба Верховного главнокомандующего (от 8 апреля 1915 г.), согласованного с министром внутренних дел, стала зауральская часть Пермской губернии, а 18 апреля министр внутренних дел распорядился направлять высылаемых исключительно в Енисейскую губернию. Таким образом, место ссылки “неблагонадёжных” из Восточной Галиции постепенно сдвигалось к северу.

Административно высланные из Галиции следовали этапным порядком в Поволжье и Сибирские губернии, затем в Сибирь. Всего из Восточной Галиции было выслано в Енисейскую губернию 163 человека, в Симбирскую – 214, Томскую – 137, Полтавскую – 20, внутренние губернии России – 54. Часть высылаемых оставалась в пределах Галиции, их перемещали в восточные районы. Сколько всего было изгнано из Галиции, сказать довольно сложно. Поскольку высылкой “неблагонадёжных элементов” занимались и военные, и гражданские власти, то

подсчёты велись по-разному или вообще не велись. Последнее касалось военных. Особенно сложно было учесть количество изгнанных евреев, поскольку из войсковых районов их выселяли часто целыми семьями и, как отмечал Г.А. Бобринский, “массовые выселение их достигало до 10 тыс. человек в особенности в феврале 1915 г. из района крепости Перемышль” (19). В отчёте временного военного генерал-губернатора Г.А. Бобринского говорится, что в 1914–1915 гг. из Галиции было выслано 1962 человека и переселено в восточные районы края 2364 человека (20). Из них по распоряжению генерал-губернатора Г.А. Бобринского было выслано 419 человек и 159 – по требованию военных властей (21). Но в военных условиях движение это было настолько медленным, что фактически значительная их часть осталась к концу лета 1915 г. на юге России. Состав высылаемых был довольно пёстрым: 34 униатских священника, 16 чиновников, 7 ксендзов, 16 учителей, 5 студентов, 18 войтов, 14 адвокатов и врачей, 7 землевладельцев и др. В целом представители интеллигенции в числе высылаемых занимали чуть больше половины.

Самую малочисленную группу, вывезенного из Галиции населения, составляли заложники. Впервые заложников начали брать на основании распоряжения главнокомандующего Юго-Западным фронтом от 22 сентября 1914 г., в котором говорилось, что в районах Восточной Галиции, занятой русскими войсками отмечены случаи умышленной порчи населением телеграфа и мостов. В связи с этим генерал-адъютант Н.И. Иванов предписывал в районах, где находятся стратегически важные объекты, брать заложников. К началу 1915 г. командование пришло к выводу, что еврейское население враждебно относится к русской власти и к своим согражданам, которые поддерживают русских. В результате, в прифронтовых районах, которые периодически переходили из рук в руки, начались репрессии со стороны австрийских властей, основанием для которых были доносы евреев. Такова была точка зрения военных. Поэтому, как отмечалось в отчёте канцелярии военного генерал-губернатора, чтобы “оградить население от жестокостей, а войска от шпионажа евреев” (22), было опубликовано распоряжение Верховного главнокомандующего, приказывавшего, во-первых, выселять евреев вслед за отступающим противником и, во-вторых, брать заложников из наиболее известных местных обывателей и отправлять их в губернии на левом берегу Днестра, предупредив, что они являются ответственными за все насилия, учинённые над мирным населением по навету евреев (23). Среди заложников из Восточной Галиции были, в основном, директора банков, городские головы, местные промышленники и торговцы, известные представители интеллигенции. Вывезенные в качестве

заложников, они должны были стать своеобразными гарантами спокойствия в крае.

Заложники направлялись в штаб Киевского военного округа или же в Черниговскую и Полтавскую губернии. К лету 1915 г. часть их была вывезена в Симбирскую губернию, другие находились в Киеве. Всего в 1915 г. из Восточной Галиции в качестве заложников было вывезено 554 человека (24), по другим данным, – 700 (25). При этом, большинство заложников было вывезено при отступлении русских войск в 1915 г. По этому поводу Г. А. Бобринский, подводя итоги деятельности военного генерал-губернаторства, заметил, что “взятие же заложников при отступлении армии не имеет практического значения... В этих случаях они только излишне обременяют власть заботами об их содержании, как о том свидетельствует опыт взятия заложников при отступлении наших армий из Галиции” (26).

В итоге, летом 1915 г. на территории Российской Империи оказалось несколько десятков тысяч человек мирного населения из Галиции, которых надо было как-то устраивать, обеспечивать питанием и жильём. Кроме чисто материальных нужд для беженцев из Галиции необходимо было решить вопрос юридического статуса. Несмотря на широкую кампанию по объявлению Восточной Галиции русской территорией, все прибывшие из Галиции формально являлись представителями Австро-Венгрии – иностранного государства, с которым Россия находилась в состоянии войны. Чтобы прояснить ситуацию, группа представителей Русского народного совета Прикарпатской Руси встретилась с управляющим Министерством внутренних дел князем Н.Б. Щербатовым. В числе представителей от галицкой общественности были В.Ф. Дудыкевич, Л.Г. Алексеев, Г.С. Малец. Щербатов обещал им содействие в устройстве молодежи в учебные заведения и поиске работы для трудоспособного населения. Весьма важным для МВД был вопрос о политической благонадёжности галичан. Руководство министерства опасалось, что на территорию Империи проникла масса австрийских шпионов. Но радикально решить эту проблему летом 1915 г. было практически невозможно. Определить, кто есть кто в огромной неорганизованной и плохо поддающейся учёту массе беженцев казалось нереальным. МВД решило возложить ответственность за политическую лояльность беженцев из Галиции на Русский народный совет. Представителям Русского народного совета, в губерниях, где находились галицийские беженцы, было поручено выдавать своим землякам свидетельства о благонадёжности (27).

Появление на территории Российской Империи беженцев из Галиции, а несколько позднее из Царства Польского и северо-западных

губерний заставило правительство обратить внимание на положение беженцев в целом. До лета 1915 г. о проблемах, связанных с беженцами, практически не задумывались. Обращение представителей галицкой общественности в Министерство внутренних дел подтолкнуло правительственные круги к обсуждению этого вопроса. 30 июля 1915 г. в Министерстве внутренних дел состоялось совещание, в котором приняли участие представители МВД, Государственной думы и Государственного совета, отдельных ведомств и общественных организаций. Председателем совещания был товарищ министра внутренних дел Н.В. Плеве. Совещание было созвано после того, как в Государственной думе ряд её членов высказались за издание специального закона о беженцах. В МВД был, в свою очередь, выработан текст законопроекта и вынесен на обсуждение совещания 30 июля 1915 г. Основное внимание было уделено двум вопросам: какие учреждения будут заниматься устройством беженцев и какие группы населения можно отнести к категории беженцев.

Практически без разногласий, участники совещания пришли к выводу, что вопросами, связанными с беженцами должно заниматься МВД и его местные органы, а также органы земского и городского самоуправления. Помимо этого, предложено было в качестве координационного и совещательного органа создать Особое совещание при министре внутренних дел и под его председательством.

Для участия в работе такого совещания предполагалось привлечь представителей Государственной думы и Государственного совета, Комитета великой княжны Татьяны Николаевны, Красного Креста, Всероссийского земского и городского союзов и ряда других учреждений. Непосредственно управляться с делами, связанными с беженцами, должен был специально создаваемый для этой цели отдел МВД с правами департамента.

Важнейшей проблемой стало определение оснований для статуса беженца. Вопрос осложнялся тем обстоятельством, что к лету 1915 г. на территории Российской Империи находились иностранные беженцы (из Турции и ряда других государств). Поэтому участники совещания 30 июля 1915 г. в своём решении сразу же сделали оговорку о том, что мероприятия по организации помощи беженцам распространяются не только на подданных Российской Империи, но и на некоторые категории подданных иностранных государств. Под “некоторыми категориями” подразумевались, в первую очередь, беженцы из Галиции и Турецкой Армении (28).

В результате, к концу лета 1915 г. беженцы из Галиции получили равные права с беженцами из Царства Польского и северо-западных губерний. Российское правительство, приравняв их к беженцам – подданным

своего государства, взяло на себя обязательства по обеспечению галицийских беженцев жильём, продовольствием, одеждой.

В июне–июле 1915 г. основная масса беженцев из Галиции сосредоточилась в Киеве. В Киеве находились представители всех трёх категорий, выехавшего и вывезенного из Галиции населения – беженцы, выселенцы и заложники. Помимо Киева, беженцы из Галиции находились в Одессе, Екатеринославской, Калужской, Смоленской, Черниговской и Харьковской губерниях. В Киеве беженцы размещались преимущественно на Подоле, в таможенных пакгаузах и на городском ипподроме. Основная масса народа находилась в весьма тяжёлых условиях. Как отмечали газеты, “живут они в крайне антисанитарных условиях; спят вповалку на полу и на земле, питаются случайно и отвратительно и лишены минимальной медицинской помощи” (29).

Не лучшим было положение выселенцев и заложников. В соответствии с действовавшим в России законодательством, административно высланные лица во время следования по этапу должны были содержаться в тюремных помещениях. Административно высланные из Галиции содержались в Киеве при полицейских участках, в переполненных камерах, вместе с уголовниками. Чуть лучше было положение заложников. Хотя они также помещались в арестные дома, но поскольку среди них было довольно много поляков и евреев, то они содержались на средства польских и еврейских общественных организаций.

Национальный подход в решении проблем беженцев из Галиции играл существенную роль. Заботу о беженцах польской и еврейской национальностей брали на себя польский и еврейский общественные комитеты. Остальные беженцы содержались почти исключительно на суммы, выделяемые из российской казны и отдельные благотворительные пожертвования. Местные городские власти весьма негативно отнеслись к появлению в Киеве массы беженцев из Галиции. Так, представитель киевской Городской думы назвал ситуацию аномальной и заметил: “Если администрация думает иметь в Киеве только определённое число беженцев, не превышающее установленную норму, было бы справедливо вместо галичан, которым решительно всё равно в каком городе России жить, лишь бы кормили, составить то же число беженцев из русских... Если задержавшиеся здесь беженцы-галичане только случайность, надлежит эвакуировать их вглубь России” (30).

28 июля 1915 г. управляющий МВД Н.Б. Щербатов внёс в Совет министров предложение о закупке 30 млн. пудов ржи для оказания продовольственной помощи беженцам из Галиции и Польши. Предложение Щербатова было поддержано Советом министров, и средства выделили. Из сумм Министерства внутренних дел на нужды “карпаторусских бе-

женцев” было выделено 300 тыс. руб. и 160 тыс. руб. из средств Комитета великой княжны Татьяны Николаевны (31). Беженцам из Галиции выделялась ежедневная сумма. Размер её колебался от 20 до 50 копеек. Административно высланные получали по 11 копеек в день. Помимо ежедневной выплаты организовывались дополнительные. Они, в первую очередь, распространялись на воспитанников учебных заведений, приютов, слушателей курсов. Эти средства расходовались на покупку кроватей, матрасов, одежды.

Распределением казённых сумм на содержание беженцев занимались как местные органы Министерства внутренних дел, так и общественные организации. Большие надежды в этом плане российское правительство возлагало на Русский народный совет Прикарпатской Руси. Совет сам выступил с инициативой и предложил свои услуги в организации помощи беженцам: распределение средств, пайков, дополнительные дотации наиболее нуждающимся и т.д. Предложение выглядело вполне здравым, поскольку члены Совета сами находились в массе беженцев и могли лучше ориентироваться в ситуации.

В конце августа Киев был объявлен транзитным пунктом. В связи с этим на совместном совещании представителей Комитета великой княжны Татьяны Николаевны и представителей Русского народного совета было решено вывезти беженцев из Галиции в другие города (32). Одним из центров, куда переместилось значительное количество беженцев и руководство Русского народного совета, стал Ростов-на-Дону. Туда были вывезены гимназии, учительские курсы, руководство Русского народного совета и т.д. По сути, Ростов-на-Дону летом–осенью 1915 г. стал центром проживания значительной части беженцев из Галиции. Всего в Ростове-на-Дону оказалось около 6 тыс. представителей галицийской интеллигенции и учащихся, не считая беженцев из крестьян (33). При отъезде из Галиции значительная часть беженцев эвакуировалась с минимумом имущества в надежде на скорое возвращение домой. К осени 1915 г. эти люди оказались в тяжелейшем положении. Единственным источником существования для них стали дотации русских властей. Галицийским беженцам выделялись деньги или продуктовый паёк, или готовые обеды. Выделенные средства на содержание беженцев из Галиции передавались Русскому народному Совету, который взял на себя обязательство организации жизни галичан в Ростове-на-Дону.

В октябре 1915 г. в российское Министерство иностранных дел поступило сообщение о том, что положение галицийских беженцев в Ростове-на-Дону чрезвычайно неблагоприятно. Сведения были двоякого рода: во-первых, в местной прессе началась развернутая кампания против Русского народного совета, во-вторых, сообщения периодической

печати подтверждались сообщениями чиновников МИД'а, находящихся в Киеве. 11 октября 1915 г. Олферев телеграфировал М.Ф. Шиллингу, что сведения о положении галицийских беженцев в Ростове-на-Дону настораживают, и желательно ознакомиться с ситуацией на месте (34). Одновременно, 13 октября 1915 г. газета "Приазовский край" опубликовала подробную статью "Галичане в Ростове". В статье описывались мытарства, связанные с получением питания, сухих пайков, повседневный быт беженцев. "Системы здесь нет никакой. Некоторые получают обед на Скобелевской улице... Других кормили прежде на вокзале, теперь отказывают в обеде, посылают в контору за пайком... Некоторые по неделям ходят, пока получают его" (35).

Эта статья была началом развёрнутой газетной кампании против Русского народного совета. Начав с обвинений Совета в неумении организовать работу, газета "Приазовский край" перешла к более серьёзным обвинениям. 31 октября газета сообщала: "Последнее время по городу стали усиленно циркулировать слухи о некоторых непорядках в расходовании отпускаемых Народному совету сумм на содержание беженцев..." (36). Этот непрозрачный намёк возмутил руководство Совета во главе с В.Ф. Дудыкевичем. Им была начата не менее шумная кампания в прессе о необходимости привлечения редакции газеты "Приазовский край" к судебной ответственности за клевету. "Приазовский край" не остался в долгу, и 23 ноября 1915 г. подписчики читали о руководителе Совета Дудыкевиче: "Как москвофил он охотно принимает от москалей субсидии. Но он моментально сжимается и враждебно озирается по сторонам, как только речь заходит о том, чтобы москальские деньги поступали в распоряжение москальских общественных организаций. Он сам желает печься на средства русской казны о своих земляках" (37).

Газетная кампания осени 1915 г., по оценкам сотрудников МИД'а, была направлена не просто против руководства Совета, некорректно распределявшего полученные средства. По мнению Олферева, эта кампания была ничем иным как борьбой "украинофилов" с "москвофилами" уже на российской территории. Надо отметить, что каких-либо весомых доказательств этого Олферев в своих сообщениях в МИД не приводил (38), ограничиваясь намёками. Изучив ситуацию на месте, Олферев также пришёл к выводу, что деятельность Русского народного совета в Ростове-на-Дону была, действительно, автономной и бесконтрольной. И в начале столь шумной газетной кампании во многом повинны "сами галичане, которые по обыкновению своими дрызгами, жалобами, критикой и политическими интригами между собой, просто вынесли сор из избы, не приняв в расчёт, что они не дома..." (39).

Тяжёлое положение беженцев пытались облегчить благотворительные организации. В мае 1915 г. в Киеве было организовано Общество для оказания помощи населению юга России, пострадавшему от военных действий. Общество включило в свои задачи организацию помощи беженцам из Галиции. В Одессе благотворительностью занималось отделение Галицко-русского благотворительного общества. Обеспечение и питание беженцев также пытались взять на себя Всероссийский союз городов и Всероссийский земский союз. Кроме того, галицийскими беженцами занимались иностранные благотворительные организации.

В январе 1915 г. в Лондоне был создан Комитет “Великобритания – Польше и Галиции”. Комитет находился под покровительством примаса Англии, архиепископа Кентерберрийского, бывшего премьер-министра Великобритании лорда Розберри и английского посла в России Джорджа Бьюкенена. Председателем Комитета была княгиня Л.Б. Барятинская, заместителем – леди Байрон. Все перечисленные общественные организации занимались устройством жилья и питательных пунктов для беженцев, при этом, надо заметить, что большинство российских общественных организаций были крайне ограничены в собственных средствах. Практически все они просили государственного финансирования для организации помощи беженцам. На свои собственные средства рассчитывал только британский Комитет. Масштаб деятельности Комитета был весьма значительным. Открываемые им пункты были рассчитаны на 2,5–3 тысячи человек. Для сравнения – Киевское общество для оказания помощи населению юга России могло охватить от 80 до 300 человек.

Помимо организации текущей помощи беженцам из Галиции, российское правительство пыталось решить проблему более радикально. Огромная масса крестьян нуждалась в работе и земле. Выход из положения был предложен главноуправляющим землеустройством и земледелием А.В. Кривошеиным. В июне 1915 г. Кривошеин обратился в Совет министров с предложениями по устройству галицийских беженцев. По данным Кривошеина, к этому моменту в Киеве их насчитывалось 12 тыс. Часть была согласна поселиться на казённых землях в Сибири. Кривошеин считал целесообразным организовать переселение галичан в Сибирь.

Но немедленное переселение было невозможно. Согласно действовавшему законодательству, на казённые земли в азиатской части Российской Империи могли переселяться только русские подданные. Переход в русское подданство, в свою очередь, был возможен только при условии проживания на территории России в течение 5 лет. Этими привилегиями не могли воспользоваться беженцы из Галиции. Поэтому

Кривошеин обратился в Совет министров с просьбой сделать для них исключение (40).

По представлению Кривошеина Совет министров принял постановление “О переселении галичан в Сибирь”. Постановление было высочайше утверждено. В нём говорилось о разрешении “состоящим в иностранном подданстве русским галичанам *православного* (курсив мой – А.Б.) вероисповедания, заявляющим желание переселиться на... казённые земли Сибири, вступить в русское подданство без соблюдения установленного в законе требования о предварительном пятилетнем проживании в России” (41).

Помимо этого российские власти пытались решить вопросы, связанные с обучением детей. В конце июля 1915 г. в Министерстве народного просвещения состоялось совещание под председательством товарища министра А.К. Рачинского. Совещание обсуждало вопрос об организации обучения детей галицийских беженцев. По данным министерства, 800 человек нуждались в продолжении среднего образования. В министерстве пришли к выводу о том, что целесообразно организовать особые гимназии для этих детей, чтобы те из них, кто получал у себя на родине не классическое образование, могли поступать в российские реальные училища. Особые учебные заведения для галичан предполагалось открывать в центральных губерниях Российской Империи (42).

Русские военные и гражданские власти совершенно неожиданно оказались перед проблемой, о которой ранее не думали. Активная образовательная, вероисповедная политика русских властей в занятых частях Галиции имела своим следствием то, что местное население в глазах австрийских властей могло рассматриваться пособниками русских и подвергнуться репрессиям. Особенно это касалось тех, кто принимал русских священников, переходил в православие и т. д.

В масштабах Восточной Галиции процент такого населения был, пожалуй, невелик. Но количество это увеличивалось за счёт организованных там детских приютов, гимназий, начавших с зимы 1915 г. работу по русифицированным учебным программам. Кроме того, в начале войны политика австрийских властей в отношении местного населения, заподозренного в прорусских симпатиях, была весьма жёсткой: аресты, высылки вглубь Австро-Венгрии, казни. Всё это уже само по себе заставляло местное население думать, что с возвращением австрийцев последуют наказания уже за простое соприкосновение с русскими властями.

Беженцы из Галиции находились на территории Российской Империи до весны 1916 г. После улучшения обстановки на фронте значительная их часть попыталась вернуться обратно. Но свободный въезд

в Галицию ограничивали военные власти, понимая, что появление на театре военных действий массы мирного населения будет мешать активному передвижению войск. В течение 1916–1917 гг. российские власти (сначала Временное правительство, а затем и большевики) решали вопросы, связанные с отправкой беженцев из Галиции на родину.

Положение галицийских беженцев в России было затруднительным. При этом, довольно сложно вычлениить их из общей массы беженцев из Царства Польского и северо-западных губерний Российской Империи. Лишения терпели не только беженцы из Галиции, но и вообще все беженцы, не имевшие в достаточном количестве собственных средств. Следует заметить лишь то, что по отношению к галицийским беженцам со стороны общественно-патриотических организаций имел место авантюризм. Русский народный совет Прикарпатской Руси, объявив о своей готовности взять на себя организацию жизни своих соотечественников, прибывших в Россию, не обладая достаточным количеством людей, способных сделать эту работу, не справился со своей задачей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни.* – М., 1994. С.250–251.
2. //Утро России. 1915. 18 июня.
3. //Киевская мысль. 1915. 5 мая.
4. //Киевлянин. 1915. 12 мая.
5. //Dziennik Polski. 17.06. 1915.
6. //Львовский вестник. 1915. 4 мая.
7. //Львовский вестник. 1915. 6 мая.
8. //Прикарпатская Русь. 1915. 4 июня.
9. Там же.
10. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.191. Л.32.
11. //Украинская жизнь. 1915. № 8–9. С.138
12. Там же.
13. //День. 1915. 31 июля, 2 августа.
14. Цит. по: Украинская жизнь. 1915. № 8–9. С.138.
15. Там же.
16. *Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни.* – М., 1994. С.254.
17. Цит. по: Украинская жизнь. 1915. № 8–9. С.138.
18. //День. 1916. 4 апреля.
19. Отчёт временного военного генерал-губернатора Галиции по управлению краем за время с 1-го сентября 1914 г. по 1 июля 1915 г. – Киев, 1916. С.17.
20. Там же.
21. Там же. С.30.
22. Там же. С.34.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же. С.17.

26. Там же. С.17.
27. //Новое время. 1915. 26 июля.
28. //Новое время. 1915. 31 июля.
29. //Украинская жизнь. 1915. № 8–9. С.113.
30. //Вечерняя газета. 1915. 13 августа.
31. РГИА. Ф.909. Оп.1. Д.431. Л.14 об.
32. //Новое время. 1915. 25 августа.
33. РГИА. Ф.909. Оп.1. Д.431. Л.16.
34. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.191. Л.4.
35. //Приазовский край. 1915. 13 октября.
36. Там же. 1915. 31 октября
37. Там же. 1915. 24 ноября.
38. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.191. Л.8 об.
39. Там же.
40. //День. 1915. 20 июня.
41. //Украинская жизнь. 1915. № 8–9. С.139.
42. //Новое время. 1915. 29 июля.

ГЛАВА 2 ПОЛЬША, УКРАИНА, ГАЛИЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, АВСТРО-ВЕНГРИИ И ГЕРМАНИИ В 1916 г.

Среди правящих кругов и общественности Германии с начала Первой мировой войны не было единства по польскому вопросу. Отсутствие единства мнений было логическим следствием различного отношения отдельных общественно-политических и правительственных группировок к дальнейшим перспективам войны с Россией. Круги, группировавшиеся вокруг канцлера, добивались продолжения войны с Россией вплоть до окончательной победы, разрабатывая проекты восстановления Польского государства. Но при этом, среди отдельных групп промышленников и общественных деятелей господствовала ориентация на заключение сепаратного мира на Востоке. В 1915 г. попытка заключения сепаратного мира с Россией не удалась. И преобладающей в германских правящих кругах стала концепция необходимости создания между Германией и Россией буферного государства – Польши. По мере германских успехов на фронтах мировой войны всё более решительным сторонником этой концепции становился канцлер Т. Бетман-Гольвег. Но ему и его сторонникам не удалось одержать верх. В Германии всё больше чувствовался недостаток как в солдатах, так и в рабочих руках и ресурсах. И естественным выходом из ситуации виделось использование ресурсов Польши. Особые надежды германское командование возлагало на проведение там военного набора. Предполагалось, что Польша может дать от 900 тыс. до 1 млн. солдат.

Меры, принимаемые Австро-Венгрией и Германией к привлечению польского населения на свою сторону, многочисленные обещания,

конкретные уступки и т.д. вызвали негативную реакцию украинского населения в Галиции.

В начале июня 1916 г. австрийское правительство приняло ряд экстренных мер для обеспечения своего тыла в Польше. Было объявлено о возвращении полякам Холмщины, разрешении возобновить деятельность польской матицы, привлечении польских городских и иных общественных организаций к работе по народному просвещению и по снабжению населения продовольствием. Перечисленные мероприятия были ничем иным как поспешной реакцией Австро-Венгрии на начавшееся наступление русских войск на Юго-Западном фронте. Эти мероприятия должны были изменить настроение поляков, дожидавшихся от австрийцев радикального решения польского вопроса. Но одновременно эти меры вызвали тревогу в лагере галицийских украинцев. В украинской периодической печати в Галиции появились высказывания о том, что Австрия поддерживает польский “империализм”. Особенно взволновали два обстоятельства: присоединение Холмщины к Люблинской губернии и новые попытки латинизации украинского алфавита. Последняя мера, правда, не была объявлена официально, но в начале лета 1916 г. в Галиции стали распространяться упорные слухи о том, что австрийские власти намерены ввести латинский шрифт при обучении чтению и письму в галицийских украинских школах (1)

Дальнейшее наступление русских войск заставило австрийское правительство изменить политике исключительной поддержки поляков. После падения Коломыи галицийским украинцам было обещано скорейшее открытие во Львове украинского университета.

Активные шаги Австро-Венгрии и Германии в решении польских и украинских национальных проблем на территории Галиции и Царства Польского обеспокоили российскую сторону. При этом, на первом месте был польский вопрос, поскольку речь шла о Царстве Польском, входившем в состав Российской Империи.

В феврале 1916 г. камергер Н. А. Базили представил в Министерство иностранных дел записку, где сообщал, что “наши враги со времени занятия ими наших польских областей и особенно за последнее время делают полякам систематические и далеко идущие авансы..., появляются и распространяются проекты нового устройства Польши на почве включения ее в той или иной форме в состав среднеевропейского союза государств под главенством Германии, говорят об образовании из польских областей России, Германии и Австрии особого государства” (2). Опасность позиции Германии в польском вопросе для России, по мнению Базили, усугублялась тем, что доверие к России в польских кругах значительно упало как вследствие долгого бездействия в вопросе об

автономии, так и вследствие противопоставления политики русских властей в Восточной Галиции действиям немцев на территории Царства Польского (3). Бездействие России в польском вопросе, по замечанию Базили, могло привести также к разногласиям с союзниками при разработке условий будущего мирного договора, поскольку неопределённость русских заявлений по польскому вопросу могла дать союзникам, симпатизирующим полякам, основания для трактовки их в самом широком смысле.

Внимание министра иностранных дел С.Д. Сазонова к проблеме послевоенного управления Польшей усугублялось, по его собственным словам, тем, что Германия и Австро-Венгрия пытались выработать решения по польскому вопросу. Выступая в Совете министров, С.Д. Сазонов усомнился, “было ли бы правильным, с точки зрения государственных интересов России, сохранить впредь до обратного завоевания Польши то пассивное отношение к польскому вопросу, которое было усвоено правительством после отступления наших войск из пределов Царства, летом минувшего года” (4).

В своих воспоминаниях он писал: “Я не сомневался, что германское и австро-венгерское правительства используют это положение в ущерб России путём лживых обещаний, на самом же деле для более или менее скрытого присоединения польских земель, лежавших по ту сторону их границ” (5). Поэтому “надо было во что бы то ни стало..., раньше, чем центральные державы успели под видом призрачного восстановления Польши приступить к её окончательному расчленению, чтобы Россия объявила голосом своего государя, как она понимала национальное возрождение польского народа”. При этом, уже недостаточно было провозглашения принципов “вроде объединения раздробленного тела Польши, свободы её религиозной жизни и развития национальной культуры, но обеспечить её возврат к политическому существованию, дав ей для начала государственное устройство, основанное на полном внутреннем самоуправлении” (6). Так формулировал свою позицию министр иностранных дел спустя несколько лет после описываемых событий. Но весной 1916 г., поднимая в Совете министров польский вопрос, Сазонов исходил не столько из стремления отстоять “возрождение польского народа”, сколько из насущных задач внешней политики.

В апреле 1916 г. Сазоновым были составлены два документа: “Памятная записка” министра иностранных дел С.Д. Сазонова и “Устав о государственном устройстве Царства Польского”. В “Записке”, датированной 17 апреля, автор писал: “Надо создать в Польше такую политическую организацию, которая сохранила бы за Россией и её монархом

руководство судьбами польского народа и в то же время давала бы его национальному движению широкий выход” (7). По мнению С. Д. Сазонова, в решении вопроса об устройстве Польши необходимо было исходить из задачи создания буфера между Россией и Германией. Иными словами, Сазонов стремился перехватить инициативу у Германии в деле создания буферного государства, поскольку ни та, ни другая сторона не мыслили себе создание полностью независимого “буфера”. Польский вопрос окончательно стал для Сазонова вопросом внешнеполитическим. Он считал, что не только после окончания войны, но и несколько десятилетий Россия должна быть готова видеть в Германии постоянного политического противника. Поскольку Польша представляет собой рубеж между Россией и Германией, то “русско-германское разграничение на польской земле не исчерпывается проведением стратегически выгодной или топографически удобной пограничной черты, а представляет собою сложную политическую проблему, сливающуюся с вопросом, как будет Россией решён польский вопрос” (8). В “Записке” Сазонов снова подчеркнул своё отношение к возможному участию союзников в решении польского вопроса: “Отрицать международное значение польского вопроса значило бы лишь закрывать глаза на действительность... Я полагаю, что Россия не должна допустить формально международной постановки польского вопроса, и обязана перед своим прошлым и ради своего будущего сама его разрешить... именно, чтобы избежать формально-международной постановки вопроса, необходимо, чтобы решение пошло возможно скорее... Только оно даст средство успешно бороться с политической интригой наших врагов и неразумными исканиями поляков, выросшими на почве безгосударственного существования” (9). По мнению Сазонова, могло быть три варианта решения польского вопроса со стороны России: предоставление Царству Польскому независимости, автономное положение Царства в составе Империи и введение в Царстве Польском широкого местного самоуправления. Сазонов считал, что одинаково невыгодны для России существование независимого Царства Польского и получение последним широкого самоуправления. Первый путь неприемлем потому, что нельзя будет противодействовать возможному германскому влиянию на территории независимой Польши. “Мы должны сохранить прямой общий контроль над судьбами Польского края и не должны отречься от нашей исторической традиции, созданной Екатериной II и Александром I и осуществлявшейся в разных формах в течение всего прошлого столетия” (10), – так писал в своей “Записке” Сазонов. Им были разработаны основные положения автономного устройства Царства Польского в составе Российской Империи (11).

“Записка” Сазонова была представлена в Ставку императору и в Совет министров Б.В. Штюрмеру. В Ставке записку рассматривали начальник Штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексеев и генерал Брусилев. Последний написал письмо в МИД и Совет министров по этому поводу, отмечая, что “единственная возможность расположить поляков в пользу России состоит в том, чтобы теперь же, без промедления, реально осуществить им обещанное, в тех размерах, которые признаются ныне допустимыми, но которые не должны быть меньше того, что предлагает полякам Австрия” (12).

Позиция С.Д. Сазонова не вызвала сочувствия у членов Совета министров и у его нового председателя Б.В. Штюрмера. Но Сазонову удалось заручиться поддержкой царя. 29 июня 1915 г. С.Д. Сазонову вместе с М.В. Алексеевым удалось представить Николаю II проект манифеста по польскому вопросу. В “Воспоминаниях” Сазонов так описал эту встречу: “Проект был прочитан Государю целиком, и каждая его статья подверглась тщательному разбору, причём Его Величество задавал мне вопросы, доказывавшие его интерес к предмету моего доклада. После меня генерал Алексеев разобрал его со специальной точки зрения военной безопасности Империи и в заключение выразился... в пользу его принятия”. После некоторого размышления, по свидетельству Сазонова, Николай II сказал, что “одобряет проект и находит его обнаружение своевременным”. На замечание министра иностранных дел о том, что проект встретит в Совете министров сопротивление большинства вместе с председателем, и можно рассчитывать на поддержку только трёх его членов, император сказал Сазонову, что “по закону меньшинство в тех случаях, когда он (т.е. император – А.Б.) становится на его сторону, приобретает перевес над большинством” (13), как бы обещая, таким образом, свою поддержку сазоновского проекта. Сазонов в своих воспоминаниях писал, что после согласия императора на разработку манифеста о Польше, он поручил разработку проекта специалисту по вопросам международного права барону Б.Э. Нольде, а когда работа была закончена, проект был передан С.Е. Крыжановскому для согласования его с имперскими законами (14). О том, что Крыжановский приступил к разработке текста в соответствии с указаниями императора, Сазонов сообщил последнему уже 2 июля. Проект манифеста был составлен к 6 июля 1916 г. и тут же представлен императору, который его полностью одобрил и 8 июля 1916 г. передал на рассмотрение в Совет министров, наложив резолюцию: “Немедленно рассмотреть...” (15). В одобренном императором проекте манифеста говорилось, что настало время “закрепить на твёрдых основаниях закона обещания, данные нами народу польскому” и “предоставить Польше всю ту свободу устройства

ея внутреннего быта, какая совместна с сохранением единой для обоих народов государственности как наилучшей опоры в защите от общего врага”. Основы управления Польшей, сформулированные в проекте манифеста, во многом соответствовали ранее высказанным польским требованиям. В частности, весьма чётко была отражена идея Сазонова об объединении этнографической Польши под протекторатом России. Во вводной части манифеста говорилось: “Мы признаем за благо предоставить Польше всю ту свободу устройства ее внутреннего быта, которая совместна с сохранением единой для обоих народов государственности” и предлагалось российским законодательным учреждениям “незамедлительно рассмотреть положение о новом устройстве Польши в *тех пределах, в коих промыслу Господнему благоугодно будет верить её державному обладанию нашему*” (16) (курсив мой – А. Б.) (17).

После удачного решения вопроса с проектом манифеста о Польше С. Д. Сазонов уехал отдыхать в Финляндию. Сразу после его отъезда Б. В. Штюрмер отправился в Ставку для встречи с императором. После этой встречи 7 июля 1916 г. С. Д. Сазонов был смещён с поста министра внутренних дел, а на его место назначен Б. В. Штюрмер.

Отставка Сазонова с поста министра иностранных дел породила немало толков и слухов. Причины смены главы Министерства иностранных дел Российской Империи представлялись современникам весьма туманными и потому зловещими. Ожидавшие завершения войны и начала мирных переговоров чиновники российского МИД’а, военные чины Ставки были потрясены сменой министра. Для них Сазонов был человеком, державшим в своих руках все нити внешней политики Империи, последовательно проводившим внешнеполитический курс России на международной арене, и его отставка, по их мнению, влекла за собой массу сложностей для работы внешнеполитического ведомства. Любопытно в этом плане письмо Н. А. Базили к начальнику канцелярии министра иностранных дел М. Ф. Шиллингу: “Алексеев сказал, что он не понимает, как можно говорить об уходе министра иностранных дел в настоящих условиях: «Сазонов... с начала войны ведёт дело, приближается момент ликвидации, все нити в его руках – менять министра теперь невозможно»” (18).

Дж. Бьюкенен в своих мемуарах связывал поездку Штюрмера в Ставку и отставку Сазонова именно с разногласиями по польскому вопросу и стремлением обеспечить победу своей точки зрения на будущее управление Польшей (19). Такого же мнения придерживался британский посол в Париже Ф. Берти. Он считал отставку Сазонова, во-первых, результатом “комбинированной интриги императрицы, реакционной и германской партий в России” и, во-вторых, итогом действий

Штюмер, пытавшегося навязать императору свой вариант решения польского вопроса. «Штюмер желал ограничить уступки Польше известными муниципальными и областными привилегиями и децентрализацией в административном отношении, без какой бы то ни было политической автономии... Во время его (Сазонова – А. Б.) отсутствия Штюмер и его друзья обработали императора при помощи императрицы, и Сазонов пал» (20). Но для Штюмера польский вопрос не представлял такого интереса как для Сазонова, а обсуждение проекта манифеста «О будущем устройстве Польши» прошло в крайне консервативном духе.

Проект манифеста обсуждался в Совете министров 13, 16 и 18 июля 1916 г. В особом журнале Совета министров было отмечено, что разработанный статс-секретарём Крыжановским проект является редакционным видоизменением начал внутреннего самоуправления в Царстве Польском, составленных бывшим министром иностранных дел С. Д. Сазоновым. Члены Совета министров пришли к выводу, что из существа содержащихся в статье манифеста формулировок явствует, что дальнейшие взаимоотношения Польши и России «намечается предпринять в форме союзного государства, как она понимается современной наукой государственного права». Но подобная постановка вопроса, как отметили члены Совета министров, обращаясь к императору, идёт «гораздо дальше тех обещаний, которые от имени Вашего Императорского Величества были даны польскому народу в связи с новыми политическими обстоятельствами. Нельзя не опасаться, что столь решительное правовое обособление польских земель способно породить немало осложнений и замешательств во внутренней жизни России, в составе которой находятся кроме поляков и другие народности, издавна проникнутые мечтами о племенном самоопределении и в настоящее время под влиянием всеобщего подъема настроений с особливою остротой относящиеся к национальным вопросам» (21). Большинство членов Совета министров и его председатель Б. В. Штюмер сошлись на том, что до окончательного выяснения будущей политической обстановки предпринятие нового устройства Польши могло бы породить недоразумения (22). В конечном итоге, большинство членов Совета министров пришли к выводу о преждевременности какого-либо манифеста по польскому вопросу. В качестве аргументов были выдвинуты следующие: возможность ответных мер со стороны немцев, которые после издания российского манифеста «способны провозгласить, например, образование самостоятельного польского государства..., нежелательные толки» (23) внутри России.

В итоге, предлагалось вместо издания манифеста завершить разработку законопроекта о Польше и внести его на рассмотрение Госу-

дарственного совета и Государственной думы (24). На этом 19 июля 1916 г. завершилось обсуждение в Совете министров проекта высочайшего манифеста о будущем устройстве Польши. Автономия Польши провозглашена не была. Как и в 1914–1915 гг. польский вопрос остался таким же неопределённым. По-прежнему имела в виду необходимость лояльного отношения к полякам.

Польская общественность продолжала внимательно следить за развитием польской политики Германии и России. При этом вновь особое значение приобретала Галиция. Действия Германии и Российской Империи на этой территории можно было расценивать как пример решения польского вопроса в целом. Отступление русских войск и взятие немцами Варшавы к лету 1915 г. усилило интерес германских правящих кругов к вопросу о будущем государственном устройстве Польши. Это обстоятельство, учитывая традиционную антипольскую направленность политики Германии в отношении Познани, беспокоило польских общественных деятелей. Возможный вторичный приход русских в Галицию, территорию, где поляки пользовались известной автономией и политическими правами, подталкивал польскую общественность к тому, чтобы обеспечить для своего народа определённый минимум культурно-национальной автономии в случае, если невозможным окажется создание самостоятельного польского государства.

Известный политический деятель Царства Польского С. Ф. Грабский в декабре 1915 г. направил в Министерство иностранных дел записку о недостатках русского управления в Галиции и о необходимых мероприятиях на этой территории в случае вторичного вступления в Галицию русских войск. Грабский отмечал, что русская администрация в Галиции оставила о себе память далеко не благоприятную, поскольку её действия основывались на ошибочных представлениях о Восточной Галиции как чисто русской территории с немногочисленным польским населением. Зимой 1915–1916 гг. в среде польских общественных деятелей растёт стремление в очередной раз доказать, что Галиция в обеих её частях является польской территорией и, таким образом, обеспечить на этой территории проведение либерального курса в отношении к полякам. Как уже было показано выше, Австро-Венгрия и Германия придерживались в Галиции преимущественно такой политики, предоставляя широкие права польской части населения. И российская сторона весной–летом 1916 г. в силу сохранившейся неопределённости в решении польского вопроса также прислушивалась к пожеланиям общественно-политических деятелей сохранить за поляками в Галиции максимум культурных и политических прав.

Украинский вопрос зимой 1916 г. во многом оставался вне внимания правительственных кругов. Вновь к этой проблеме обратились с началом наступления русских войск на территории Австро-Венгрии. Внимание, которое высказало незадолго перед этим австрийское правительство к национальным потребностям украинского населения Галиции, заставляло задуматься о том, как будет решаться украинский вопрос в случае вторичного занятия Галиции.

После того как положение русских на Юго-Западном фронте стало улучшаться, умеренно настроенные украинские политические круги Галиции не раз пытались склонить правящую верхушку Российской Империи к либеральному решению украинского вопроса. Представители этого лагеря, начиная с июня 1916 г., активно стремились убедить российское дипломатическое ведомство в том, что значительная часть украинских общественно-политических деятелей Галиции готова к сотрудничеству с русскими властями. При этом, обращаясь в российское Министерство иностранных дел, они подчеркивали, что, хотя и рассчитывают на ряд уступок их национальным требованиям, но эти требования будут весьма скромными по сравнению с теми, которые предъявлялись до этого Австрии. Причина такого подхода заключалась в том, что «подчинение России означает для них территориальное объединение Украины, т.е. высшую цель национальных стремлений, ради которой можно поступиться многим» (25).

Стремление части украинских политических деятелей к контактам с Российской Империей летом 1916 г. было вызвано, во многом, опасением возможных репрессий со стороны русских властей. И помимо обеспокоенности тем, как в будущем решится украинский вопрос, общественные деятели Галиции через свою национальную организацию – Украинское бюро в Лозанне – пытались обращаться к российским дипломатическим представителям с целью получения гарантий, что преследования украинцев в Галиции (в случае занятия русскими войсками Львова) не будет.

Запросы такого плана направлялись из Берна в Петроград уже весной 1916 г., когда было очевидно, что основную роль в управлении Галицией будут играть военные власти. Именно военным будет принадлежать весьма важная роль в галицийской политике и в том числе и в определении форм решения украинского вопроса. Министерство иностранных дел консультировалось по поводу запросов из Берна в Ставке. 6 июня 1916 г. министр иностранных дел С. Д. Сазонов сообщил М. В. Алексееву о том, что императорский посланник в Берне возбудил вопрос о возможности дать украинцам успокоительные заявления о том, что они могут остаться на месте, не ожидая особых репрессий в случае

вступления русских войск во Львов (26). При этом, Сазонов писал Алексею, что несмотря на то, что общих репрессивных мер по отношению к украинцам в Галиции не будет, но необходимо подчеркнуть, что “отношение властей к отдельным лицам будет определяться характером их деятельности в отношении России” (27). Алексеев, в целом, согласился с мнением Сазонова, ответив, что “к украинцам никаких репрессий не будет, если украинцы будут вести себя вполне лояльно по отношению к России и русским властям, если они помирятся с тем порядком, который наступит в случае вторичного занятия нами Львова, ничто не нарушит личных прав и положения украинцев”, но при этом, замечал, что “конечно отдельные виновные лица из числа украинцев, русских, поляков, евреев будут подлежать судебному преследованию по закону” (28).

Подписывая ответ министерства иностранных дел российскому посланнику в Берне 10 июня 1916 г., Сазонов вычеркнул из официального ответа фразу Алексея, о том, что, отдельные лица будут подлежать судебному преследованию, сведя ответ к тому, что “общих репрессивных мер по отношению к украинцам Императорское правительство не предполагает” (29).

Таково было предварительное решение Ставки и МИДа по украинскому вопросу в Галиции. По сути, оно во многом повторяло предшествующую позицию. Более конкретных положений к лету 1916 г. правительственные круги не сформулировали. И решение вопроса продолжилось уже на месте, летом 1916 – зимой 1917 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.32. Л.2.

2. Там же. Д.43. Л.27.

3. Там же. Л.26 об.

4. Русско-польские отношения в годы первой мировой войны. – М.-Л., 1926. С.86.

5. Сазонов С.Д. Воспоминания. – Париж, 1927. С.381.

6. Там же. С.382.

7. Русско-польские отношения в годы первой мировой войны. – М.-Л., 1926. С.86.

8. Там же. С.87.

9. Там же. С.87–88.

10. Там же. С.88.

11. В проекте С.Д. Сазонова был выделен круг общегосударственных дел (международные отношения, оборона, денежное обращение, дела православной церкви, общегосударственные займы, почта, телеграф, телефон, железные дороги, казенные монополии и ряд других), определен порядок действия законодательной (император, в единении с сеймом) и исполнительной (император) властей. Свои полномочия в области государственного управления император мог передавать наместнику или иным учреждениям. Сейму и императору предоставлялось право законодательной инициативы в целях Царства Польского.

12. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.86. Л.89.
13. *Сазонов С.Д.* Воспоминания. – Париж, 1927. С.388.
14. Там же. С.387.
15. РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.72. Л.3.
16. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.86. Л.109 об.

17. В проекте говорилось: "Царство Польское, составляя с государством Российским единое государство, объединяется нераздельностью престола... В своих внутренних делах Царство Польское управляется особыми установлениями на основании особого законодательства". К числу общегосударственных дел предполагалось отнести учреждение императорской фамилии, внешнюю политику, оборону, дела православной церкви, денежное обращение, железные дороги общегосударственного значения, связь, законодательство, носящее общегосударственный характер. Законодательная власть в Царстве Польском должна была осуществляться императором и двухпалатным Сеймом, исполнительная – наместником, назначаемым императором. Суд был отнесён к компетенции местных властей. Кроме того, проектом манифеста предполагалось нивелирование особого законодательства для Царства Польского.

18. См.: *Черменский Е.Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. -- М., 1976. С.185.

19. *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. – М., 1991. С.172.

20. *Берти Ф.* За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. 1914–1919. – М.-Л., 1927.С.106, 109.

21. РГИА. Ф.1276. Оп.10. Д.72. Л.63–64.

22. Там же. Л.26.

23. Там же. Л.30

24. Там же. Л.26–30.

25. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.32. Л.3.

26. Там же. Д.31. Л.5.

27. Там же.

28. Там же. Л.6.

29. Там же. Л.7–8.

ГЛАВА 3

ГАЛИЦКОЕ ВОЕННОЕ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО И КОМАНДОВАНИЕ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА

Во время эвакуации русских учреждений из Восточной Галиции штат временного военного генерал-губернаторства вместе с генерал-губернатором Г.А. Бобринским выехал в Киев. Формально аппарат генерал-губернаторства не был расформирован и продолжал работать в Киеве до своей ликвидации 21 августа 1915 г. приказом Верховного главнокомандующего. Но, несмотря на это, вопрос об управлении Восточной Галицией окончательно снят не был. Г.А. Бобринский предложил создать комиссию для разработки нового положения управления Галицией, в котором предполагалось учесть допущенные ошибки. Разрешение было получено (1).

В ноябре 1915 г. была создана комиссия, в которую вошли служащие военного генерал-губернаторства, представители дипломатической канцелярии при Ставке, несколько общественных деятелей. Задачи комиссии в широком смысле слова заключались в том, чтобы «исправить ошибки в управлении во время первого занятия нами Галиции и этим восстановить престиж русской власти в самом широком смысле» (2). Более конкретные задачи комиссии сводились к пересмотру прежнего «Положения об управлении областями Австро-Венгрии, занятыми по праву войны», а также решению насущных задач, связанных с возвращением галицийских беженцев на родину и улучшением их положения во время пребывания в России (3).

Положение об управлении оккупированными областями Австро-Венгрии, утвержденное в августе 1914 г., вызывало многочисленные нарекания еще в 1914–1915 гг. Недовольство организационной схемой

управления Восточной Галицией усугублялось многочисленными просчётами местной гражданской и военной администрации. Самые явные ошибки предшествующего периода: низкий образовательный и моральный уровень местных чиновников, реформаторские мероприятия в образовании и вероисповедании – заставляли задуматься о необходимости более оптимальной организации галицийского управления. Этот вопрос и начал разрабатываться в 1915 г., после отступления русских войск из Галиции.

Работа комиссии, предстоящие изменения принципов управления Восточной Галиции в случае вторичного вступления русских войск на её территорию привлекли внимание государственных и общественных деятелей как в Российской Империи, так и за её пределами. Основное внимание было сосредоточено на изучении многочисленных ошибок, сделанных в Галиции в 1914–1915 гг. Очевидные недостатки в организации гражданского управления, в деятельности администрации, кадровой политике заставляли задуматься о том, какие изменения нужно внести для того, чтобы избежать подобных ошибок в будущем. Особенно были обеспокоены польские общественные деятели, которых чрезвычайно волновал будущий курс российского правительства в отношении Восточной Галиции.

Среди многочисленных ошибок русской администрации польский общественный деятель С. Ф. Грабский отмечал: отсутствие единства в управлении, которое выражалось, во-первых, в том, что каждый начальник уезда вёл свою личную политику – “один из них проводил на деле основную мысль освободительной войны, другие же вели политику завоевателей”, во-вторых, единство управления нарушалось вследствие недостаточной свободы действий и полномочий генерал-губернатора и постоянного вмешательства в управление Галицией незнакомых с местными условиями “центральных Петроградских властей и политических партий” (4). Грабский предлагал после занятия русскими войсками Галиции установить равенство двух языков – русского и польского, в уездах со смешанным составом населения назначить польских помощников начальников уездов”. Очевидно, что записка Грабского выражала интересы только одной части населения Галиции, занимавшей там привилегированное положение. Но в записке были замечания и весьма объективные как, например, об отношении российских чиновников к Галиции как к русской области.

Замечания и предложения Грабского встретили резкое неприятие со стороны чинов военного генерал-губернаторства, у которых была возможность ознакомиться с её содержанием. Г. А. Бобринский по поводу этой записки отметил, что “вслед за занятием Галиции русскими

войсками, русской военно-административной власти надлежит старательно оттенять взгляд свой на Восточную Галицию как на чисто русскую область и, не давая никаких преимуществ полякам, предоставить им те же права, что и местному русскому населению» (5).

О необходимости новых принципов в организации управления Галицией в начале 1916 г. много писала русская периодическая печать. «Мы верим, что на этот раз не будут повторены те ошибки галицийского управления, которые сделаны были в 1914–1915 гг. Пока длится упорная борьба, завоеванные части Австрии остаются передовыми позициями. На этих позициях все внимание русского управления должно быть сосредоточено на всемерном содействии продвигающимся войскам, на обеспечении и укреплении тыла. Задачи политические, национальные, просветительные не должны сейчас отвлекать внимание вновь создаваемой власти,» – писала газета «Киевлянин» (6). Говоря о предстоящем введении русского управления в Восточной Галиции, «Речь» также отмечала необходимость изменения принципиальных основ руководства этой территорией. «Если мы добиваемся, – писали в газете, – укрепления дружеских чувств к России не одной только группы единомышленников одесского союзника Дудыкевича, если государственная точка зрения властно диктует полный отказ от традиционной окраинной политики, если русская власть должна в силу своего положения стать выше партийных и национальных группировок, то этим предопределяется совершенно иное, чем в прошлом году, отношение к языку, церкви и культурным учреждениям всех групп населения Галиции и Буковины» (7).

Комиссией были внесены отдельные изменения в «Положение об управлении временно оккупированными областями Австро-Венгрии», приняты решения по вопросам о языковой и конфессиональной политике в крае. Правительственным языком в Галиции по-прежнему признавался русский, а одновременно с ним генерал-губернатор мог допускать употребление «местных языков, если признаёт это необходимым» (8).

Несколько месяцев, вплоть до весны 1916 г. продолжали свои работы управление галицкого генерал-губернаторства и комиссия по пересмотру «Положения». Но в конце февраля 1916 г. в Ставке и Министерстве иностранных дел был поднят вопрос о расформировании штата галицкого генерал-губернаторства. Сотрудники канцелярии и штаба бывшего военного генерал-губернатора Галиции, подлежащих ликвидации предложили преобразовать названные структуры во временный отдел по галицийским делам при главнокомандующем армиями Юго-Западного фронта. Необходимость подобной реорганизации обосновывалась тем, что в случае вторичного вступления русских войск в Галицию,

управление может быть поручено новым людям и вновь придётся изучать край на месте и повторять прежние ошибки (9).

Успехи русских войск на Западном фронте летом 1916 г. привели к тому, что Восточная Галиция снова была занята русскими войсками. Вторичное вступление русских войск на эту территорию в 1916 г. не было уже таким эффективным как летом–осенью 1914 г. Уже никто не говорил о долгожданном воссоединении единого народа, о воссоединении Руси. Всё стало гораздо прозаичнее и серьезнее. Дипломатический чиновник российского МИДа при Ставке Верховного главнокомандующего писал из Бердичева 9 июля 1916 г.: “Грустную картину представляет из себя занятая нами часть Галиции, следы боёв..., мало населения, ... кто говорит, что австрийцы увели, а кто уверяет, что просто попрятались, но лично я думаю, что население само бежало и в ту и в другую сторону. Настроение населения мне не понравилось. От прежнего раболепства и, как будто бы, симпатий, никакого следа, скорее проглядывает нечто близкое к озлоблению и сочувствию австрийцам. Очень помогают этому сочувствию наши же инженеры, особенно путей сообщения, обманывая и озлобляя население при расчётах за позиционные работы”. И заключал: “Побывав теперь на участках, близких к позиции, я убедился, что от прежней Галиции (в первую оккупацию) и следа не осталось” (10).

Весной 1916 г. решено было вернуться к вопросу о способах управления Галицией. Если в 1915 г. деятельность Комиссии для разработки нового положения управления Галицией имела довольно абстрактный характер, была рассчитана на перспективу, то к весне 1916 г. положение стало более определённым.

Бывший генерал-губернатор Галиции граф Г. А. Бобринский и дипломатический представитель МИДа Олферев в марте 1916 г. были командированы в распоряжение главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерал-адъютанта А. А. Брусилова. Встретившись с ним 25 марта 1916 г., они услышали, что в случае успешных действий русских войск на Юго-Западном фронте и вторичного занятия Галиции, нельзя допустить повторения первой ошибки в отношении подчинённости генерал-губернаторства. Брусилов считал, что, во-первых, генерал-губернатор Галиции должен быть более самостоятельным, во-вторых, подчинён непосредственно главнокомандующему (11).

Еще до этого разговора Олферев приступил к разработке общих положений новой схемы управления Галицией. В своей записке “О желательных изменениях, касательно порядка отношений военных властей к нуждам мирного населения в местностях, находящихся в районе действующей армии вообще и галичан в частности” Олферев писал, что

одной из важнейших проблем в управлении Галицией является сложность взаимоотношений военных и гражданских властей. Гражданские власти, по мнению Олферева, будучи подчинены военным властям, стеснены в своих действиях и лишены возможности и права самостоятельно принимать зачастую важные меры, исполняя исключительно требования последних. Военные власти, в свою очередь, действуют исключительно в интересах армии, и интересы местного населения оказываются на последнем месте. Олферев считал, что главнокомандующий армиями фронта, его начальник штаба и главный начальник снабжений не в состоянии уделять должное внимание гражданским делам. Решить проблему Олферев предлагал за счёт структурных преобразований.

Ещё в 1914 г. была учреждена при главнокомандующем должность чиновника по делам гражданского управления. Реальных прав этот чиновник не имел и должность его была чисто номинальной. Олферев считал, что при главнокомандующем армиями фронта должен быть не чиновник для делопроизводства по гражданским делам, а целый отдел, глава которого будет иметь реальные и довольно обширные полномочия, дающие ему возможность по мелким вопросам непосредственно сноситься с местной гражданской властью и решать их на основании указаний главнокомандующего или главного начальника снабжений (12).

Фактически Олферев планировал создание промежуточного структурного звена между галицким военным генерал-губернатором, главнокомандующим и главным начальником снабжений. Ничего принципиально нового проектируемая Олферевым схема в будущее управление Галицией по сравнению с предшествующим периодом не вносила. Создание ещё одного промежуточного звена в управлении не изменяло сложившуюся в 1914–1915 гг. систему взаимоотношений гражданского и военного управления Восточной Галицией. Брусилов, в свою очередь, считал, что единственно возможный способ организации управления Восточной Галицией – это расширение компетенции военной власти и ликвидация какого-либо вмешательства в управление занятой территории со стороны.

В письме главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерал-адъютанта Брусилова начальнику штаба Верховного главнокомандующего Алексееву от 6 июня 1916 г. говорилось, что в “деятельности военного управления не может быть места какой-либо другой политике, кроме единственной цели – поддержания полного спокойствия в крае и обеспечения армиям полной свободы действий” (13) Но взгляд Брусилова, которого интересовали исключительно военные вопросы, не совпадал с позицией чиновников из Министерства иностранных дел.

В МИДе безусловно понимали, что основным принципом управления завоёванными областями до окончания войны должно быть не преследование чисто политических целей, а создание условий, облегчающих войскам выполнение их задач, в числе которых – укрепление и стабилизация тыла, но при этом, настоятельно подчеркивали, что всё равно сохраняется круг вопросов, которые уже во время войны требуют политической оценки и решений на общегосударственном уровне. К числу таких вопросов в Министерстве иностранных дел относили украинский и еврейский вопросы. При этом, отмечалось, что, как и прежде “никакие послабления” в борьбе с проявлениями украинофильства недопустимы. В отношении евреев предлагалось изменить тактику: отказаться от принудительных мер, поскольку практикуемое в 1915 г. выселение евреев с прифронтовых территорий не дало ожидаемого эффекта, “оказывалось неосуществимым и только производило беспорядок, затруднявший войска” (14). Поэтому предлагалось запретить возвращение беженцев с австрийской территории и таким образом пресечь возвращение евреев в Восточную Галицию.

Помимо вопросов, связанных с организацией и выработкой принципов управления Галицией, в начале лета 1916 г. предстояло решить кадровые вопросы. Первым генерал-губернатором в Галиции был граф Г. А. Бобринский, деятельность которого вызывала многочисленные и самые разнообразные нарекания. Выбор кандидатуры на пост генерал-губернатора Галиции, учитывая проблемы предшествующего периода, был довольно длительным и сложным. Единственно, что было очевидно с самого начала – невозможность вторичного назначения Г. А. Бобринского. По этому поводу совершенно определённо высказался сам император. 10 июня 1916 г. генерал Алексеев телеграфировал генералу Брусилову: “Государь император в случае вторичного занятия части Галиции не считает возможным назначить генерал-губернатора гр. Бобринского, имея в виду необходимость лица твёрдого характера, не склонного поддаваться постороннему влиянию” (15)

Кандидатуру на пост генерал-губернатора параллельно обсуждали в Министерстве иностранных дел и в Ставке. Сазонов 14 июня 1916 г. телеграфировал в Ставку Базили: “Считаю наиболее подходящим для занятия должности генерал-губернатора Галиции Кривошеина, если военный, то Евреинов” (16). Предложение С. Д. Сазонова назначить на пост галицкого генерал-губернатора А. В. Кривошеина было не случайным.

Александр Васильевич Кривошеин (1858–1923) к началу Первой мировой войны занимал пост главноуправляющего землеустройством и земледелием (1908–1915 гг.). В начале войны он был безусловным лидером в Совете министров. По свидетельству министра финансов

П.Л. Барка и ряда других видных государственных деятелей того времени, этот период соответствовал наибольшей близости Кривошеина к царю и, тем самым, zenиту его государственной карьеры. Для Барка Кривошеин был вообще самым влиятельным членом Совета министров. С ним был солидарен министр торговли В.Н. Шаховской. Аналогичного мнения придерживался в сентябре 1914 г. британский посол Бьюкенен, заметив в телеграмме Грею, что самый влиятельный член правительства – министр земледелия (17). О роли Кривошеина в Совете министров писал также помощник управляющего делами Совета министров А.Н. Яхонтов. “Наиболее влиятельным из членов Совета министров был, несомненно, А.В. Кривошеин. Наблюдая за А.В. Кривошеиным до и после объявления войны, в нём нельзя было не заметить крупного душевного переворота: его захватили величие и небывалый масштаб разрастающихся событий, и в нём чувствовалось... непрестанное внутреннее горение и особый пафос, отнюдь не напускной, а глубоко искренний... До лета 1915 г. между Кривошеиным и Горемыкиным царило неизменное согласие. Находясь в дружеском общении, они обычно сговаривались по крупным вопросам... Получалось иногда впечатление, что председатель как бы преднамеренно выдвигал Кривошеина на первый план и предоставлял ему инициативу, вмешиваясь в обсуждения лишь в случае необходимости” (18).

По мнению Яхонтова, Кривошеин был обязан своим выдвижением не “солидной протекции”, которой у него не было, но “своему тонкому уму, выдающейся трудоспособности, искусству привлекать сотрудников и поразительной чуткости к угадыванию сменявшихся настроений и авторитетов. У него было какое-то шестое чувство, сверхъестественный «нюх», подсказывающий ему благонамеренность шагов и действий” (19). Но к 1916 г. карьера Кривошеина уже была не столь блистательна. Отличавшийся определённым радикализмом взглядов, Кривошеин не мог играть прежней роли в консервативном кабинете Б.В. Штюрмера (январь–ноябрь 1916 г.), и с начала 1916 г. занимал пост члена комиссии Государственного совета по делам сельского хозяйства. Взгляды С.Д. Сазонова и А.В. Кривошеина в связи с войной на польский вопрос во многом совпадали. Своё отношение к нему они активно высказывали ещё в 1914 г. во время обсуждения польского вопроса в Совете министров в связи с воззванием к полякам за подписью великого князя Николая Николаевича. Во время одного из заседаний, когда Сазонов отметил, что внешнеполитические интересы России требуют изменения позиции в польском вопросе, и предложил свой проект организации управления Царством Польским, в полемике с Маклаковым его поддержал Кривошеин.

Поэтому предложение Сазонова назначить Кривошеина в Галицию было не случайным. Он знал его как хорошего тактичного администратора, человека, придерживающегося сходных с ним взглядов на польский вопрос. Попытки Сазонова решить его императорским манифестом, усилившиеся весной–летом 1916 г., заставляли министра иностранных дел искать на пост генерал-губернатора Галиции человека, взгляды которого на польский вопрос полностью совпали бы с позицией Министерства иностранных дел.

Переговоры по поводу назначения Кривошеина на пост галицкого генерал-губернатора вёл директор дипломатической канцелярии в Ставке Верховного главнокомандующего Н. А. Базили. Кандидатура Кривошеина была отвергнута начальником Штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексеевым. Единственным и основным аргументом Алексеева против назначения Кривошеина было то, что последний не был военным. Базили телеграфировал Сазонову 15 июня 1916 г.: “Переговорил с начальником штаба. Назначение гражданского лица на должность генерал-губернатора Галиции исключено, как несовместимое с потребностями военного управления...” (20).

Сазонов предвидел возможный отказ Ставки именно в связи с тем, что Кривошеин был гражданским чиновником. Он предложил Базили согласовать кандидатуру военного (Сазонов назвал, помимо Кривошеина, кандидатуру С. Д. Евреинова).

Как уже было сказано выше, Евреинов имел опыт работы в Восточной Галиции в 1915 г., зарекомендовав себя деятельным исполнителем. В конце зимы – начале весны 1915 г. Евреинов активно критиковал деятельность местных гражданских властей за “перегибы” в вероисповедной и языковой политике. Это снискало ему репутацию человека широких государственных взглядов. Против кандидатуры Евреинова М. В. Алексеев не возражал, но и не поддержал её (“принял к сведению”, как сообщил Н. А. Базили). В конечном итоге, вопрос о том, кто займет пост генерал-губернатора Восточной Галиции, был решён летом 1916 г. в Ставке Верховного главнокомандующего. А. А. Брусиллов выдвинул кандидатуру генерал-адъютанта Ф. Ф. Трепова. Со своим предложением Брусиллов обратился непосредственно к императору, и оно было принято. 3 июля 1916 г. Трепов прибыл в Ставку (21).

В записях великого князя Николая Михайловича от 23 сентября 1914 г. приводится оценка деловых качеств Ф. Ф. Трепова, который был командирован в Холм для организации эвакуации раненых: “Генерал-адъютант Фёдор Трепов, ...видя те безобразия, которые творятся с ранеными и их эвакуацией, и имея инструкцию очистить места для будущих увечных, совсем растерялся... сей господин с важной осанкой и глазами

блудного плута ничего не смыслит в этом ответственном деле, но надеется самоуверенно отличиться на новом поприще при крупном окладе жалования...” (22). Но оценку великого князя нельзя признать безусловной уже потому, что упомянутые записки изобилуют преимущественно отрицательными и резкими характеристиками, очевиден крайний субъективизм их автора.

Итак, военными властями летом 1916 г. были решены вопросы организации управления Восточной Галицией. Основные принципиальные решения принадлежали А. А. Брусилову. Независимо от работы комиссии по разработке нового положения об управлении Галицией им были сформулированы основные подходы к деятельности русских властей в Галиции. Брусилов считал, что задача управления временно оккупированными территориями Австро-Венгрии во время войны должна исчерпываться мероприятиями по организации содействия войскам и поддержанием порядка в тылу (23) и полностью контролироваться военной властью.

Это решение подробно комментировалось русскими газетами. “Русские ведомости” высказывались в пользу режима “чисто военной оккупации, освобождающего войска от тянувшегося вслед за ними хвоста гражданских искателей мест” (24). При этом “Русские ведомости” подчёркивали, что осуществление такого режима возможно лишь при строгом соблюдении некоторых предварительных условий. “Во-первых, нужно пресечь в самом корне возможность взгляда на вновь занимаемые земли как на новое благодарное поприще для проявления административных талантов, не находящих себе достойного приложения на родине, и для создания новых административных карьер. Внутренняя администрация в оккупируемых местностях должна вестись под надзором военных властей при помощи местных общественных сил... и без предвзятого и исключительного покровительства одной из местных партий и предоставления ей особых привилегий... Во-вторых, нужно совершенно отказаться от стремления перестраивать общий уклад жизни в оккупируемом крае... В-третьих, необходимо бережно охранять все культурные приобретения местного населения”. Уроки недавнего прошлого, заканчивали “Русские ведомости”, не должны пропасть даром, “прежние ошибки не должны повторяться. В настоящий период великой войны, которому, по-видимому, суждено сделаться решающим, более чем когда-нибудь важно помнить о том, что германскому принципу милитаристической гегемонии четверное согласие противопоставило идеи свободы и права в международных и международональных отношениях” (25).

Военные власти, начавшие играть лидирующую роль в управлении Восточной Галицией в 1916 г., придерживались того, что необходимо

“избегать всякой политической тенденции при управлении краем” (26). А.А. Брусилов считал, что в тех условиях, которые сложились в Восточной Галиции в 1916 г., возможно только чисто военное управление, без политики религиозной, школьной и других вопросов, которые были важны в 1914–1915 гг., что всё население должно быть равно, без различия национальности и религии (27). Подобной позиции придерживался и начальник Штаба генерал-адъютант Алексеев. Такой подход, казалось, должен был исключить всякие проявления национализма на территории Восточной Галиции.

Новый генерал-губернатор занятых русскими войсками областей Австро-Венгрии, генерал-адъютант Трепов приступил к выполнению своих обязанностей, руководствуясь именно этими принципами. Проблемы, которые стояли перед ним, как перед генерал-губернатором, были, в целом, такими же как в предшествующий период: организация жизни гражданского населения – образование, суд, снабжение продовольствием (так как урожаем 1915 г., в основном, погиб), предупреждение эпидемий.

Осенью 1916 г. генерал-губернатор Трепов разрешил открыть школы в Галиции и вести преподавание по ранее принятым программам. Единственное ограничение было наложено на преподавание немецкого и еврейского языков, а также русской администрации предписывалось наблюдать за тем, чтобы в школе не “допускались проявления, враждебные России”. Этим распоряжением устранялись прежние ограничения на преподавание на украинском и польском языках, и уже не делалось попыток сразу создать в Галиции русскую школу. Но это распоряжение вызвало активные возражения Министерства иностранных дел.

Летом 1916 г. МИД возглавил тогдашний председатель Совета министров Б.В. Штурмер, придерживавшийся крайне консервативных взглядов. С позицией председателя Совета министров и министра иностранных дел никак не согласовывалась политика в Галиции, предусматривавшая свободное развитие преподавания на украинском языке. То обстоятельство, что Трепов не счёл возможным немедленно ввести в преподавание в школах Галиции русский язык, вызвало возражения МИД а. Хотя позиция Трепова была вполне объяснимой: он считал, что введение в преподавание русского языка потребует решения целой массы самых разнообразных вопросов: поиск преподавателей, подбор учебников, определение места нового предмета в уже устоявшейся школьной программе и т.д. Все эти действия, по мнению Трепова, имели бы смысл в более стабильной ситуации, а в тех условиях могли бы только породить массу недовольных и в очередной раз скомпрометировать русскую власть в крае. В Министерстве иностранных дел не разде-

ляли взгляда Трепова на организацию образования в Галиции. Открытие в сентябре начальных и средних школ не только с польским, но и с украинским языками преподавания вызвало возражения МИД'а. Министерство снова обратило внимание на украинский вопрос в Галиции. В министерстве считали, что организация преподавания в школах Галиции является вопросом первостепенной важности, поскольку он тесно связан с "общим вопросом об украинстве и отношении к нему русского правительства" (28), и поэтому школьный вопрос в Галиции должен быть "выяснен и решён в строгом соответствии с нашими государственными и национальными интересами и задачами. Важность этой проблемы, по мнению Министерства иностранных дел, усугублялась тем, что то или другое направление, данное русскими властями развитию образования в Галиции, рано или поздно окажет влияние на общественное мнение в малороссийских губерниях и может иметь последствия политического характера. Это была внутривнутриполитическая сторона проблемы. Кроме этого, вопрос организации школьного преподавания в Галиции, должен был иметь внешнеполитические последствия.

Как и в 1914 г. Министерство иностранных дел заявляло, что одной из главных задач российской внешней политики является воссоединение "Прикарпатской Руси с Русью Державной", и полное духовное объединение Галиции с русским народом должно произойти, прежде всего, благодаря русской школе. Языки, которыми пользовалось население Восточной Галиции, по мнению руководства МИД'а, представляли собой "провинциальные местные наречия русского языка" (29), которые, хотя и имеют право на самостоятельное существование, использование в местном самоуправлении, но в школе "должны служить орудием к усвоению учащимися их единственного языка национального, каковым является только язык общерусский литературный" (30).

Но военные власти, управляя галицким генерал-губернаторством в 1916 – начале 1917 г., исходили из задач армейского тыла, а не национальной политики, которая по-прежнему волновала Министерство иностранных дел.

Газета "Новое время" писала, что действия новой администрации в Галиции граничат с легкомыслием, и в школах "не должно быть места ни для какой искусственной «мовь» австрийского изобретения" (31). Тем не менее, несмотря на возражения МИД'а и консервативной российской общественности, в Галиции были открыты школы по образцу и в соответствии с принципами местных властей.

Наиболее важными вопросами в политике галицкой администрации в 1916 г. были не школьный и конфессиональный (как это было прежде) – на первом месте стояли вопросы оказания помощи местному

населению, вконец разорённому войной. Русские власти вновь приступили к организации снабжения продовольствием, семенами; попытались наладить поставки из России. Деятельность военной администрации в Галиции была прервана событиями февраля 1917 г., и “галицийская проблема” досталась в наследство Временному правительству.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГВИА. Ф.2005. Оп.1. Д.14. Л.4, 147.
2. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.159. Л.223.
3. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.159. Л.223.
4. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.159. Л.272.
5. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.159. Л.277.
6. //Киевлянин. 1916. № 177.
7. //Речь. 1916. № 211(?)
8. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.159. Л.278.
9. Там же. Л.281–285.
10. Там же. Д.191. Л.47–47 об.
11. Там же. Л.3.
12. Там же. Л.7–9.
13. РГВИА. Ф.2005. Оп.1. Д.13. Л.45.
14. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.159. Л.328–330.
15. РГВИА. Ф.2005. Оп.1. Д.14. Л.5.
16. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.159. Л.300.
17. Барк П. Л. Воспоминания //Возрождение. – Париж, 1965–1966.
18. Яхонтов А. Н. Первый год войны //Возрождение. – Париж, 1936. 26 сентября.
19. Там же.
20. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.159. Л.302.
21. РГВИА. Ф.2005. Оп.1. Д.14. Л.22.
22. //Красный архив. 1931. № 4–5 (47–48). С.169.
23. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.159. Л.332.
24. //Русские ведомости. 1916.
25. //Русские ведомости. 1916. № 154.
26. АВПРИ. Ф.135. Оп.474. Д.195. Л.48.
27. Там же. Д.191. Л.48.
28. Там же. Д.196. Л.2.
29. Там же. Л.3 об.
30. Там же. Л.3 об.–4.
31. //Новое время. 1916. 16 ноября.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В начале XX в. помимо стремления к общерусскому национальному единству, к сохранению и развитию “единой и неделимой России” интерес к Восточной Галиции поддерживался целым рядом причин. Конкретные внутри- и внешнеполитические задачи побуждали правительство Российской Империи обратить пристальное внимание на небольшую часть Австро-Венгрии.

Основы противоречий между Австро-Венгрией и Россией начали складываться задолго до начала Первой мировой войны. Рубежом во взаимоотношениях Австро-Венгрии и России стал восточный кризис 1875–1878 гг. и образование в Европе двух военно-политических блоков, когда Австро-Венгрия и Россия оказались в разных лагерях. “Боснийский кризис” 1909 г. ещё более ухудшил отношения Австро-Венгрии и России. И накануне Первой мировой войны австро-венгерская монархия рассматривалась в качестве потенциального противника.

То обстоятельство, что на территории Габсбургской монархии проживали многочисленные славянские народы, проявлявшие к началу XX в. стремление к самостоятельному независимому развитию, рождало надежду на то, что внутри монархии во время будущей военной кампании будут действовать силы, которые станут опорой для русских военных властей. Весьма большие надежды в этом плане возлагались именно на Восточную Галицию.

С началом Первой мировой войны интерес российской дипломатии к этой территории усилился. Не вызывало сомнений то обстоятельство, что после окончания войны политическая карта Европы изменится. В российском министерстве иностранных дел С. Д. Сазоновым были уже в первые дни войны сформулированы основные территориальные притязания Российской Империи. В числе территорий, на присоединение которых рассчитывало российское правительство, была Восточная Галиция. Заинтересованность российских политиков в этой территории обусловлена была во многом тем обстоятельством, что предстоящий

передел мира по итогам войны ставил на повестку дня вопрос о положении и статусе Польши.

России, обладавшей частью Польши, предстояло выработать своё отношение к идее единого польского государства. Такое государство могло возникнуть после поражения Германии и Австро-Венгрии, в составе которых находились польские земли. Воссоединение разрозненных частей Польши министру иностранных дел С.Д. Сазонову представлялось необходимым и в какой-то степени неизбежным. Поэтому, имея в виду отказ от Царства Польского, необходимо было предусмотреть некоторую территориальную компенсацию. Такой территорией могла стать Восточная Галиция. “Замена” выглядела более чем адекватной. Общественному сознанию начала XX в. Восточная Галиция представлялась территорией, населённой, в отличие от Царства Польского, близким в этническом и религиозном отношениях населением.

Значение Восточной Галиции, с точки зрения интересов будущей войны и предстоящего пересмотра границ в Центральной и Восточной Европе, было велико. Но к началу XX столетия обстоятельства сложились так, что эта небольшая территория оказалась теснейшим образом связана с рядом российских внутривнутриполитических проблем.

Одним из важнейших вопросов российской внутренней политики начала XX в. было сохранение и укрепление Империи в национальном отношении. После прихода на пост председателя Совета министров П.А. Столыпина российское правительство окончательно утвердилось в необходимости усиления административного, религиозного и культурного единства государства. Лозунги национальной империи и общеславянского единения получили дальнейшее развитие уже в годы Первой мировой войны.

Внутриполитическая задача укрепления национальной империи до и после начала Первой мировой войны также заставила обратить пристальное внимание на Восточную Галицию. Связано это было с тем обстоятельством, что, во-первых, активное общественно-политическое развитие поляков и украинцев в Восточной Галиции беспокоило российское самодержавие. Галиция рассматривалась как источник украинского сепаратизма, поддерживаемого Австро-Венгрией и проникающего оттуда в украинские губернии России.

Во-вторых, не менее важным было и то, что на территории Галиции, по мнению чиновников министерства внутренних дел, находился источник польского и католического влияния на население западных губерний России. Фактически в начале XX в. Восточная Галиция рассматривалась как территория, теснейшим образом связанная с российскими внутривнутриполитическими проблемами. Если до войны российское

правительство придерживалось довольно умеренного курса в отношении Восточной Галиции, предпочитая осторожную поддержку прорусских политических течений на этой территории на средства русской казны, то с началом войны представился другой способ решения проблемы, а именно: присоединение Восточной Галиции к Российской Империи. С точки зрения идеологии и геополитики, такое решение проблемы было оптимальным, поскольку обещало не только получение новой территории, но и ликвидацию нежелательных национально-политических течений.

Конкретные действия российских властей в Восточной Галиции в 1914–1917 гг. после образования временного военного галицкого генерал-губернаторства были обусловлены и задачами ведения войны, и целями российской внешней и внутренней политики. Они затронули такие сферы жизни населения Восточной Галиции как культура, религия, экономика края, правовая область. Однозначно негативная оценка этих действий, преобладавшая в откликах периодической печати того времени, высказываниях современников, не подтверждается многочисленными источниками. В частности, присоединение в Галиции униатов к православию не носило массового характера. Статистика миссионерской деятельности российского духовенства в сравнении с общим количеством униатских приходов показывает, что процент присоединившихся к православию был очень невысок. Также довольно либеральной была политика в области судопроизводства и судоустройства.

Наибольшие и довольно справедливые нарекания вызвала деятельность местной администрации, образовательный уровень и методы работы которой оставляли желать лучшего. Этого (в сочетании с шумными декларациями российских властей о присоединении Восточной Галиции к Российской Империи как исконно русской области, рядом распоряжений по реформированию образования и вероисповедания) оказалось достаточно, чтобы вызвать негативную реакцию на политику российских военных и гражданских властей в Восточной Галиции как со стороны галицийского населения, российских либералов, так и за рубежом.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Книга А. Ю. Бахтуриной посвящена практически не исследованному до последнего времени вопросу: истории политики Российской Империи в Восточной Галиции в годы первой мировой войны. Автор ставит целый ряд вопросов, связанных не только с историей первой мировой войны, но и с национальной политикой российского самодержавия, её внутривнутриполитическими и внешнеполитическими аспектами.

Изложенный в работе и умело проанализированный автором документальный материал во многом является уникальным, а сделанные выводы позволяют посмотреть на проблемы истории Восточной Галиции начала XX века без излишней политизации, которая в течение многих лет была присуща немногочисленной существующей историографии.

Для современников положение в Восточной Галиции в 1914–1917 гг. представлялось весьма важным. Полиэтнический регион, в судьбе которого издавна пытались играть решающую роль крупнейшие империи мира – Австро-Венгерская и Российская – занятый русскими войсками осенью 1914 года, привлекал к себе внимание правительственных, религиозных, общественных и политических кругов целого ряда государств. Антисамодержавные настроения начала XX века обусловили политизированность источников личного происхождения и периодической печати, что в свою очередь повлияло на состояние историографии. Вследствие этого, деятельность российских властей на этой территории получила негативную оценку у современников.

В специальном разделе, посвященном взаимоотношениям униатов и православных в Галиции, автору удалось показать с помощью впервые введенных в научный оборот уникальных архивных документов всю сложность и противоречивость конфессиональной политики в крае: роль Ватикана в попытках распространения унии в Юго-Западных губерниях Российской империи, ответные шаги Священного Синода, развитие ситуации в годы войны. Примечательно, что автору удалось убедительно доказать путем анализа статистических данных о переходе униатов в православие в Галиции в 1914–1915 гг., что мнение о массовом насильственном переходе галицийских униатов в правосла-

вие во многом надумано. Деятельность архиепископа Евлогия в Галиции также по новому оценивается автором. А.Ю. Бахтуриной удалось провести границу между действиями собственно православного архиепископа и мероприятиями, проводимыми полицейскими чинами и показать, что именно активность отдельных чиновников приводила к тому, что общественность России и ряда европейских государств была убеждена в насильственном характере перехода галицийских униатов в православие.

Период первой мировой войны в сфере государственного управления отличается во многом своеобразным двоевластием и несогласованностью действий военных чинов Ставки и гражданской власти в Империи. Автору на примере Восточной Галиции удалось показать последствия этой несогласованности для управления оккупированными территориями. Кроме того, в книге затронут ещё один важнейший и до последнего времени слабо изученный момент: вопрос о роли Государственной Думы и общественно-политических лидеров на театре военных действий. В этой связи традиционно много говорилось о благотворной деятельности Всероссийского земского городского союза, помощи беженцам, устройстве лазаретов и т. д. История Восточной Галиции в годы первой мировой войны приоткрывает перед читателем завесу перед другой стороной деятельности отдельных думских фракций – попыток активного вмешательства в сферу исполнительной власти для реализации собственной политической позиции.

Затронута автором ещё одна чрезвычайно важная проблема – положение мирного населения Восточной Галиции во время отступления русских войск весной-летом 1915 года. Автору удалось избежать крайних оценок при раскрытии этой сложной проблемы, показывая читателю, что проблема галицийских выселенцев и заложников связана не только с политическими решениями, но и является трагическим следствием любой войны.

Кроме вышеперечисленных проблем, в работе Бахтуриной А.Ю. рассмотрены другие, ранее не затрагивавшиеся в историографии вопросы: история создания и деятельность военного генерал-губернаторства в Восточной Галиции, и помощь русских властей мирному населению.

Несомненно, что история Восточной Галиции в годы первой мировой войны, представленная Бахтуриной А.Ю. на широком фоне внешнеполитических, этнических, социокультурных и экономических проблем Российской Империи и ряда других европейских государств, будет интересна широкому кругу читателей.

Доктор исторических наук, профессор В. В. Шелохаев.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ЛИТЕРАТУРА

1. Австро-Венгрия: опыт многонационального государства: Сб. статей. – М., 1995.
2. Австро-Угорская Русь в 1893 году //Славянское обозрение. – СПб., 1894. С.252–269.
3. *Бестужев И.В.* Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906–1910. – М., 1961.
4. *Богданович М.* Червоная Русь (австрийские украинцы). – М., 1914.
5. *Будилович А.С.* О единстве русского народа. – СПб., 1907.
6. *Будилович А.* О необходимости укрепления духовных связей России с Червоной Русью //Галицко-русский вестник. 1894. № 1. Август. С.10–18.
7. *Будилович А.* Обзор областей западного и южного славянства со включением червонорусских, в орографическом и гидрографическом отношениях. – СПб., 1886.
8. *В-в Аф.* Выборы в Галицкий сейм //Славянские известия. 1899, № 27. С.669–670.
9. *Василевский (Плохоцкий) Л.* Накануне демократизации политического строя Галиции (Письмо из Австрии) //Русское богатство. 1913. № 8. С.234–256.
10. *Василевский Л.* Современная Галиция. – СПб., 1900.
11. *Василий ЧСВ, дьякон.* Леонид Федоров. Жизнь и деятельность. – Рим., 1966.
12. *Васильев А.Ф.* Зарубежная Русь. – Пг., 1905.
13. *Васюков В.С.* Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 – февраль 1917. – М., 1989.
14. *Васюкова Л.И.* Становление и развитие государственных традиций на территории Украины. – Винница, 1995.
15. *Винтер Э.* Папство и царизм. – М., 1964.
16. *Вознесенский А.* Зарубежная Русь к началу 20-го века. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1900.
17. *Вульфсон Э.С.* Галиция до Великой европейской войны. – М., 1915.
18. *Гаккебуш М.* Об автономии Польши. – М., 1906.

19. Германская восточная политика в новое и новейшее время: Сб. статей. – М., 1974.
20. *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* Российская государственности и Первая мировая война //Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. – М., 1997. С.7–38.
21. Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе: Сб. статей /Пер. с польского. – М., 1965.
22. *Готлиб В.В.* Тайная дипломатия во время первой мировой войны /Пер. с английского. – М., 1960.
23. *Грушевский М.* Из польско-украинских отношений Галиции. Несколько иллюстраций к вопросу: автономия областная или национально-территориальная. – СПб., 1907.
24. *Грушевский М.* К польско-украинским отношениям Галиции. – Киев, 1907.
25. *Грушевский М.* Освобождение России и украинский вопрос. Статьи и заметки. – СПб., 1907.
26. *Дашкевич Я.* Еврейско-украинские взаимоотношения в Восточной Галиции (конец XIX – начало XX в.) //Исторические судьбы евреев в России и СССР: начало диалога. – М., 1992. С.265–276.
27. *Довгаль І.* Вплив російської революції 1905 року на розвиток революційного руху в Галичині. – Київ, 1952.
28. *Досталь М.Ю.* Проблемы закарпатского национального возрождения в трудах русских и украинских эмигрантов в межвоенной Чехословакии //Славяноведение. 1997. № 6, С.67–72.
29. *Драгоманов М.П.* Великорусский интернационал и польско-украинский вопрос. – Казань, 1906.
30. *Драгоманов М.П.* Литературно-общественные партии в Галиции //Драгоманов М.П. Политические сочинения. – М., 1908. Т.1. С.418–456.
31. *Драгоманов М.П.* Литературное движение в Галиции //Вестник Европы. 1873. Сентябрь. Кн.9. С.240–268; Октябрь. Кн.10. С.681–717.
32. *Драгоманов М.П.* Новые движения среди русских галичан //Вестник Европы. 1892. Т.VI. Ноябрь. С.258–279.
33. *Дьяков В.И.* Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. – М., 1993.
34. *Дьяков В.И.* Славянский вопрос в русской общественной мысли 1914–1918 гг. //Вопросы истории. 1991. № 4/5. С.3–11.
35. *Евреинов Г.А.* Автономия Царства Польского. – СПб., 1906.
36. *Ефремов С.* В полосе апатии и застоя (Из истории возрождения Галиции) //Голос минувшего. 1916. № 7–8. С.188–217.
37. *Ефремов С.* Галичина в начале конституционной эры //Голос минувшего. 1917. № 9–10. С.154–180.
38. *Ефремов С.И.* Из истории возрождения Галиции //Голос минувшего. 1915. № 2. С.5–33; № 4. С.75–107; № 9. С.66–104.
39. *Ефремов С.* На перепутье //Русские записки. 1914. № 2. С.311–335.
40. *Жученко М.* Галиция и её прошлое //Украинская жизнь. 1914. № 8–10. С.8–25.

41. *Земцов С. М.* Львов. – М., 1966.
42. *Игнатъев А. В.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. – М., 1986.
43. *Игнатъев А. В.* Сергей Дмитриевич Сазонов // Вопросы истории. 1966. № 9. С.24–26.
44. *Исламов Т. М.* Исследования по славяно-германским отношениям., – М., 1971.
45. *Истомин В. К.* Нефтяная промышленность Галиции. – Пг., 1915.
46. История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. – М., 1997.
47. История первой мировой войны. 1914–1918: В 2-х тт. /Под ред. И. И. Ростунова. – М., 1975.
48. История Украинской ССР. Украина в период империализма (начало XX в.). – Киев, 1983. Т.5.
49. *Кабузан Н. В.* Этно-демографическая ситуация в Галиции и на Буковине в конце XVIII – начале XX в. //Проблемы исторической демографии СССР и Западной Европы (период феодализма и капитализма). – Кишинёв, 1991. С.85–98.
50. *Казанский И. Е.* Русский язык в Австро-Венгрии. – Одесса, 1912.
51. *Ковалев Н. К.* Экономика нефтяного района Прикарпатья в период иностранного владычества и в годы Советской власти (Историко-экономический очерк). – Киев, 1960.
52. *Колейка Й.* Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX вв. – Praha, 1964.
53. *Корш Ф.* Украинский народ и украинский язык //Известия общества славянской культуры. – М., 1912. Т.2. Кн.1. С.24–40.
54. *Козн Г.* Политика в области высшего и среднего образования в Австрии в конце XIX – начале XX в. //Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. – М., 1995. С.155–200.
55. Краткие сведения о государственном устройстве и управлении Австро-Венгии и земель Австрийской короны. 1914.
56. *Кривошеин К. А. А. В.* Кривошеин (1857–1921). Его значение в истории России начала XX в. – Париж, 1973.
57. *Кульчицкий В. С.* Органи державного управления Галичиною за конституцією 1867 року //Львівський державний університет. Вісник. Серія юридична. 1966. – Львів, 1966. С.32–38.
58. *Кутилова Л. А.* Украинское национальное движение и российский либерализм: М. Грушевский и П. Милуков о пределах децентрализации русского государства //Вестник Томского пед. ун-та. Серия: История, филология. 1997. Вып. 1. С.7–10.
59. *Кутыловский Б.* Польский вопрос //Образование. 1905. № 11–12. Отд. 2. С.1–23.
60. *Лазаренко Е. К.* 300 лет Львовского университета. – Львов, 1961.
61. *Ливчак И. Н.* О современном раздвоении культурных направлений в общественной жизни галицкой Руси. – СПб., 1903.
62. *Луцки Р. Я.* Дмитрий Николаевич Вергун //Временник: Научно-литературные записки Львовского Ставропигиона. – Львов, 1938. С.76–80.

63. Луцк Р. Я. Д. Н. Вергун. 1938.
64. Макарчук С. А. Этносоциальное развитие и национальные отношения на западноукраинских землях в период империализма. – Львов, 1983.
65. Малкин В. Первая русская революция и активизация русофильского движения в Галиции. – Львов, 1956.
66. Мартенс Ф. Гаагская конференция мира. Культурно-исторический очерк. – Б. м., 1900.
67. Морской А. Судьбы Галичины. – Пг., 1918.
68. Никон (Рклицкий), епископ. Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. – Нью-Йорк, 1958. Т. II–III.
69. Никон (Рклицкий), епископ. Краткое жизнеописание блаженнейшего митрополита Антония. – Белград, 1935.
70. Ненашева З. С. “Славянский союз” в австрийском рейхсрате. 1909–1911 // Советское славяноведение. 1975. № 5. С. 13–24.
71. Новицкая-Ежова А. Орден Базилиан и его культурно-просветительская деятельность на украинско-белорусско-литовских землях Речи Посполитой // Славяноведение. 1996. № 2. С. 33.
72. Нотович Ф. И. Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914–1918 гг. – М., 1947.
73. Обиходный язык в Галичине // Известия общества славянской культуры. – М., 1912. Т. 1. Кн. 1. С. 61–62.
74. Оглоблин О. П. Західна Україна. Историчний нарис // Західна Україна. – Київ, 1940.
75. Осечинский В. К. Галичина под гнітом Австро-Угорщини в эпоху империализму. – Львів, 1954.
76. Осечинский В. К. Колоніальне становище Галичини в складі Австро-Угорщини // Научные записки Львівського університету. 1965. Серія історическая. Вип. 6. С. 35–65.
77. Охримович В. Галиция // Украинский народ в его прошлом и настоящем. – М., 1916. Т. 2. С. 407–418.
78. Первая мировая война: политика, идеология, историография. Сборник статей. – Куйбышев, 1990.
79. Первая мировая война и проблемы политического переустройства в Центральной и Юго-Восточной Европе. – М., 1991.
80. Первая мировая война: дискуссионные проблемы. Сборник статей. – М., 1994.
81. Первая мировая война: страницы истории. Сборник статей. – Черновцы, 1994.
82. Петрович И. Галичина під час російської окупації. – Б. м., 1915.
83. Пичета В. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. – М., 1940.
84. Погодин А. Л. Зарубежная Русь. – Пг., 1915.
85. Погодин А. Причины и цели новейшего славянского движения // Вестник Европы. 1909. Кн. 1. С. 249–265.
86. Погодин А. Л. Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 года. – М., 1915.

87. *Полонська-Василенко Н.Д.* Історія України. – Київ, 1992. Т.2.
88. *Пытин А.* Особая история русской литературы //Вестник Европы. 1890. Кн.9. С.241–274.
89. *Пытин А.* Особый русский язык //Вестник Европы. 1888. Т.6. С.354–372.
90. *Рубинштейн Е.И.* Крушение Австро-Венгерской монархии. – М., 1963.
91. Русско-народная партия в Австрии. – Львов, 1900.
92. *Реклю Э.* Австро-Венгрия. – М., б.г.
93. *Савченко В.Н.* Восточная Галиция в 1914–1915 гг. (этносоциальные особенности и проблема присоединения к России) //Вопросы истории. 1996. № 11/12. С.95–106.
94. *Свистун Ф.И.* Прикарпатская Русь под владением Австрии. – Trumbull, 1970.
95. *Сенин А. С.* Военное министерство Временного правительства. – М., 1995.
96. Славяно-германские отношения: Материалы совместной сессии института славяноведения АН СССР и Западного института (Познань). – М., 1964.
97. *Смолич И.К.* История русской церкви. 1700–1997. – М., 1997.
98. *Студницкий В.* Польша в политическом отношении от разделов до наших дней. – СПб., 1907.
99. *Теодорович И.М.* Национальное возрождение и освободительное движение восточных славян империи Габсбургов (конец XVIII – начало XX в.) //Вопросы новой и новейшей истории стран Европы и Северной Америки. – Киев, 1992. С.3–22.
100. *Трайнин И.Н.* Национальные противоречия в Австро-Венгрии и её распаде. – М.-Л., 1947.
101. Украинские Карпаты. Культура. – Киев, 1989.
102. Украинский народ в его прошлом и настоящем. – М., 1912.
103. *Ульянов Н.Н.* Происхождение украинского сепаратизма. – М., 1996.
104. *Фалькович С.М.* Сотрудничество русских и польских неославистов и славянские съезды начала XX в. //Славянские съезды XIX–XX вв. – М., 1994. С.113–127.
105. *Филевич П.И.* Вопрос о двух русских народностях и “Киевская старина”. – Варшава, 1902.
106. *Филевич П.И.* Карпатская Русь накануне XX века //Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В.И. Ламанского по случаю 50-летия его учено-литературной деятельности. – СПб., 1905. С.45–63.
107. *Флоринский М.Ф.* Кризис государственного управления в России в годы первой мировой войны: Совет министров в 1914–1917 гг. – Л., 1988.
108. *Флоринский Т.Д.* Славянское племя. Статистико-этнографический обзор современного славянства. – Киев, 1907.
109. Формы национального движения современных государств. – СПб., 1910.
110. *Хубертус Я.* Патриотические мотивы в русской культуре периода I мировой войны //Санкт-Петербургский государственный институт культуры. Сборник научных трудов. Вып. 141. – СПб., 1993. С.135–146.
111. *Щеголев С.И.* Украинское движение как современный этап южно-русского сепаратизма. – Киев, 1912.

112. *Ястребов Ф.* Західна Україна в XIX на початку XX століття //Західна Україна. – Київ, 1940. С.65–82.
113. *Cagg William O.* A history of Habsburg Jews (1670–1918). – Indianapolis, 1989.
114. *Ciuciara, Theodore B.* Provincial Politics in the Habsburg Empire: The Case of Galicia and Bukovina //Nationalities Papers. 13:2:247:73.
115. *Ciusiura, Theodore Bohdan.* Galicia and Bukovina as Austrian Crown-Provinces: Ukrainian Experience in Representative Institutions 1861–1918 //Studia Ukranica. 2. 1984. P.175–196.
116. *Himka Lohn-Paul.* Religious compromise, political salvation: The Greek Catholic church and nation building in Eastern Europe. – Pittsburgh REES, 1993.
117. *Kann R.* A History of the Habsburg Empire. 1526–1918. – Berkeley University of California Press, 1974
118. *Morality and Reality.* – Toronto, 1983.
119. *Russian diplomacy and Eastern Europe. 1914–1917.* – N.Y., 1963.
120. *Jaszi Oskar.* The dissolution of the Habsburg monarchy. – Chicago, 1929.

ИСТОЧНИКИ

НОРМАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

1. Год войны с 19-го июля 1914 г. по 19-е июля 1915 г. Высочайшие манифеста. Воззвания Верховного главнокомандующего. – М., 1915.
2. Закон об особых совещаниях. – М., 1915.
3. Конвенции и декларации, подписанные на Конференции мира в Гааге 17/29 июля 1899 года. – СПб., 1901.
4. Областное, административное и общинное устройство Галиции по австрийскому законодательству. Сборник законодательных актов. – Пг., 1915.
5. Устав общества “Прикарпатский комитет”. – М., 1915

ПРОТОКОЛЫ, ОТЧЁТЫ

1. Отчёт канцелярии военного генерал-губернатора Галиции. – Киев, 1916.
2. Отчёт о деятельности Киевского отделения Галицко-русского общества. – Киев, 1915.
3. Отчёт по заведованию государственными имуществами Галиции с 1-го октября 1914 г. по 1-е июля 1915 г. – Киев, 1915.
4. Отчёт представителя министерства торговли и промышленности о нефтяной промышленности галиции и казенном заводе в Дрогобыче. – Киев, 1915.

ТРУДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ

1. *Балашов И.* О политике России в последние века и предстоящих ей задачах. – СПб., 1913.
2. *Бобринский В. А.* Львовское дело о “государственной измене”. – СПб., 1914.
3. *Бобринский В. А.* Пражский съезд. Чехия и Прикарпатская Русь. – СПб., 1909.

4. *Вергун Д.* Что такое Галиция? – Пг., 1915.
5. Взгляд на прошлое и настоящее Австро-Угорской Руси (беседа с В. Ф. Дудыкевичем). – М., 1892.
6. *Витте С.* Чему учат нас поляки. Галицкая Русь и поляки с 1860 по 1904 г. – Почаев.
7. Вторая отечественная война. За что воюет Россия? Знаменательное историческое заседание Государственной Думы 26 июля 1914 г. – М., 1914.
8. *Дудыкевич В. Ф.* Русский народный совет Прикарпатской Руси. – Львов, 1915.
9. *Дымыша Л.* Доклад по польскому вопросу. – СПб., 1906.
10. *Кораблев В. Н.* Славянский съезд в Праге. – СПб., 1908.
11. *Котляревский С. А.* Русская внешняя политика и национальные задачи // Великая Россия. – М., 1911. Кн. 2.
12. *Манасеин К.* вопросу об установлении идеальной границы на Западе России. – СПб., 1913.
13. *Марков Д. А.* Русская и украинская идея в Австрии. – М., 1915.
14. *Ошальмовский Б. Г.* Значение воззвания 1 августа 1914 г. верховного главнокомандующего к полякам и вопросы, возникающие из него и последующих событий. – Пг., 1915.
15. *Пасхалов К. Н.* Отзыв на “Записку по поводу воззвания Верховного главнокомандующего к польскому народу” Ф. Д. Самарина и др. – М., 1915.
16. *Погодин А. Л.* Главные течения польской политической мысли (1863–1907). – СПб., 1907.
17. *Столыпин П. А.* Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906–1911. – М., 1991.
18. *Шиловский П. П.* О задачах ближайшей внутренней политики. – СПб., 1915.
19. А. В. Кривошеин и общественные деятели в годы первой мировой войны // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 5. – СПб., 1994. С. 40–61.
20. *Чихачев Д. Н.* К вопросу о будущем устройстве Польши. – Пг., 1917.

СБОРНИКИ ДОКУМЕНТОВ И ОТДЕЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

1. Военные преступления Габсбургской монархии. 1914–1917 гг. Галицкая Голгофа. – Trumbull. Conn. USA. 1964.
2. Из документов и публикаций в связи с началом первой мировой войны // Российский ежегодник. 1990. Вып. 2. – М., 1990.
3. *Лодо.* Сборник литературный, общественный, посвященный нарождающейся русской национал-демократии. – СПб., 1911.
4. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительства. 1878–1917 гг. – Л., 1935: В 10 т-х.

МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ, ПЕРЕПИСКА

1. *Берти Ф.* За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. 1914–1919. – М.-Л., 1927.
2. *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М., 1991.

3. *Шавельский Г. И.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. – Нью-Йорк, 1954. Т.1.
4. *Данилов Ю. Н.* На пути к крушению. Очерки из последнего периода русской монархии. – М., 1992.
5. *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Путь моей жизни. – М., 1994.
6. Записки Н. М. Романова //Красный архив. 1931. Т.4–5(47–48). С.140–183.
7. *Сазонов С. Д.* Воспоминания. – Париж, 1927.
8. *Сухомлинов В.* Великий князь Николай Николаевич (Младший). – Berlin, б.г.
9. *Пуанкаре Р.* На службе Франции. Воспоминания за десять лет. – М., 1936. Т.1–2.

ПУБЛИЦИСТИКА

1. Австро-Угорская Русь в 1893 году //Славянское обозрение. – СПб., 1894. С.252–269.
2. *Аз.* Из Галицкой Руси //Славянские известия. 1904. № 2, ноябрь. С.197–209.
3. *Аз.* Положение и нужды Галицкой Руси //ИССБО. 1903–1904. № 3. С.35–51.
4. *Акаемов Н.* Две культуры //Русская будущность. – Пг., 1916. № 41. С.11–12.
5. Из Галичины //Славянские известия. 1905. № 5–6. С.438–459.
6. *Балабуха Н. Н.* Польша до и после акта 23 октября //Российский гражданин. – СПб. 1916. № 41. С.4–5.
7. *Белгородский А. В.* Поработённое славянство. – Пг., 1915.
8. *Булгаков С. Н.* Война и русское самосознание. – М., 1915.
9. *Бурнакин А. А.* О судьбах славянофильства. – Пг., 1916.
10. *Василевский Л.* Национально-политическая жизнь прусской Польши. – Женева, 1902.
11. *Витте Е.* Буковина и Галичина. – Киев, 1905.
12. *Витте Е. И.* Путевые впечатления (с историческими очерками). Лето 1903 г. Буковина и Галичина. – Киев, 1904.
13. *Голицы П. О.* Зарубежная Русь в борьбе за свою национальную самобытность. – Полтава, 1909.
14. *Горынич А.* Еврейский и польский вопросы в России и их разрешение. – СПб., 1906.
15. *Грушевский М.* Независимая Польша и автономная Галиция //Украинская жизнь. 1916. № 12. С.63–73.
16. *Делекторский Ф.* Русская народная партия и украинофильство в Прикарпатской Руси. б.г.
17. *Драгоманов М. П.* Великорусский интернационал и польско-украинский вопрос. – Казань, 1907.
18. *Драгоманов М. П.* Русские в Галиции //Политические сочинения. – М., 1908. Т.1.
19. *Евреинев Г. А.* Пределы здравого русского национализма. – СПб., 1905.

20. Записка об украинском движении за 1914–1916 годы. – Б.м., 1916.
21. Империалистические мечты и действительность. – Б.м., 1916.
22. *Кречин Н.* Национальный вопрос. – Пг., 1916.
23. *Кулаковский П. А.* Что значит “польская автономия”. – СПб., 1907.
24. *Липранди А. П.* Плоды еврейской равноправности (Евреи в Галиции) //Наблюдатель. 1896. № 9. С.122–149.
25. *Митропольский И. И.* Об отчине и дедине. Русский войска во Львове и Галиче. – М., 1914.
26. *Михайлов М.* Австрия и её славянские народы. – М., 1914.
27. *Мончаловский О. А.* Положение и нужды Галицкой Руси. – М., 1915.
28. *Муринов И.* Галичина. – М., 1915.
29. *Погодин А. Л.* Украинский вопрос как проблема внешней политики России //Проблемы великой России. – М., 1916. № 3. С.1–2.
30. *Подольский Б. Н.* Маклаков как губернатор в борьбе с украинством //Украинская жизнь. 1915. № 8–9. С.84–88.
31. *Прокопович В.* Печать молчания //Народы и области. – М., 1914. № 7. С.10–13.
32. *Сахновский В. Г.* О русской народности. – Б.м., 1915.
33. *Серновский Н. Г.* Накануне войны у галицких греко-униатов. – Пг., 1915.
34. *Соловьев Н. М.* Современная война в ее отношении к религиозному сознанию. – М., 1916.
35. *Соловьевич А. П.* Среди Зарубежной Руси. Путевые заметки о Галиции Русского. – СПб., 1900.
36. *Сорокин П.* Вечный мир и всемирное единение народов. – Пг., 1917.
37. *Топорков А. К.* Идея славянского возрождения. – М., 1915.
38. *Фещенко-Чотовский И.* Промышленность и природные богатства Галиции. – Киев, 1915.
39. *Филатович Б.* Галиция. Место возможного столкновения – Пг., б.г.
40. Чего ждет Россия от войны. Сборник статей. – Пг., 1915.
41. *Яринович.* Галичина в её прошлом и настоящем. – М., 1915.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Акаемов Н. – 243
Аксенов Л. Д. – 168
Александр II – 39, 122, 125, 206
Алексеев Л. Г. – 194
Алексеев М. В. – 17, 207, 208, 211,
212, 218, 219, 221, 222
Анастасий, епископ – 158
Антоний (Храповицкий) – 132–137,
141, 152, 155, 157, 161, 177, 234

Б

Базили Н. А. – 204, 208, 219, 221
Байрон, леди – 199
Балабуха Н. Н. – 238
Балашов И. – 231
Барк П. Л. – 220, 225
Барятинская Л. Б. – 199
Белгородский А. В. – 18, 238
Бендасюк С. Ю. – 93, 138
Бенкендорф – 90
Берти Ф. – 208, 213, 237
Бестужев И. В. – 231
Бетман-Гольвег Т. – 202
Бильчевский – 172
Блудов Д. Н. – 116
Бобринский В. А. – 16, 17, 41, 42,
44, 48, 49, 50–54, 56, 67, 69, 92,
105, 160–165, 170, 188, 236
Бобринский Г. А. – 73, 83, 86, 88,
91, 93, 95, 99, 100, 102, 103, 106,
145, 146, 152, 161, 162, 165, 166,

169, 173, 173–179, 189, 193, 194,
214, 215, 217, 219

Богданович М. – 231
Брусилов А. А. – 17, 67, 70, 103,
104, 145, 146, 178, 181, 183, 207,
215–223
Будилович А. – 18, 231
Булгаков С. Н. – 238
Бурнакин А. А. – 238
Бьюкенен Дж. – 60, 199, 208, 213,
220, 237

В

Василевский (Плохоцкий) Л. – 32,
231, 238
Василий, дьякон – 15, 19, 43, 140,
141, 180, 181, 183, 231
Васильев А. Ф. – 18, 231
Васильев Н. К. – 168
Васюков В. С. – 231
Вергун Д. Н. – 10, 18, 43, 239, 234,
237
Винтер Э. – 15, 126, 141, 150, 151,
182, 231
Витте Е. И. – 18, 237
Вознесенский А. – 10, 231
Волков И. Л. – 100
Волконская Е. Г. – 130
Вульфсон Э. С. – 231

Г

Гаккебуш М. – 231
Ганелин Р. Ш. – 69, 106, 232

Гаспарри – 154
Георгиевский – см. *Евлогий*
Гец Л. – 148
Гжицкий А. С. – 44, 48, 54
Гирс М. Н. – 47, 51
Глибовский Н. П. – 43
Глушкевич М. – 44
Гопцус П. О. – 238
Горемыкин И. Л. – 61, 65, 66, 73,
77, 85, 87, 88, 95, 96, 98, 220
Горынич А. – 238
Готлиб В. В. – 232
Габский С. Ф. – 210, 215
Гриневицкий И. Л. – 43
Грушевский М. – 10, 18, 25, 38,
232, 233
Гудима И. – 137, 138
Гумецкий И. И. – 55

Д

Давыдяк В. – 43
Дашкевич Я. – 232
Делекторский Ф. – 238
Деревецкий А. Н. – 92, 108
Дионисий, епископ – 156, 158
Добронравов – 105
Дорошенко Д. – 14, 145, 149
Досталь М. Ю. – 32, 232
Драгоманов М. П. – 232, 238
Драгомирецкий В. С. – 174
Драгомирецкий И. – 144
Дудыкевич В. Ф. – 32, 43, 44, 46, 56,
84, 165, 194, 198, 216, 237
Дымша Л. – 237
Дьяков В. И. – 232

Е

Евгений IV – 113
Евлогий (Георгиевский), митрополит – 16, 19, 140–144, 151, 152,
155, 156, 156–162, 164, 166, 167,
167–172, 174, 175, 175–183, 187,
190, 191, 201, 238
Евреинов Б. Н. – 179

Евреинов Г. А. – 238
Евреинов С. Д. – 78, 107, 219, 221
Емец В. А. – 69
Ефремов С. – 232

Ж-З

Жученко М. – 232
Забелин – 73, 74
Земцов С. М. – 233
Зерчанинов А. – 127–133
Зноско К. – 140
Золотарев И. М. – 86

И

Иванов В. Т. – 92
Иванов Н. И. – 16, 70, 71, 96, 103,
151, 189, 191, 193
Игнатъев А. В. – 233
Извольский А. П. – 127, 133
Илечко И. – 137
Илларион (Троицкий), архимандрит – 161
Иосиф II – 82, 117, 119, 140
Исламов Т. М. – 233
Истомин В. К. – 233

К

Кабузан Н. В. – 19, 121, 140, 233
Казанский И. Е. – 233
Казанский П. Е. – 56
Карпенко – 82
Качковский М. – 94
Керенский А. Ф. – 153
Киприанович Г. А. – 140
Климент VIII – 114, 115
Ковалев Н. К. – 233
Коковцов В. Н. – 137
Колдра В. А. – 138
Колейка Й. – 233
Кораблев В. Н. – 237
Коробка Н. И. – 95
Корш Ф. – 10, 18
Костякевич А. – 81

Котляревский С. А. – 237
Кофод А. А. – 101
Коэн Г. – 38, 55
Крамарж – 43
Красицкий – 132
Кречин Н. – 239
Кривошеин А. В. – 73, 199, 200,
217–221, 233, 237
Крыжановский В. А. – 168
Крыжановский С. Е. – 207, 209
Крыжановский Г. – 141
Кудашев Н. – 147
Куиловский Ю. – 122
Кулаковский П. А. – 239
Куропаткин А. Н. – 59
Кутилова Л. А. – 233
Кутыловский Б. – 233

Л

Лазаренко Е. К. – 233
Ламанский В. И. – 235
Лев XIII – 114, 119, 122, 126, 140,
148
Левицкий М. – 10, 118
Лемке М. К. – 106, 109
Ливчак И. Н. – 18, 233
Липранди А. П. – 239
Лохвицкая-Скалон М. А. – 95
Луцик Р. Я. – 233, 234
Львов Н. Н. – 93

М

Магоши П. – 14
Макарчук С. А. – 234
Маклаков Н. А. – 143, 148, 151, 181,
190, 220, 239
Малачинский М. – 100
Малец Г. С. – 194
Малкин В. – 234
Манасенин К. – 237
Манухин С. С. – 74, 106
Манухина Т. – 16
Марков Д. А. – 18, 36, 55, 237
Марковский – 97, 98

Мартенс Ф. – 234
Мижучка И. – 123
Милоков П. – 233
Митропольский И. И. – 239
Митроцкий М. – 167
Михайлов М. – 239
Мончаловский О. А. – 239
Морской А. – 234
Муравьев М. К. – 116
Муринов И. – 239

Н

Наумов – 100
Нелидов – 153, 170, 176
Ненашева З. С. – 234
Николай II – 16, 51, 55, 56–61, 65,
73, 74, 76, 85, 88, 105, 116, 132,
137, 147, 155, 157–161, 164, 169,
178, 179, 207, 220, 221, 238
Никон (Рклицкий), епископ – 141,
235
Нольде Б. Э. – 207
Нотович Ф. И. – 234

О

Оболенский – 76
Олферев – 17, 47, 71, 80, 84, 96,
175, 198, 217, 218
Осечинский В. К. – 13
Охримович В. – 234
Ошальмовский Б. Г. – 237

П

Павел I – 115
Павлик М. – 13
Палеолог Иоанн – 113
Палеолог М. – 60
Пасхалов К. Н. – 237
Петров А. В. – 168
Петрович И. – 109, 234
Пий X – 124–128, 130, 141
Пичета В. – 12, 18
Платон, архиепископ – 158

Плеве Н.В. – 195
Плеский Б.В. – 92
Победоносцев К.Г. – 126
Погодин А.Л. – 11, 234
Подольский Б.Н. – 117, 129
Пришвин М.И. – 24, 119
Прокопович В. – 239
Пуанкаре Р. – 238
Пуришкевич М.М. – 168
Пыпин А.Н. – 48, 235

Р

Распутин Г.Е. – 179
Рачинский А.К. – 200
Реклю Э. – 235
Репта Владимир, митрополит – 137
Рклицкий – см. *Никон*
Родзевич Д.В. – 100
Романов (великий князь) Н.Н. – 58,
60, 61, 65, 73, 76, 85, 88, 108,
159, 160, 164, 178, 179, 220, 238
Рубинштейн Е.И. – 235
Рухлов С.В. – 79

С

Саблер В.К. – 16, 138, 154, 158,
177, 179
Савченко В.Н. – 13, 19, 31
Сазонов С.Д. – 51, 54, 60, 63, 75,
77, 84, 85, 90, 133, 138, 139, 147,
153, 158, 176, 204, 205–208,
209–213, 217–221, 226, 227, 233,
238
Самарин Ф.Д. – 237
Сандович М. – 137, 138
Сарто Дж. – 126
Сахновский В.Г. – 239
Сватковский В. – 125
Свистун Ф.И. – 235
Семевский М.И. – 140
Сенин А.С. – 235
Серновский Н.Г. – 244
Смолич И.К. – 15, 141, 179, 183,
235

Соболевский А.И. – 56
Соловьев С. – 57
Соловьевич А.П. – 239
Сопух – 172
Стахович М.А. – 93
Стольпин П.А. – 35, 40, 47, 55,
128–133, 227
Струве П.Б. – 8
Студницкий В. – 235
Сукин И. – 89, 40
Сушков Н.В. – 140

Т

Теодорович И.М. – 235
Томашевский С. – 10
Топорков А.К. – 239
Трайнин И.Н. – 235
Трепов Ф.Ф. – 221, 223
Троицкий – см. *Илларион*
Туркевич, протоиерей – 170
Ульянов Н.Н. – 235

У

Урусов Л.П. – 46, 47, 133
Урусов С.Д. – 189, 190
Ушакова Н.С. – 130, 131

Ф

Фалькович С.М. – 138
Федоров Л. – 15, 19, 140, 141, 181,
183, 231
Фещенко-Чотовский И. – 239
Филатович Б. – 239
Филевич П.И. – 239
Флоринский М.Ф. – 73, 106, 232
Франко И. – 10, 13, 18
Франц-Иосиф I – 147, 150

Х

Харузин А.Н. – 136
Хейфиц Ю.Я. – 32, 33
Хомяков Н.А. – 93

Храповицкий – см. *Антоний*
Хубертус Я. – 235

Ч

Чарторижский – 78
Черменский Е. Д. – 213
Чистович И. А. – 237
Чихачев Д. Н. – 17, 65–69, 91, 92,
162, 237

Ш

Шавельский, протопресвитер – 19,
164, 169, 175–179, 183
Шаховской В. Н. – 220
Шебеко Н. Н. – 139
Шептицкий Андрей (Роман), епи-
скоп – 14, 15, 119–124, 125–133,
135, 137, 140, 141–154, 163, 172
Шептицкий В. – 122
Шептицкий Л. – 122
Шептицкий Я. – 122
Шереметьев – 144
Шиллинг М. Ф. – 17, 84, 89, 127,
198, 208

Щаловский П. П. – 237
Щирмо-Щербинский – 146
Щнитков Н. И. – 95
Штюмер Б. В. – 205–209, 220, 223
Шумлянский И. – 117

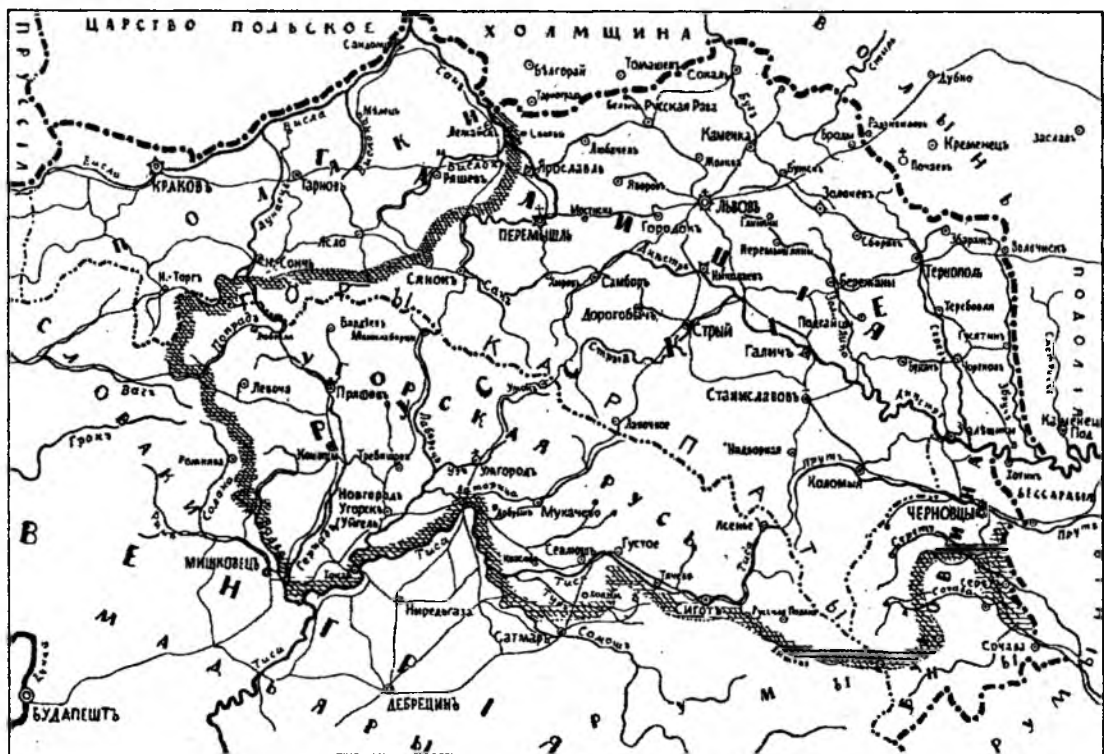
Щ

Щавельский Г. – 16
Щавницкий – 43
Щегловитов И. Г. – 35, 82–88, 90
Щеголев С. И. – 240
Щербатов Н. Б. – 194, 196

Э-Я

Эйхе – 104
Яворский Ю. – 92
Янушкевич Н. Н. – 16, 17, 61, 65,
66, 77, 83–88, 96, 147, 154, 160,
161, 165, 169
Яринович – 239
Ястребов Н. В. – 12, 18, 241
Яхонтов А. Н. – 106, 109, 220, 225
Яцковский Г. – 122

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Зарубежная Русь.

Этнографическая карта, составленная Д.Н. Вергуном. 1910 г.

Папа Пий X

О. Алексей Зерчанинов

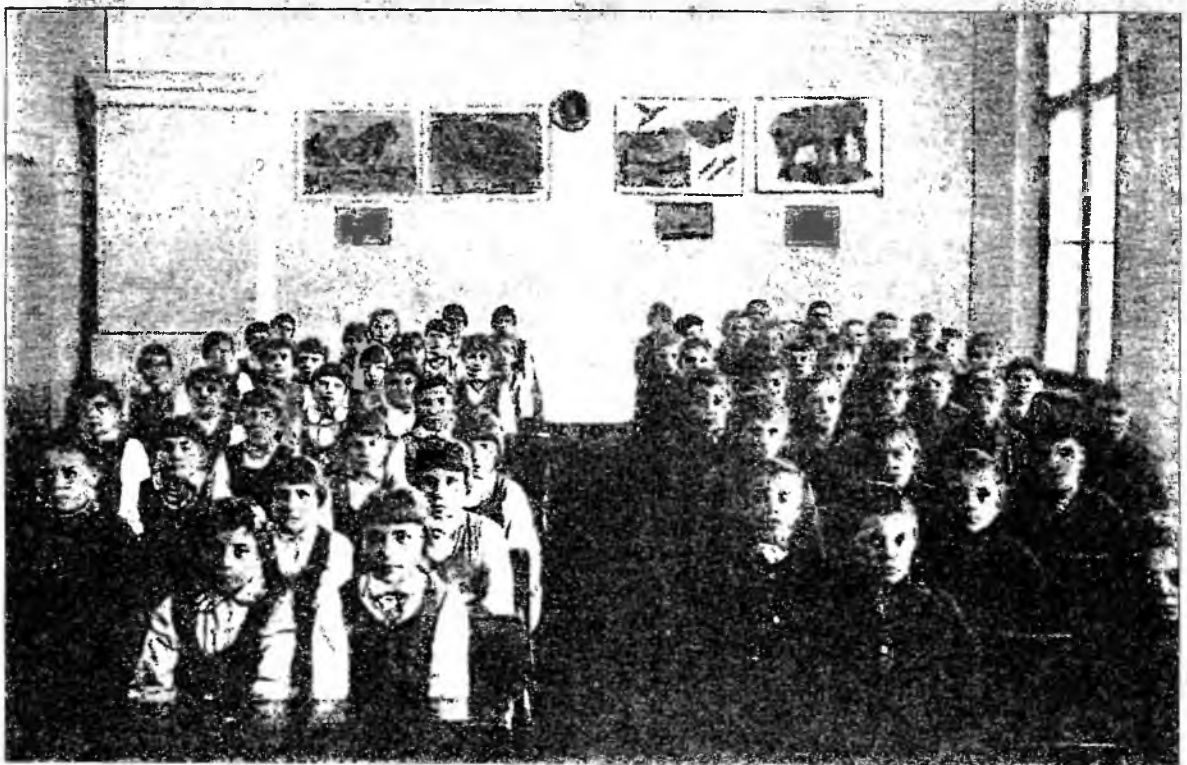
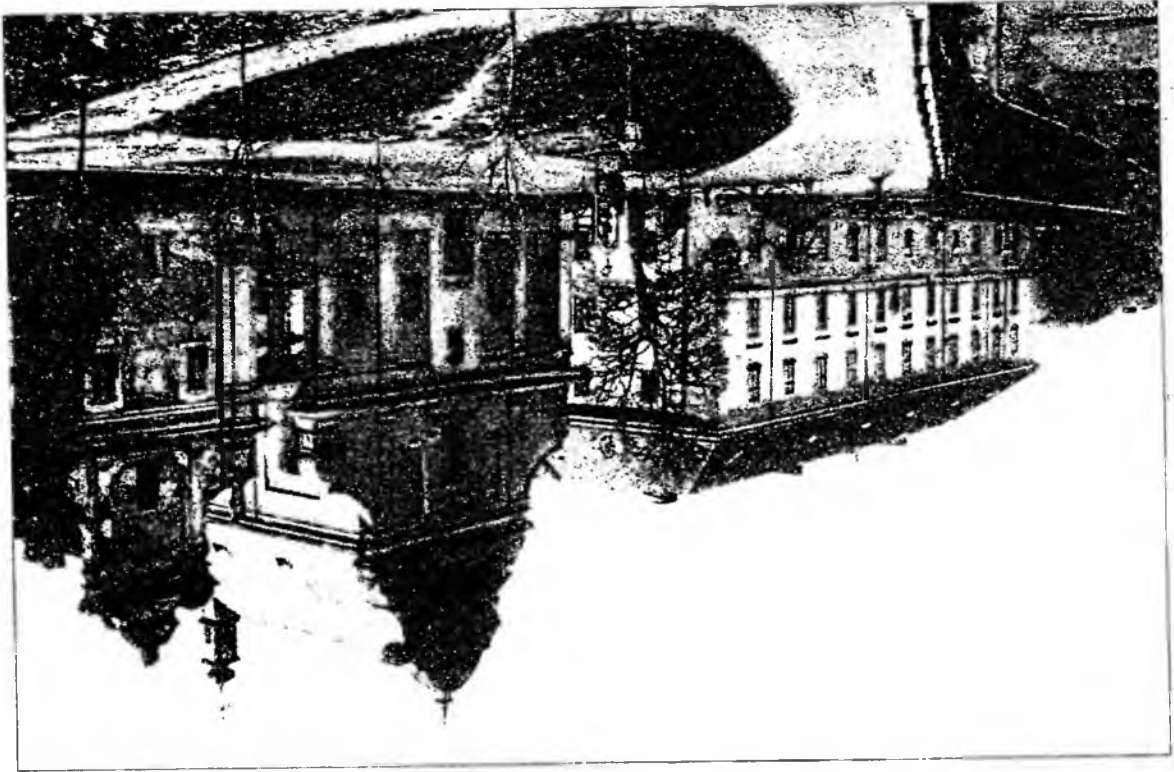

Митрополит Андрей Шегитцкий. 1914 г.

Митрополит Андрей Шептицкий. 1921 г.

Львов. Университет и церковь св. Николая. 1913 г.

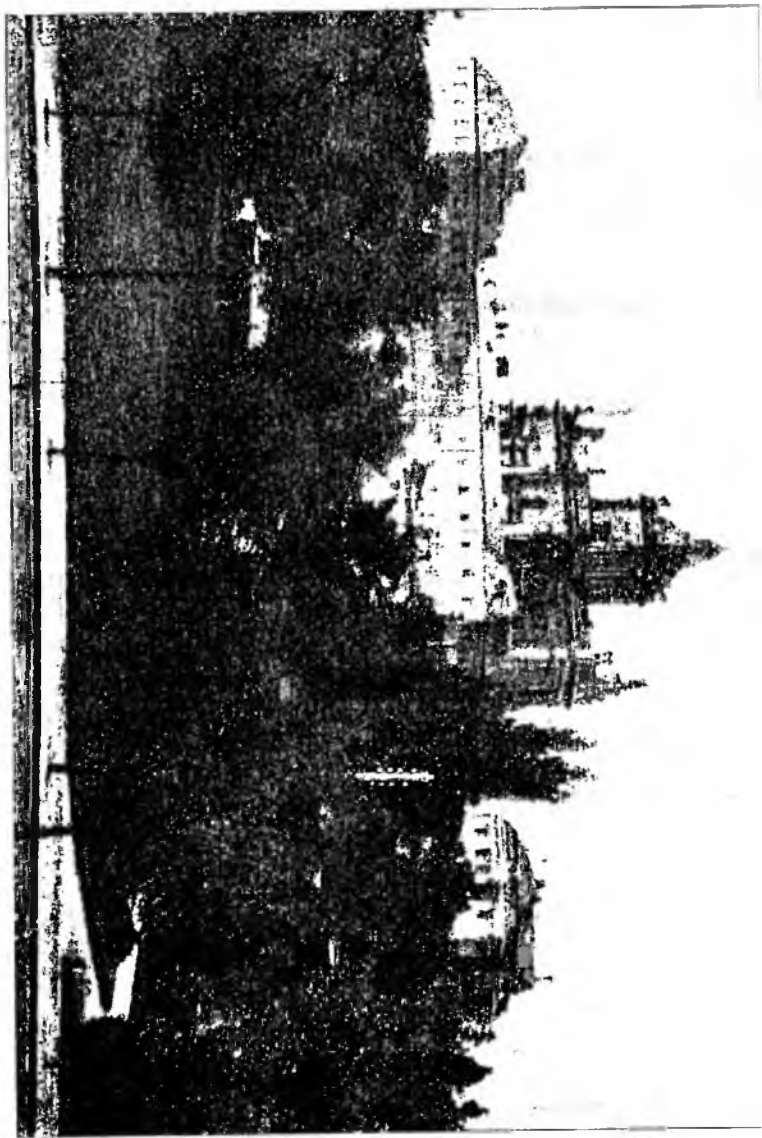
Народная школа в селе Ванявке, короснянского повета. Галиция. 1901 г.

Граф В. А. Бобринский

А. С. Гижицкий

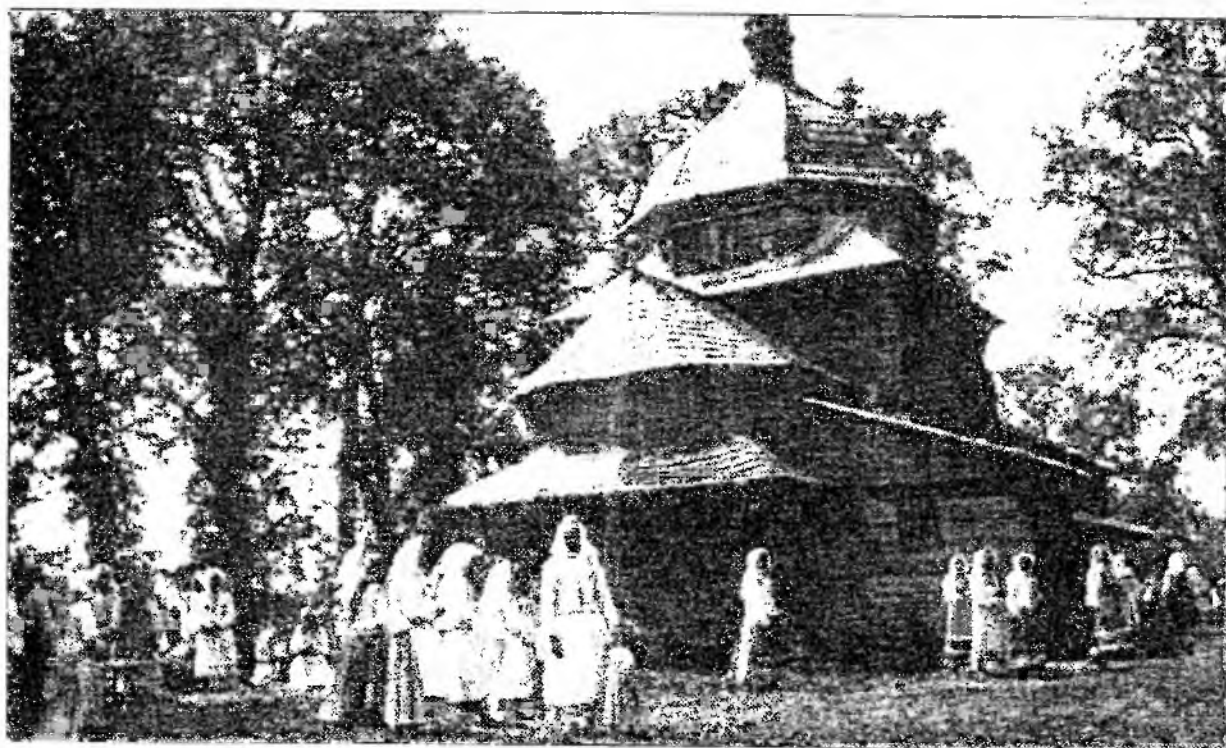

Уманецкий кафедральный собор. г. Львов.

Председатель Народного Совета Карпатской Руси
В. Ф. Дудыкевич

И-Г ваятели Н.У

Греко-католический храм, с. Прилбичи. Галиция. 1925 г.

Генерал-губернатор Галичины
граф Г. А. Бобринский

АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА XX ВЕКА
ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЙНЫЕ ИЗДАНИЯ
(ПО ИТОГАМ 1993–2000 гг.)

«АИРО – ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ»
под редакцией Г.А. Бордюгова

- С.А. Александров. Лидер российских кадетов П.Н. Милоков в эмиграции /Послесловие М.Г. Вандалковской. – М., 1996.
- Д.А. Аманжолова. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш /Послесловие Ю.А. Полякова. – М., 1994.
- Д.Л. Бабиченко. Писатели и цензоры. Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК /Послесловие Л.И. Лазарева. – М., 1994.
- А.Ю. Ватлин. Коминтерн: первые десять лет /Послесловие Ф.И. Фирсова. – М., 1993.
- Э. В и ш н е в с к и. Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны /Послесловие К.Ф. Шацилло. М., 1994.
- Л.С. Г а т а г о в а. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX веке /Послесловие Н.М. Пирумовой. – М., 1993.
- Е.Ю. З у б к о в а. Общество и реформы. 1945–1964 гг. /Послесловие П.В. Волубуева. – М., 1993.
- Н.А. К р и в о в а. Власть и церковь в 1922–1925 гг. /Предисловие Р.Г. Пихоя. – М., 1997.
- А.И. К у п р и я н о в. Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. – М., 1995.
- Е.С. Л е в и н а. Вавилов, Лысенко, Тимофеев-Ресовский... – М., 1995.
- В.А. Н е в е ж и н. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии “священных боёв”. 1939–1941 гг. /Послесловие Б. Бонвеча. – М., 1997.
- А.Ю. П о л у н о в. Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III /Послесловие Л.Г. Захаровой. – М., 1996.

- Ю.В. С о к о л о в. Красная звезда или крест? Жизнь и судьба генерала Брусилова. – М., 1994.
- А.И. У ш а к о в. История гражданской войны в литературе русского зарубежья. Опыт изучения /Послесловие. А.П. Ненарокова. – М., 1993.
- С.В. Ц а к у н о в. В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы /Послесловие Р.У. Дэвиса. – М., 1994.
- Д.О. Ч у м а ч е н к о. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. /Предисловие М.И. Одинцова. – М., 1999.
- Д.О. Ч у р а к о в. Русская революция и рабочее самоуправление. 1917. – М., 1998.
- С.А. Э к ш т у т. В поиске исторической альтернативы. Александр I, его сподвижники и декабристы. – М., 1994.

«АИРО – ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ»

под редакцией Г.А. Бордюгова

Советская Военная Администрация в Германии (СВАГ). Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945–1949 гг. Сборник документов. – М., 1994.

Литературный фронт. История политической цензуры 1932–1946 гг. Сборник документов. – М., 1994.

Неизвестный Богданов. В 3-х книгах

Книга I: Письма, статьи, доклады и воспоминания А.А. Богданова (Малиновского). 1901–1928 гг. – М., 1994.

Книга II: А.А. Богданов и группа “Вперёд”. – М., 1995.

Книга III: А.А. Богданов. Десятилетие отлучения от марксизма. – М., 1995.

СССР – Польша. Механизмы подчинения. 1944–1949. Сборник документов. – М., 1995.

Тюремные рукописи Н.И. Бухарина. В 2-х книгах

Книга I: Н.И. Бухарин. Социализм и его культура. – М., 1996.

Книга II: Н.И. Бухарин. Философские арабески. Диалектические очерки. – М., 1996.

“Правый уклон” в КПГ и сталинизация Коминтерна. Стенограмма заседания Президиума ИККИ по германскому вопросу 19 декабря 1928 г. – М., 1996.

«ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ В РОССИИ»

К. А й м е р м а х е р. Политика и культура при Ленине и Сталине. 1917–1932. – М., 1998.

М. Б у б е р - Н е й м а н. Мировая революция и сталинский режим. – М., 1995.

В а д а Х а р у к и. Россия как проблема всемирной истории. Избранные труды. – М., 1999.

- А. Г р а ц и о з и. Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 годы. Очерк о большевизмах, национал-социализмах и крестьянских движениях. – М., 1997.
- Д. К р е ч м а р. Политика и культура при Брежнев, Андропове и Черненко. 1970–1985 годы. – М., 1997.

«АИРО-МОНОГРАФИЯ»

- Г.М. А д и б е к о в. Коминформ и послевоенная Европа. – М., 1994.
- Н.Ф. Б у г а й. Л. Берия – И. Сталину: “Согласно вашему указанию...” – М., 1995.
- М.А. П е р с и ц. Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран. 1920–1921 гг. – М., 1996.
- Ю.А. П о л я к о в. Паше непредсказуемое прошлое. Полемические заметки. – М., 1995.
- В.П. Ф е д ю к. Белые. Антибольшевистское движение на юге России 1917–1918 гг. – М., 1996.
- О.В. Х л е в н ю к. Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 1930-е гг. – М., 1993.
- Ю.П. Ш а р а п о в. Лицей в Сокольниках. Очерк истории ИФЛИ – Московского института истории, философии и литературы им. Н.Г. Чернышевского (1931–1945 гг.). – М., 1995.

«АИРО – НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИИ. ТЕМЫ ДЛЯ XXI ВЕКА »

- “Свое” и “чужое” прошлое, или поиск новых идентичностей в постсоветских государствах.* Материалы обсуждения на Международной научной конференции “Создание национальных историй” (15–16 сентября 1998 г., Москва). Вып. 1. – М., 1999.
- И. Р о т а р ь. Ислам и война. Вып. 2. – М., 1999.
- М.И. М е л ь т у х о в. Канун Великой Отечественной войны: дискуссия продолжается. Вып. 3. – М., 1999.
- Ст. К о э н. Изучение России без России. Крах американской постсоветологии. Вып. 4. – М., 1999.
- Г. Б о р д ю г о в, В. Б у х а р а е в. Национальные истории в революциях и конфликтах советской эпохи. Вып. 5. – М., 1999.
- К. В а ш и к. Представление исторического знания и новые мультимедийные технологии. Вып. 6. – М., 1999.
- Д.Ю. Г у з е в и ч. Кентавр или к вопросу о бинарности русской культуры. Вып. 7. – М., 2000.
- Е. К о т е л е н е ц. «Харизматический властный союз». Новейшие исследования о Ленине и его политическом окружении. Вып. 8. – М., 2000.

Бахтурина Александра Юрьевна

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ВОСТОЧНОЙ ГАЛИЦИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

На первой странице обложки приведены фотографии
А. Шептицкого, Г. А. Бобринского, В. А. Бобринского.

Ответственный за выпуск – А.И. Ушаков.

Редактор – Е.Е. Зарайская.

Компьютерная верстка³
и техническое редактирование – С.П. Щербина.

ИД № 01428 от 05.04.2000

Подписано в печать с оригинал-макета 16.04.2000

Формат 60×80 1/16. Бумага офс.

Усл. печ. л. 16,5.

Научно-исследовательский центр АИРО-XX

E-mail: airo@glasnet.ru

